КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ

ГЕНЕРАЛ КОНОНОВ

(ОТВЕТ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ ЗА ОДНУ ПОПЫТКУ)

ТОМ II

1965

Издание автора
Все права сохранены за автором

Типография И. Башкирцева,
Мюнхен, Западная Германия.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Легендарный герой Освободительного Движения Народов России 1941-45 г.г. донской казак генерал Иван Никитич Кононов, бывший майор Красной Армии, кавалер ордена «Красной Звезды», окончивший военную академию имени Фрунзе — явление исключительное и единственное среди военачальников Красной Армии, принявших участие в вооруженной борьбе против советском власти во 2-ю Мировую войну.

Его действия, связанные с твердым и самоуверенным характером, сделали его имя легендарным в истории Освободительной борьбы Народов России.

«Кононов — пишет немецкий историк Юрген Торвальд — был явление твердое и самоуверенное».

«Лихой кавалерийский генерал» — восхищенно пишут иностранные журналисты и писатели.

Автор настоящей книги хорунжий Константин Черкассов бывший офицер для особых поручений ген. Кононова, начавший службу у последнего рядовым, в предлагаемой читателю книге описывает не только действия и подвиги ген. Кононова с его героями-казаками, но и захватывающе, с большим талантом рисует всю потрясающую картину как стихийного, так и организованного Освободительного Движения Народов России, возглавленного знаменитым генералом Красной Армии Андреем Андреевичем Власовым.

- КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ
ГЕНЕРАЛ КОНОНОВ
(ОТВЕТ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ ЗА ОДНУ ПОПЫТКУ)
ТОМ II

Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я — зову его к светлому будущему, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа.

А. А. Власов

ОТ АВТОРА

Сердечно благодарю читателей первого тома «Генерал Кононов», удостоивших меня, несмотря на ряд технических недостатков его, своими хорошими и дружественными отзывами. (Технические недостатки в первом томе произошли вследствие неожиданной смерти управляющего типографией «Единение». Книга была напечатана без всякой корректуры — со всеми ошибками допущенными при наборе. (Кроме этого были налицо происки врагов, старавшихся всеми способами сорвать выход книги в свет).

Ободренный теплым приемом первого тома «Генерала Кононова» и, в особенности, искренними и хорошими пожеланиями читателей приславших мне письма, я хочу искренне поблагодарить их всех и, в особенности, следующих:

Английского журналиста и писателя, автора книги об Освободительном Движении Народов России «THE EAST CAME WEST» (Восток пришел на Запад), Peter J. Hucley-BIythe, поддержавшего меня морально в моем труде.

Бориса Казимировича Ганусовского и Владимира Николаевича Азар, за их добросовестную и беспристрастно-глубокую критику 1-го тома.

Протоиерея Н. Депутатова, полковника А. М. Бочарова, г-на Норан Болдырева, г-на В. Орловского и г-на А. Андрианова за теплые, дружественные и: беспристрастные отзывы.

Еще раз благодарю всех способствовавших своей моральной поддержкой моей работе над вторым томом книги!

К. Черкассов

Выдержки из некоторых отзывов читателей о 1-м томе:

«Прочитав 1-й том вашей книги «Генерал Кононов», я пришел в восторг. Почувствовал, что будто бы вчера был на фронте в своем родном 5-м Донском полку. Желаю вам от всей души и от всего сердца успеха в вашем благородном и честном ответе перед историей — за нашу попытку свергнуть проклятое коммунистическое рабство на нашей дорогой Родине — России».

А. Андрианов, США

«Не падайте духом, пусть вас берут в «штыки» «левые» и «правые» — это надо было предвидеть.

Тот кто там не был — «Поле брани», тот кто не участвовал в этом Движении, вас не поймет, но книга ваша заставит многих задуматься, а некоторых, более способных и умных людей, анализировать этот исторический факт…»

В. Орловский, Аргентина

«В книге много правды и искренности. По прочтении книги, нельзя не согласиться с лозунгом ген. А. А. Власова и Российского Освободительного Движения:

Россия — наша!

Прошлое России — наше!

Будущее России — тоже наше!»

В. Н. Азар, США, (Из рецензии в газете «Русская Жизнь»)

«Как участник Освободительного Движения Народов России (я по национальности калмык), от всей души благодарю вас за отважный поступок. Ваша книга — это наша святая правда! Коммунизм погибнет! Правда восторжествует! Россия воскреснет!

Шлю вам свой боевой Власовский привет».

Норан Болдырев, Бельгия

«И вот, на фоне вынужденного заговора молчания, страха перед советчиками, наконец, появилась мужественная книга, в которой рассказывается и показывается, как происходила борьба против Сталина и его власти и почему и чьей виной она была проиграна.

Кроме того, что книга представляет исключительно интересный материал по истории антикоммунистической борьбы в России и заключает в себе значительное число важных документов, оно написана хорошим легким языкам и читается с увлечением. Будем же ожидать скорого выхода остальных двух томов этой интереснейшей книги».

Б. К. Ганусовский, США, (Из рецензии в газете «Русская Жизнь»)

«Не обращайте внимания на происки советчиков, а также завистников и интриганов из эмигрантской среды. Вы должны отбросить, как укусы комара, все моральные неприятности, причиненные вам реакцией, шовинизмом и нетерпимостью и гордиться большим делом, которое вы начали.

Мужайтесь и не падайте духом, мой дорогой, к счастью и чести нашей вы не одиноки — есть еще люди целеустремленные и честные, и перед историей только они оправдают наш добровольный уход в изгнание.

Помните это. Только история рассудит правильность наших действий, но несомненно имя генерала Кононова будет наравне с Вождями Освободительного Движения и ваша задача оставить истории правду.

Твердо верьте — Россия наша и будущее ее тоже наше!»

В. Н. Азар, США

«Прочел книгу с большим интересом и думаю, что она имеет большую историческую ценность. Ваша книга является большим вкладом в общее дело. Будьте во всем искренни и в последующих

томах. Факты… факты — вот залог успеха вашего большого труда».

Полк. А. М. Бочаров, Аргентина

«I cannot tell you in words in a latter haw excellent your Book is but I am shore it will cause a sensation when it is finished. I am hardly wait for that day but I must be patient… (Я не могу выразить словами в письме, как замечательна ваша книга, но я уверен, что она произведет сенсацию когда будет готова. Мне не легко дождаться этого дня, но я должен быть терпеливым…)»

Peter J. Hucley-BIythe, Англия

«Лично я был очарован вашим стилем, простым и ясным. Взяв в руки «Генерал Кононов» я не мог оторваться — так все ново и интересно, хотя я и был уже знаком со всеми этими событиями раньше, но не с такими подробностями, какие нахожу у вас. Кстати, я лично знаком с генералом. Не раз с ним разговаривал, когда был в Аделаиде. Очень симпатичный, сдержанный и как бы добре сложенный внутренне и цельный, как монолит. Часто видел его в храме.

Дай Бог ему здоровья и сил оставаться таким, каким вы его изобразили, зная лучше, чем кто бы то ни был…

С любовью во Христе.

протоиерей Н. Депутатов».

ГЛАВА ПЕРВАЯ
НА БАЛКАНАХ

Югославию — страну сербов, хорватов и словенов, народов гордых и храбрых — танковым немецким дивизиям удалось протаранить насквозь, рассеять и взять в плен ее армию в течение нескольких дней, но это, как потом оказалось, нисколько не сломило воинственный дух этих народов и не поставило их на колени.

Национально оскорбленные югославы ринулись в борьбу с сильным и жестоким врагом, начав вести ее партизанским способом. Исключительно благоприятная для ведения «малой войны» гористая местность Балкан способствовала их патриотическому и героическому порыву.

В горных, поросших густым лесом, трущобах возникали очаги партизанской борьбы. Их численность, с первых же дней возникновения, с каждым днем неуклонно росла, подобно снежному кому, и вскоре превратилась в миллионную народную армию, покрывшую густой сетью своих подразделений всю страну.

Недосягаемые в своих трущобах югославские партизаны, сорганизовавшись и почувствовав свою силу, стали настойчиво и целеустремленно подтачивать и разъедать вонзенные в их страну немецкие стальные клинья. Немецкие войска, оказавшись плотно охваченными храбрым и настойчивым противником, при всей своей огневой мощи и боеспособности, оказались бессильны в попытках устранения этой, весьма существенной для них, помехи. Неоднократно предпринятые немецким командованием операции по уничтожению партизанских опорных пунктов не имели существенных успехов и лишь еще больше усиливали злобу и национальную ненависть к немцам и только увеличивали ряды партизан.

Возникшая партизанщина вначале носила исключительно национальный характер, причем силы ее ослаблялись существующей испокон веков внутренней враждой между православными сербами и католиками хорватами. Последние были оскорблены тем положением, что государство возглавлял сербский королевский двор и считали такое положение «сербским игом».

Немцы, с целью усилить разлад среди югославов, чуть ли не в первый же день захвата Хорватии, устами хорватских националистов-усташей, объявили Хорватию свободным и

независимым государством. В начале эта авантюра имела успех и привлекла на сторону немцев большинство хорватского населения, которое видело или, вернее, хотело видеть, в лице немецких солдат своих освободителей от «сербского ига».

Ставленник немцев — хорватский националист поглавник Антэ Павелич — повел жестокую борьбу против сербов. Созданные им на подобие сталинского НКВД или гитлеровского Гестапо, усташские войска начали поголовно вырезать сербов, проживавших на территории Хорватии. Немцы рассчитывали с помощью хорватских шовинистов держать в своих руках все население Югославии и поощряли кровавые расправы этих молодчиков. Однако их расчеты вскоре провалились.

Хорватская беднота, заразившись усиленно распространяемой коммунистической пропагандой и к тому же убедившись, что их, так называемая, «Независимая Хорватская Держава», по сути всецело зависит от немцев, стали покидать лагерь хорватских шовинистов-усташей и присоединяться к интернациональному лагерю партизан-коммунистов. Вождь югославских коммунистов — Тито (хорват), обученный и воспитанный в Москве, оказался не только ловким политиком, но и весьма талантливым партизанским вождем. Под его руководством, разрозненные (коммунистические) партизанские отряды, были сколочены в хорошо организованные и весьма подвижные части и всецело подчинены ему.

Тито очень умело и успешно, сравнительно за короткий срок, сумел устранить в своем лагере национальную междоусобицу и, объединив партизанские силы, превратил освободительную национальную борьбу югославских партизан против немецких оккупантов в борьбу, преследующую политические цели. Отколовшиеся при этом сербские роялисты-четники, во главе с генералом Драже Михайловичем, обратили свое оружие против коммунистов. Однако это повело к тому, что англичане, увидев малочисленные ряды четников, несмотря на их лояльность к союзникам, незамедлили от них отвернуться и стали усиленно помогать Тито. Однако, покинутые на произвол судьбы четники, крайне патриотически настроенные, не бросили поле боя и продолжали вести свою одинокую героическую борьбу.

К осени 1943 года силы титовских войск настолько возрасти и стали приносить такой серьезный вред немецким коммуникациям, что немецкому командованию, чтобы их удержать, пришлось на борьбу с ними бросить такое количество своих войск, какое они ни в коем случае не могли предполагать. Фактически немецкие опорные пункты на территории Югославии оказались оазисами в пустыне, наполненной бесчисленным

противником. Почти все население Югославии было крайне враждебно настроено по отношению немцев. В каждом населенном пункте, где только останавливались немцы, немедленно организовывалась круговая оборона, день и ночь у пулеметов дежурили часовые. Перешагнуть линию обороны — для немецкого солдата означало риск быть схваченным постоянно подстерегающими его партизанами.

Население, считавшееся мирным, было не менее опасным. Горя лютой ненавистью к оккупантам, оно было готово при каждом удобном случае, в любой момент, броситься и перегрызть горло каждому немцу.

В таком положении оказались немецкие войска в Югославии, исполняя директиву Гитлера, имевшую кодовое название «Марита». Немецкие войска успешно выполнили задание, но возникшая на Балканах партизанщина превратила этот успех, по сути дела, в неожиданный и серьезный проигрыш. Не желая расставаться с Балканами, что принуждало постоянно усиливать войска охраняющие коммуникации, немецкое главное командование, хорошо осведомленное о ненависти казаков к коммунистам к о приспособленности казаков вести противопартизанскую борьбу, решило бросить на Балканы Первую Казачью дивизию.

* * *

В середине октября эшелоны с частями Первой Казачьей дивизии стали подтягиваться к столице Югославии — Белграду.

В солнечный осенний октябрьский день Белград созерцал необыкновенную для него картину. Через город, цокая копытами, гремя оружием и скрипя амуницией, двигались бесконечные колонны казачьей конницы. Жители с недоумением и любопытством смотрели на проходящие войска.

«Черкесы су дошли. Русы…» — поползло по городу и по всей стране.

«Какое то? За што?!» — недоумевали сербы.

Испокон веков привыкшие называть Россию — «Русия-Матка», а русских считать самыми близкими своими братьями из всех славянских народов, сербы не могли понять, просто у них не укладывалось в голове — как это так? Руси, которые освободили Сербию от трехсотлетнего турецкого ига, руси, которые были вечными защитниками единоверного православного сербского народа и что эти же руси-«черкеси» появились в их стране, как союзники их лютого врага — гитлеровской Германии. Им

совершенно не были понятны причины, принудившие борющихся против Сталина русских, оказаться на немецкой стороне.

Умелая коммунистическая пропаганда, попав на плодородную почву, какой была Королевская Югославия, расцвела пышным цветом. Мало цивилизованная, полуграмотная югославская беднота, как к солнцу потянулась к пропаганде, обещающей — «Свободу, равенство и братство».

Можно себе представить их негодование и их злобу к русским «черкесам», пришедшим в их страну огнем и мечем уничтожать коммунизм, ставший их идеалом.

С прибытием Казачьей дивизии на Балканы, как и следовало ожидать, титовская пропаганда немедленно направила все свои силы против казаков. Сразу же появились листовки, в которых казаки клеймились ворами, разбойниками, грабителями, наемниками Гитлера и т. д. и т. п. Народы Югославии призывались на борьбу не на жизнь, а на смерть с бандитами-казаками, пришедшими грабить их страну и подавлять коммунистическое движение. Однако титовская пропаганда оказалась совершенно бессильной при первом же соприкосновении югославов с казаками. Два родственных славянских языка — русский и сербско-хорватский — оказали большую услугу взаимному пониманию этих двух народов. Казаки, очень скоро научившиеся свободно объясняться по-сербски, в повседневной жизни среди населения принялись с присущим им темпераментом неустанно изо дня в день, рассказывать югославам правду о жизни в СССР, о лишениях и страданиях трудового народа, живущего под сталинским игом; рассказывать о своих личных мучениях, о тюрьмах, о концлагерях; рисовать ужасную картину террора и страха в сталинской империи.

В сущности, в Югославию в составе Первой Казачьей дивизии, прибыло не двадцать тысяч солдат, а — двадцать тысяч ярых антикоммунистических пропагандистов, и пропагандистов искушенных, испытавших на себе все прелести — «сталинского рая», имевших все основания утверждать, что коммунизм — это насилие, террор, голод, тюрьмы, концлагеря: что коммунизм — это неслыханный ранее в мире рабовладельческий строй.

В Югославии, и особенно в ее столице, проживала большая часть русской эмиграции 1918–1921 г.г. Но, если югославы и имели какие-либо основания не верить рассказам этих русских эмигрантов о коммунизме, рассматривать их как бывших русских капиталистов, помещиков, как трутней и эксплуататоров трудового народа, которых революция выбросила из России, то они не могли найти абсолютно ни малейших оснований

рассматривать таким же образом «новых русских», пришедших в их страну в лице казаков из советской России. Пришедшие — «новые руси», никак не были похожи на — «старих русов» и по виду, и по речам. По их виду можно было сразу определить, что это простой трудовой народ — крестьяне и рабочие, что это люди, чьими руками пашутся поля и строятся заводы. И простому сербу невольно приходила мысль: почему же русский трудовой народ, проливший столько своей крови в революцию 1917–1920 г.г. за идею коммунизма, теперь вдруг поднялся на решительную борьбу против коммунизма, да еще в таких страшных условиях — в сотрудничестве с гитлеровской Германией?

Ставший ребром вопрос заставлял задумываться даже самых ярых и убежденных югославских коммунистов и давал им основание верить «новим русам», говорящим им правду. Первая Казачья дивизия была хорошо вооружена, но ее огневая сила, в сущности, была ничтожной по сравнению с той огромной политической мощью, какую она представляла собой в борьбе против коммунистического движения в Югославии.

* * *

Река Сава — естественная граница между Сербией и Хорватией. Пройдя через Белград, а затем через мост, переброшенный через р. Саву, мы оказались в Хорватии.

Штаб дивизии, совместно со штабом 5-го Донского полка, стал в местечке Рума, а полки и части обеспечения дивизии, расположились в окрестных селах.

Наша сотня расположилась в 5-ти километрах от штаба, в селе Ирик. Напуганные титовской пропагандой селяне, в начале с легким страхом встречали нас, но увидев дружеское к ним отношение казаков, стали улыбаться, вступать в разговоры и угощать нас созревшим виноградом и прекрасными ароматными спиртными напитками, которые они выделывали из слив и винограда. Живописное, окруженное виноградниками село, было очень зажиточным. Почти в каждом доме была, как говорится, полная чаша. У селян во дворах было полно скота, птицы и прочего добра.

В первый же вечер селяне созерцали нравы и быт казаков. Казаки, ознакомившись с гостеприимными хозяевами, незамедлили показать свою казачью удаль. По всему селу разливались песни и гремели двухрядки.

Проходя мимо дома, где помещалось первое отделение нашего взвода, я услышал музыку, топот и свист. Весь дом ходил

ходуном. У открытой двери, заглядывая во внутрь комнаты, стояла толпа селян. В большой горнице, отодвинув стол в угол, казаки отплясывали — «казачка». Вокруг, тесным кругом, столпились женщины, мужчины и дети. В середине, прихлопывая по голенищам, мелкой дробью выбивая какие-то заковыристые «колена», припевая частушки и посвистывая, плясал наш командир взвода — вахмистр Чебенев. Вскидывая белобрысым кучерявым чубом, он с гиком пускался в присядку.

«Ходи хата, ходи печь, хозяину негде лечь» — подпевая скороговоркой и хлопая в ладоши, поддавали жару казаки. Наш сотский повар, Иван Болдырев, — «рвал» на двухрядке и, время от времени, не выдержав пускался сам в присядку вместе с гармошкой.

Еще дома, в Таганроге, в ансамбле песни и пляски я учился плясать. Казаки, зная, что я «спец» по этой части, увидев меня, схватили и, высоко приподняв, через головы селян, бросили на середину круга. Приземлившись я с ходу пошел «щупаком».

«У ха…, о ха…» — гремело кругом.

Восхищенные казачьей веселой натурой, крестьяне пожимали нам руки, приветствовали нас. Хозяин дома, весьма тронутый, гостеприимно угощал всех вином.

«Газда, а газда (газда — хозяин), — говорит один казак, обращаясь к хозяину, — вот ты имеешь свой дом, свою землю, коров, лошадей, птицу, виноградники; живешь богато и ни в чем не нуждаешься. А вдруг придут коммунисты, — они у тебя заберут все это. Загонят тебя в колхоз и будешь ты горбить не на себя, а на товарища Тито и его надсмотрщиков. Будешь сопротивляться, они тебя загонят в тюрьму, в концлагерь, где ты и согнешься. Понял, братушка? У вас, в Югославии, будет то же самое, что и у нас, в России. Все это всем нам, кого ты здесь видишь, пришлось испытать на своей шкуре».

Другие казаки, оставив веселье, вступают в разговор и на перебой начинают рассказывать о жизни в СССР. Хозяин и все другие селяне с явным интересом и, одновременно, недоверием слушают и задают вопросы. Веселье переходит в политику. Начинается ярая антикоммунистическая пропаганда. Разговор затягивается до поздна.

Вахмистр Чебенев, сделав мне знак, вышел на улицу. Я последовал за ним.

«Посты проверил, все в порядке?» — спрашивает он меня.

«Так точно, господин вахмистр, все в порядке», — доложил я.

«Смотри, будь осторожен и скажи своим казакам — в полку уже насчитывается восемь человек пропавших. Смотри, чтобы никто из казаков ночью в одиночку не ходил, никуда бы не

отлучался. Эти титовцы, видать, ловкие ребята, но мы им… скоро покажем с кем они имеют дело» — загнув троекратным (матом) и вскинув чубом, закончил Чебенев.

«Иди… в случае чего… Я вот в этой хате сплю, понял?», — добавил он.

«Слушаюсь!» — вытянулся я.

В эту же ночь в местечке Рума, где стоял штаб дивизии и штаб нашего полка, произошла стычка с Титовцами. Около двух часов ночи казачий пеший патруль от 1-й сотни, проходя по улице заметил, что какая-то фигура стояла у калитки одного двора и быстро скрылась при его приближении. Начальник патруля, урядник Ковыль, сейчас же приказал бегом окружить двор. Ковыль и с ним трое казаков вошли во двор. Горевший в доме свет сразу же потух. Неожиданный огонь из автомата сразил на смерть урядника Ковыля и казака Седых. Из дома и сарая открылась автоматная и ружейная стрельба. Началась перестрелка. Подоспевший взвод первой сотни, окружив дом, заставил титовцев сдаться. Пленные, всего пять человек, оказались одетыми в форму нашего полка. Связанные и перепуганные на смерть хозяева дома, после того как их развязали, рассказали, что эти «черкеси»[1] сняли с них обручальные кольца, связали руки, заткнули рты и изнасиловали жену в присутствии мужа. Гардероб и шкафы побили и выбрали все ценное. Командир взвода — хорунжий Сидак — оставив патруль у дома, отправил пленных в штаб полка.

В штабе было установлено, что пленные титовцы были посланы штабом 12-й титовской бригады с целью компрометации казаков перед хорватским населением. Форму они отобрали у попавших к ним в плен казаков. Среди пленных титовцев оказался один русский, молодой, двадцатидвухлетний парень из Архангельска — советский парашютист. Остальные были сербы и хорваты.

Привыкшие почти безнаказанно нападать на немецкие войска Титовские партизаны, после появления казаков на Балканах, на первых порах стали смело и нахально набрасываться на отдельные казачьи разъезды, атаковывать ночью казачьи стоянки, подслеживать и воровать неосторожных казаков, проявляя при этом храбрость, коварство и обман. Применяемые ими методы партизанской борьбы были поистине замысловатыми и приносили им в начале немалый успех. Но прибывшие казаки только осматривались и не выпускали сразу свои «когти».

Кононов, после того, как среди Белого дня у села Павловцы была обстреляна группа казачьих офицеров, выехавшая на рекогносцировку, где был убит командир 1-й сотни есаул Сушков,

выехал сам на место стычки с партизанами, подозвал к себе старших офицеров полка и сказал: «Пора этих ребят как следует проучить, всыпать им так, чтобы они и духу казачьего боялись!» — и тут же отдал приказ атаковать партизан, занимавших село Павловцы и окрестные села в лесу.

Через полчаса село уже горело и по улицам бежали ворвавшиеся в него казаки. Ошеломленные неожиданной «наглой», никогда раньше не виданной, ураганной атакой казаков партизаны, выбитые из села Павловцы, стали поспешно отступать к лесу, надеясь укрепиться в других оборонительных пунктах. Да не тут то было. Конные сотни уже давно сделали обход и охват отступающего противника. Казачьи конники, как муравьи, поползли через лес и горы. Кидавшихся из стороны в сторону партизан везде встречал меткий пулеметный и минометный огонь. Через час весь партизанский район превратился в горящий ад, из которого партизанам не было никакого выхода.

В этом бою мне пришлось впервые наблюдать ловкость и храбрость нашего командира взвода вахмистра Чебенева.

Верхами пробираясь через густой лес, согнувшись к конским гривам, мы едва успевали за Чебеневым. Наш взвод был послан обойти с тыла и уничтожить один опорный пункт противника на большой горе, с которой титовцы обстреливали дорогу. Зайдя с тыла мы спешились и, передав лошадей коноводам, поползли за взводным. На бугре, у самого леса, стояло несколько домиков. Вокруг были выкопаны окопы, из которых строчили пулеметы титовцев. Подобравшись совсем близко, Чебенев, оглянувшись на нас вскочил и крикнул: «Третий взвод, ура!» и стремительно бросился на ошеломленных партизан. Я видел, как он сразу же несколько человек сразил из автомата. Вывернувшегося неосторожно из-за хаты партизана, который хотел было в него выстрелить, Чебенев с такой силой, наотмашь, ударил автоматом по голове, что тот с раскроенным черепом свалился на землю. Продолжая строчить из автомата, Чебенев, увлекая нас за собой, побежал дальше. Быть может нескольким титовцам и удалось спастись от нас и скрыться в лесу. Уцелевших семь человек мы взяли в плен. Один станковый и два ручных пулемета, несколько автоматов и винтовок, ящик с гранатами — стали нашей добычей. Сев на лошадей, мы направились к своей сотне. Для раненых трех казаков мы сделали из веток носилки и заставили пленных нести их.

«Ну, ну, шагайте, братушки, веселей! Тоже еще вояки… с казаками воевать взялись», — подгоняя пленных подшучивал Чебенев.

К вечеру бой был окончен и сотни стали возвращаться на

свои стоянки. Везде было слышно, как шутили и весело переговаривались казаки. Чебенев рассказывал, подошедшему к нему командиру второго взвода, вахмистру Давыдову о том, как мы захватили партизан.

«… Да я его… как заладил по рогам, так он так и слетел с катушек!», вскидывая чубом и пересыпая троекратным матом свою блатную речь, говорил Чебенев. Давыдов и казаки, любившие Чебенева за его бесшабашную храбрость, гоготали и, в свою очередь, наперебой рассказывали о своих боевых успехах.

Под Павловцами титовцам был нанесен первый кононовский удар, поколебавший их боевую уверенность. Большое количество оружия и всякого военного снаряжения стало трофеем казаков. Были потери и у нас, но совершенно незначительные. Всего несколько человек было убито и ранено. На другой день, на офицерском собрании, Кононов, после обсуждения минувшего боя, указав на некоторые, допущенные в этом бою, ошибки, а также подчеркнув особенный успех некоторых сотен полка, сказал, что ошеломленный вчерашним боем, растерянный и потерявший уверенность противник, должен, до последнего дня пребывания казаков на Балканах, постоянно находиться в таком состоянии, и что необходимо, во что бы то ни стало, внушить противнику, что он не в силах выдержать бой против казаков, что любая атака казаков несет ему неминуемое поражение.

«Мы должны, — сказал Кононов, — ни в одном бою не допустить того, чтобы противник удержал свои позиции. Мы должны заставить его верить в то, что мы сила, которой он не в состоянии сопротивляться. Противник должен быть в вечном страхе, в неуверенности и в растерянности. Тогда как каждый казак должен быть в полной уверенности, что всякое сопротивление противника будет сломлено. Если мы нанесем противнику подряд несколько сокрушительных поражений — мы этого добьемся».

Вечером этого же дня командиры сотен передавали своим сотням напутствование «Батьки». Впоследствии, в бесконечных боях, каждый казак в полку знал хорошо, что как бы ни трудно было сломить сопротивление противника, сломить его нужно во что бы то ни стало, иначе оно несомненно еще больше усилится. Каждый казак знал, что «так Батька сказал, а Батько знает» — в этом все были более, чем уверены.

В этом месяце полки казачьей дивизии постоянно перемещались в районе Словенская Пожега, Ново-Капела, Ново-Градишка, Рушено, Старо Петрово Село и др., но в бой с титовцами, одновременно, не втягивалось больше одного полка. Очень скоро они оценили боевые качества каждого казачьего

полка в отдельности и, как правило, старались иметь дело с менее «страшными» полками. Особенно доставалось 3-му Кубанскому полку. Командир этого полка, подполковник Юнг-Шульц, постоянно жаловался на неудачи и удивлялся, что титовцы не нападают на другие полки, а постоянно преследуют только его полк.

Однажды пойдя на операцию 3-й Кубанский полк, не встретив противника, стал возвращаться. Спустившись с гор весь полк двинулся по дороге колонной, без бокового охранения. Войдя в село Псолский Дол, находившееся глубоко между больших гор, весь полк был неожиданно атакован окружившими его со всех сторон крупными силами титовцев. Полк был серьезно потрепан. Подоспевший на помощь 5-й Донской полк, после небольшого боя, отбросил обнаглевших титовцев. Получив приказ преследовать уходившего противника, 5-й Донской и 3-й Кубанский полки двинулись вслед за уходившими в горы титовскими бригадами. Наш полк, несмотря на старания, никак не мог настичь противника, тогда как 3-й Кубанский этой же ночью опять подвергся нападению титовцев.

Подполковник Юнг-Шульц переговариваясь с Кононовым по радио, опять пожаловался ему, что он, Кононов, гонит на него всех партизан.

«А ты их на меня нагони, я им дам!», — ответил Кононов.

Через несколько минут уже весь полк знал, как Батько ответил на жалобу Юнг-Шульца.

А однажды, в дружеской беседе старших офицеров, Кононов на жалобу Юнг-Шульца на неудачи шутя сказал: «Плохому танцору и известное место мешает»[2]. На другой день уже вся дивизия знала о шутках Батьки.

«Ну и Батько, уж если скажет, так скажет», — говорили смеясь «сыночки», восхищаясь своим казачьим Батькой.

Неудачи в боях постигали 3-й Кубанский полк в силу того, что и сам подполковник Юнг-Шульц и некоторые другие немецкие офицеры этого полка вели себя очень надменно и не любили казаков. Между ними и казачьими офицерами полка все время были трения и неурядицы. Это очень снижало боеспособность полка. Вмешательство командира дивизии ген. фон Панвица значительно поправило дело 3-го Кубанского полка.

После некоторых перемещений на командных должностях и сделанной хорошей «накачке» как немецким, так и казачьим офицерам, полк сразу же стал проявлять успехи в боях.

За время пребывания дивизии в этом районе в нашем дивизионе произошли изменения. Командир дивизиона, немецкий ротмистр фон Ляр и наш командир сотни немецкий

старший лейтенант были, по требованию Кононова, удалены из полка. Причиной послужило их недостаточное умение молниеносно выполнять боевые задания. Немецкое командование пошло опять на уступки и после этого с его стороны уже не было больше попыток вклинения немецких офицеров в ряды Кононовцев.

Дивизион принял есаул Мудров, Сергей Михайлович.

Нашу сотню принял хорунжий Пащенко, произведенный в сотники.

Командиры взводов нашей сотни — вахмистры — Давыдов и Чебенев были произведены в хорунжие. (В это время почти все под-офицеры всего полка, бывшие на должностях командиров взводов были произведены в офицеры).

Старый кононовец, есаул Мудров, немедленно стал наводить свои порядки в дивизионе, производя перемещения командиров сотен и взводов по своему усмотрению.

* * *

Исполняя главную возложенную на нас задачу, — охрану немецких коммуникации, — Первая казачья дивизия рассредоточила свои части на протяжении 300–350 километров вдоль железной дороги Загреб — Винковцы, прикрыв этим и параллельно идущие шоссейные дороги. Первое время местные небольшие бои не могли нанести сколько-нибудь значительного поражения силам титовцев, которые, в основном, находились глубоко в горах, что позволяло им безнаказанно оттуда действовать. Однако последние, после того как хорошо «понюхали» чем пахнет стычка с казаками и поняли с кем имеют дело, как правило, нападали исключительно и только большими силами на небольшие отдельные казачьи стоянки. В гористой, покрытой густым лесом, местности, так называемой, Фрушка-Гора, сосредоточились крупные силы титовцев, 3-я, 6-я, 12-я и 17-я бригады основательно укрепились в этом районе. Ограниченное количество хорошо проходимых дорог и многочисленность богатых хуторов и сел позволяли партизанам хорошо укрепиться и питаться из местных средств. К тому же, как с севера, так и с юга Фрушка-Гора прикрывается большими реками — Дунай и Сава. Сброшенный 27 июня 1943 года советский десант, а затем сброшенные советами оружие, средства технической связи, обмундирование и медицинские средства основательно поддержали силы титовцев. Советские инструкторы — специалисты по ведению партизанской борьбы, очень подняли

обученность титовских войск. Оборона, с тактической точки зрения, была построена грамотно. Прочные ДЗОТы были связаны ходами сообщения и хорошо замаскированы.

Каждая титовская бригада имела определенный ей район обороны, поддерживая тесную огневую связь с соседними бригадами. Бригады имели достаточную телефонную и радио связь.

3-я и 17-я бригады имели задачу постоянно прерывать сообщение по Дунаю и шоссейной дороге Вуковар — Белград; 6-я и 12-я бригады — нарушать движение по железной и шоссейной дороге Винковцы — Белград.

Титовские бригады в этом районе с успехом выполняли возложенное на них задание, чем ставили в критическое положение снабжение немецких войск на Балканах.

Немецкое командование на Балканах в начале ноября 1943 года, отдало приказ Первой Казачьей дивизии провести операцию всей дивизией и разгромить войска Тито, укрепившиеся в районе Фрушка-Гора. 16-го ноября дивизия сосредоточилась на исходном положении для выполнения приказа.

В 11.00 17 ноября полки двинулись выполнять задачу.

Наступавшим 5-му Донскому и 6-му Терскому полкам противник оказал сильное и упорное сопротивление. Взорванные мосты и минированные дороги заставляли полки долго топтаться на месте. Лишь к поздней ночи, после упорных боев, эти полки продвинулись вперед всего лишь на 5–6 километров.

Наступавшие с флангов 1-й Донской и 3-й Кубанский полки не встретив трудных преград, опрокинув заслоны 3-й и 17-й титовских бригад, продвинулись на 12–15 километров вперед, охватывая противника с флангов.

В 4.00 18.11.43 дивизия возобновила наступление и к 18.00 этого дня, после тяжелых боев продвинулась, в основном, не более чем на 5–6 километров.

В 6.00 19.11.43 дивизия перешла в более решительное наступление по всему фронту и сломив оборону противника стала основательно теснить титовские бригады, особенно 17-ю и 3-ю.

В этот день особенный успех имел 1-й Донской полк.

В 24.00 этого же дня, после небольшого отдыха, дивизия начала ночное наступление, но успеха не имела и отошла на свое исходное положение, дожидаясь утра.

В 5.00 20.11.43 дивизия возобновила наступление и сломив последнее сопротивление противника вышла к реке Дунай, преследуя рассеянные и убегающие в беспорядке титовские бригады. Последние стремились уйти за реку Дунай, но лишь

небольшой части 3-й и 17-й титовских бригад удалось переправиться через реку.

Основные силы титовских войск в районе Фрушка-Гора были уничтожены или взяты в плен, а части удалось разбежаться и скрыться в глубоких горах и лесах.

В этой первой крупной операции против титовских войск на Фрушка-Гора, Первая Казачья дивизия, выполнив боевое задание, показала большую боеспособность, упорство в выполнении приказа, методичность и маневренность в бою. Несмотря на исключительно трудное продвижение по бездорожью через горы и леса, при осенних дождях и распутице, с непрерывными тяжелыми боями, казаки и казачьи офицеры показали исключительную выносливость и бодрость. Дивизия захватила большое количество складов противника с оружием, обмундированием и продовольствием. Противник потерял до 1-й тысячи убитыми и до полутора тысяч ранеными. Попавшим в плен раненым титовцам, а также советским десантникам — солдатам и офицерам — была немедленно оказана медицинская помощь. Последние были очень тронуты братским к ним отношением казаков.

После разгрома титовских войск в районе Фрушка-Гора, Первая Казачья дивизия 1-го января 1944 г. была переброшена в Боснию.

Едва наш полк достиг Боснийских гор, как завязался бой, ставший особенно знаменательным для нашей сотни, бой за село Босанский Кабаш, давший нашей сотне имя «Лихой». Босанский Кабаш, прикрыт с одной стороны рекой Савой, а с другой большими горами. Прочно укрепившись в этом селе титовцы, делали вылазки, нападая на обозы и портили железную дорогу.

Помнится, всю ночь, под проливным дождем, мы без передышки двигались по извилистым крутым дорогам вверх в горы, покрытые густым лесом, и только к рассвету достигли этого села. Началась перестрелка и завязался бой. Хорошо укрепленный противник уверенно оборонялся. С утра до вечера, не стихая ни на минуту, кипел упорный бой. В одном месте, где проходила дорога, с большим трудом первому дивизиону, наконец, удалось сбросить противника с горы. Очутившись на самой вершине, мы увидели раскинутое у самого подножья гор большое село.

Наша сотня оказалась у дороги, которая почти отвесно, виляя и теряясь среди густого леса, спускалась к селу. Первый шаг для прорыва был сделан, но откатившийся противник укрепился внизу, у входа в село и, явно понимая опасность прорыва, засыпал дорогу ураганным огнем. С других гор, где все еще крепко держались титовцы, начался обстрел дороги из минометов.

Уже начинало темнеть, когда наш командир сотни, сотник Пащенко, подошел к командиру дивизиона есаулу Мудрову.

«Разрешите, Сергей Михайлович, я им на голову сяду», — просяще глядя ему в глаза, сказал Пащенко.

Черный, как цыган, с длинными усами и черными огненными глазами, Мудров был терским казаком и происходил из очень бедной казачьей семьи. Всю жизнь, с самой юности, он прослужил в Красной армии, начав службу в 1-й Конной Армии Буденного. Бывал он и комсомольцем, и коммунистом. Много раз был награжден. Крепко воевал он «за революцию» в 1917—22 г.г., за идею обещающую народу равенство, братство и счастливую жизнь, — за идею коммунизма. Но сталинщина привела к тому, что отличный командир Красной армии — старший лейтенант Сергей Михайлович Мудров — посвятил свою жизнь борьбе против коммунизма. Тот, кто его знал, тот знает с какой ненавистью относился он к сталинской системе террора и страха. Его черные, как огромные горящие угли, глаза метали искры при одном воспоминании об ужасах сталинщины.

Вспыльчивый и нервный, но неимоверно упорный в бою, он приходил в бешенство, когда бой затягивался и не обещал успеха.

«Угробишь мне сотню!» — сверкнув глазами, резко сказал он, а потом, нервно пройдясь из стороны в сторону, уже спокойно добавил. — «Давай, тезка, давай, родной мой! Батько приказал выбить из села противника».

«На конь!» — скомандовал нам Пащенко. Мы разобрали, стоявших в укрытии, вымокших от дождя, дрожавших лошадей. Пользуясь укрытием, мы рысью подошли к месту, где дорога делает последний поворот и, прямо перед нами, в 200–300 метрах от нас, у дороги под хатами увидели окопы противника.

Приподнявшись на стременах и оглянувшись на сотню. Пащенко, стеганув коня плетью, с криком «Ура» — бросился вперед. Вряд ли когда раньше, приходилось дороге ведущей в это село так содрогаться от конского топота. Охваченные неописуемым чувством атаки, мы опомнились только тогда, когда были уже в селе и увидели, как в беспорядке, через зеленую поляну направляясь к лесу, убегало множество титовцев.

«Огонь… Огонь… рас… мать…» — кружась на взбешенном, вздыбившемся коне, без шапки, с окровавленной головой, остервенело кричал Пащенко. Пулеметчики с ходу прыгая с лошадей, скользя и падая, лихорадочно спешились и никак не могли наладить к стрельбе пулеметы. Казаки, спешившись, на ходу в беспорядке стреляли из карабинов, но момент был упущен, — противник успел далеко уйти прежде, чем заработали пулеметы. «Эх… шашки бы, шашки…» — утирая на лице кровь,

тоскливо глядя вслед убегающим титовцам, чуть не плача от досады, говорил Пащенко. (При наличии шашек у казаков, убегающий противник мог бы быть вырублен до последнего человека, но Первая Казачья дивизия на вооружении шашек не имела, а использовались шашки только в некоторых случаях на парадах).

Ворвавшиеся вслед за нами в село другие сотни теснили противника дальше в горы. Уже наступила ночь, когда полк получил приказ прекратить преследование противника. Взятое село открывало дорогу к реке, вдоль которой шла дорога по равнине, что позволяло нам спокойно отойти на отдых. На другой день, перед выстроенным дивизионом, Кононов сказал: «Вчера, Первый дивизион храбро сражался, а третья сотня… у меня лихая…»

Ведя тяжелые бои с титовцами в Боснии, нам, наконец, пришлось увидеть сербского героя — генерала Драже Михайловича, о котором мы много слышали и которого очень хотели видеть. Его героических солдат — четников — нам часто приходилось встречать в самой глуши Балканских гор, откуда они небольшими отрядами вели свою героическую борьбу против всех своих врагов.

В Боснии, в одном небольшом селе в районе Перняур, находился штаб Михайловича, а в нескольких километрах от этого села стал штаб нашего полка.

Кононов, давно уже мечтавший встретиться с Драже, узнал что сербский герой находится вблизи нас, немедленно отправился к нему. Вся дорога, по которой следовал Кононов, охранялась казачьими пикетами. Нашей сотне пришлось сопровождать Кононова.

Михайлович, в то время, уже был прекрасно осведомлен об отношениях казаков к четникам. И те, и другие не раз выручали друг друга из беды. Главной причиной симпатии четников к казакам являлось то, что казаки по прибытии на Балканы категорически стали на защиту единоверных православных сербов, живших в Хорватии, от уничтожения хорватскими шовинистами-усташами. Можно привести много примеров, когда казаки защищая сербское население вступали в бой с усташами, несмотря на то, что последние были союзниками немцев и, хотя и невольными, но все же союзниками и казаков.

Опишу такой случай: в районе села Дьяково, где стоял Первый Донской казачий полк, ночью 3-го января 1944 г. казаки узнали от местного населения, что усташи привели около 200 сербов, — мужчин и женщин, малых и старых, загнали их в печи кирпичного завода и начали приготовления, чтобы их сжечь.

Казаки немедленно доложили об этом командиру 1-го дивизиона немецкому майору Максу и стали просить его принять меры для спасения сербов. Последний согласился и с сотней казаков прибыл к месту происшествия, где потребовал немедленно освободить людей. Усташи категорически отказались и вызывающе предложили казакам удалиться и не мешаться в дела их «державы».

Казаки начали насильно открывать двери и выпускать сербов.

Усташи (их было около роты) вступили в драку с казаками. Завязалась свалка с применением оружия, в которой 17 казаков и 2 офицера были убиты. Однако усташей усмирили. Около 30 человек их было убито, а остальные разбежались. Не успевших убежать, казаки связали и в злобе избили плетями.

Смертельно перепуганные сербы, выбравшись из печей кирпичного завода на свободу, падали перед казаками на колени и плача от радости благодарили своих спасителей.

Семнадцать казаков и два казачьих офицера отдали свои жизни за спасение единоверных сербов.

Другой случай, происшедший уже после похода в Боснию. В апреле 1944 года, наша сотня, возвращаясь из операции в районе г. Петриня, проходя через село Гора, узнала, что явившиеся в село усташи, около 20 человек, собираются взорвать православную церковь и подкладывают под нее мины.

Наш командир сотни, сотник Пащенко, немедленно послал связного доложить об этом Кононову. Через несколько минут связной вернулся. «Господин сотник! Батько приказал церковь разминировать, усташей выгнать, а если буду сопротивляться, дать им хорошую взбучку», — доложил, осаживая взмыленного коня, связной. (Я сильно смягчаю настоящее выражение связного).

Мы окружили церковь и Пащенко подойдя к усташскому офицеру приказал ему немедленно вынуть мины и повесить все иконы, которые усташи поснимали, на место.

«Наша хорватская независимая держава — мы в ней хозяева, а вы убирайтесь прочь отсюда» — надменно и вызывающе ответил усташский офицер.

Пащенко сказал ему, что казаки не собираются отнимать у хорват их «державу», но что казаки ни за что не допустят чтобы усташи жгли православные церкви и уничтожали сербский народ.

«Вы бы лучше геройство свое проявляли в борьбе против коммунистов, а не против церквей и мирного населения» — посоветовал Пащенко.

Оскорбленный усташский офицер замахнулся на Пащенко, намереваясь ударить его по лицу, но стоявший сзади казак схватил его за руку.

В этот момент один усташ выстрелил из карабина и насмерть убил этого казака. Урядник Чеботарев ударил прикладом усташа по голове и тот упал распластавшись на землю. Другие усташи стояли и не решались вступить в драку. Пащенко приказал всех усташей разоружить, заставить их вынуть из-под церкви мины и повесить иконы на место. Усташи приутихли и исполнили все приказания. Однако они этим не отделались. Пащенко приказал всыпать им по десять плетей каждому, что и было выполнено нами с большой охотой. После этого сотня продолжала свой путь.

Случаев подобного рода было больше чем надо и, конечно, об них знал Драже Михайлович.

Узнав о прибытии Кононова, он с группой офицеров вышел к нему навстречу.

Заросшие, с бородами и длинными по женски отпущенными волосами, (четники поклялись не стричь волос пока не освободят Сербию от всех врагов) в форме югославской армии, они поистине были похожи на каких-то сказочных существ. С особенно радостным приветствием приняли они приехавших казаков.

«Живио србский православный народ!» (Да здравствует сербский православный народ) — приветствовали мы их на сербском языке. Конечно, такие слова им были очень милы и они восторженно и дружно отвечали нам: «Живио брача казаци!» (Да здравствую братья казаки).

В двухчасовой беседе с Михайловичем, Кононов основательно договорился с ним о взаимной помощи, а в дальнейшем, быть может, и о возможных взаимных действиях. Михайлович имел хорошую информацию о Власове и определенно заявил, что он готов присоединиться к Освободительному Движению Народов России, так как верит, что Свободная Россия не оставит Сербию на произвол судьбы и, как и прежде, поможет сербскому народу освободиться от всех его врагов. (Россия в свое время освободила Сербию от 300-летнего турецкого ига). Кононов обещал, пока что в секрете от немцев, помогать Михайловичу боеприпасами и трофейным оружием (что с тех пор постоянно и делалось).

Кононов и Михайлович расстались большими друзьями. Впоследствии четники, в благодарность казакам, не раз приходили и предупреждали казаков о готовившемся нападении титовцев, среди которых четники имели своих людей.

* * *

В походе в Боснию наша 2-я бригада совершила, в основном,

марш — Дубница — Костайница.

Из Дубицы на Костайницу — две шоссейные дороги и железная, которые проходят между реками Сава и Уна.

Местность горная, покрыта густыми лесами. Бригада двинулась двумя колоннами: правая колонна — 5-й Донской полк, левая колонна — 6-й Терский, 3-й Кубанский полки и штаб бригады. К 8.00 5.1.44 бригада сблизилась с противником, а в 8.10 наша сотня, двигаясь в голове полка, вступила в бой с охраняющими подразделениями 18-й бригады Тито. Через некоторое время все казачьи полки ввязались в бой.

Наш полк стал наносить удар противнику правым флангам, стараясь прижать его к реке Уна и нагнать на главные силы нашей бригады. После часового боя полк, преодолев укрепления 18-й титовской бригады, стал энергично теснить ее к югу. Наша сотня, первая вступившая в бой, была выведена в резерв командира полка. Остальные сотни активно наседали на титовцев не давая им выйти из боя и уйти за реку. Оставшись в тылу, ежась от холода, мы стояли спешенные вдоль дороги и прислушивались, как захлебывались впереди пулеметы и рвались мины. Вдруг из-за леса на дорогу выехала легковая машина и быстро помчалась к нам. «Батько» — сказал кто-то. Все оглянулись. Из машины выскочил Кононов, подбежав к Пащенко, он что-то ему быстро сказал, вскочил на коня и, с места взяв наметом, скрылся за горой, где кипел бой.

Мы с недоумением и тревогой посматривали на помрачневшего Пащенко. Впереди, не стихая, кипел бой. Через непродолжительное время примчавшийся связной, передав приказание сотне идти вперед, сообщил, что убиты командир дивизиона есаул Мудров и командир минометного взвода хорунжий Семенов и полностью один минометный расчет. Как потом мы узнали, оказалось, что один из минометчиков впопыхах вложил в минометный ствол подряд две мины, разорвавшийся батальонный миномет сразил наповал семь человек. Все это произошло в самом разгаре боя. Примчавшийся Кононов не допустил замешательства и 1-й дивизион продолжал не отпускать от себя противника, нанося ему удар за ударом.

В 9.15 из штаба 2-й бригады 1-й Казачьей дивизии была получена всеми полками радиограмма такого содержания:

«8.40 5.1.44 Штабриг 2, 1 каз. 10 км зап. Дубица.

1) 5 Дон. ведет бой с 18 тит. бриг., нанося удар правым флангом.

2) 6 Тер., ведя упорный бой с 4 тит. бриг., успеха не имеет.

3) 3 Куб. сильным пулеметным и минометным огнем обстрелян с юж. берега р. Уна. Полку, нанести удар левым

флангом форсировав р. Уна. Захваченные полком пленные принадлежат 5 тит. бриг.

4) Разведкой 3 Куб. установлено движение с юга колонны противника до 3-х км.

5) Приказываю: 5 Док и 3 Куб. быстро форсировать р. Уна, окружить и уничтожить пр-ка на ее южн. берегу.

6) 6 Тер. энергично продолжать действия против 4 тит. бриг., не допуская ее отход на юг.

Комбриг 2 — Шульц»

Бой носил скоротечный характер. Противник несмотря на старания не принимать боя, не сумел оторваться от наседавших на него казачьих полков. Только подразделениям 4-й и 21-й бригад Тито, удалось быстро выйти из боя и без особых потерь уйти на юг, в горы. 18-й и 5-й бригадам, хотя они и успели переправиться на плотах и лодках через реку Уна, все-таки уйти не удалось. Конные сотни 5-го Донского и 3-го Кубанского полков, переплыв реку, с обоих флангов обошли противника с тыла и отрезали ему отход.

Пешие сотни, используя крестьянский скот и все что попадало под руки, организовав переправу (р. Уна шириной от 50 до 70 метров), невзирая на проливной дождь с градом, перебравшись через реку, рванулись преследовать противника. К 15.30 5.1.44 бой был закончен. 18-я и 5-я бригады Тито, были полностью разгромлены. Казачьи полки расположились на отдых и заняли круговую оборону. Нашей сотне выпало занять оборону на вершине огромной горы. Ледяной ветер пронизывал насквозь и нас, и измученных наших верных и неразлучных боевых товарищей — коней. Несмотря на опасность, было разрешено развести костры и высушиться после суточного «купания» под дождем, а затем в реке Уна. Среди темной ночи высоко в черное небо поднялись огненные столбы: казачье войско на Балканах, разгромив противника, отдыхало после битвы.

В этом бою противник оставил на поле боя более двухсот человек убитыми и тяжело ранеными, а также большое количество оружия и военного снаряжения.

Утром 6-го января 1944 г. полки двинулись к городу Костайница и простояв там одни сутки мы двинулись в район городов Сисак, Петриня…

Во время похода в Боснию, в одном селе наша сотня подобрала сербского мальчика сироту. Ему было 10 лет. Этот мальчик — Душко Маркович — рассказал нам, что его отца и мать убили усташи, как и всех сербов, которые проживали в этом селе. Ему удалось спастись скрывшись в лесу, в когда усташи ушли, он вернулся в село и жил прося милостыню. Уцелевшие

жители-сербы также рассказали нам, как однажды в их село зашли усташи, сожгли православную церковь и убили всех попавших к ним в руки сербов от малого до большого. Уцелели только те, которым удалось скрыться в лесу. Подобную историю мы уже слышали не раз, и в нашем полку, как и вообще во всей дивизии, в это время было уже очень много подобранных детей — сербских мальчиков сироток. Взятые на воспитание дети приучались к порядку и воинской дисциплине. Для них была пошита казачья форма, их учили русскому языку и старательно прививали казачью сноровку. Вскоре дети стали чувствовать себя казаками и впоследствии показали, что данное им воспитание было не напрасным.

Душко Маркович был очень хорошим послушным мальчиком. Взявший его на воспитание командир хозяйственного взвода, вахмистр Суханов, полюбил его, как родного сына, и заботливо его воспитывал. Придя а гор. Петриня штаб нашей бригады расположился в этом городе. Наша сотня расположилась в селе Комарево в 10 км от Петрини.

В этом месяце я был произведен в урядники.

10-го января в гор. Петриня состоялись похороны убитых в бою под Костайницей казаков и казачьих офицеров.

На похороны собрался весь полк.

В середине дня через город двинулась длинная колонна казаков, провожающих своих боевых друзей — одного из лучших офицеров 5-го Донского полка, есаула Сергея Михайловича Мудрова; геройского офицера-артиллериста — Хорунжего Семенова и других казаков, погибших вместе с ним, в последний путь.

Впереди, в голове колонны, сербские дети (сироты — воспитанники 5-го Донского полка) несли венки из цветов. Гробы с убитыми казаками-героями везли на лафетах орудий. По старинному казачьему обычаю за каждым гробом вели коня убитого хозяина. К седлу коня были приторочены ружья, шашки и другие казачьи доспехи.

За гробами первым, выделяясь своим большим ростом — в высокой донской папахе — шел командир 1-й Казачьей дивизии ген. — лейтенант Хельмут фон Панвиц. За ним Кононов, Вагнер, Шульц и другие старшие офицеры дивизии. Затем — весь полк.

Над не засыпанными еще могилами Кононов произнес речь, которую трудно сейчас пересказать, но она потрясла наши души так же, как и те залпы артиллерийских и ружейных салютов, произведенные в честь и память ушедших от нас наших боевых друзей.

С обнаженными головами казаки подходили к не засыпанным

еще могилам и бросали в них горсти чужой, не казачьей земли.

После совершенного похода в Боснию Кононов был награжден немецким Железным крестом II класса, а месяцем позже — Рыцарским крестом Хорватской республики.

* * *

После гибели есаула Мудрова дивизионом временно командовал сотник Бондаренко (командир 4-й сотни), но в середине января 1944 г. дивизион принял прибывший к нам в полк майор П.

В начале февраля командир 2-й бригады подполковник Шульц, посетив наш дивизион, остался очень доволен, проведенным нашей сотней показным тактическим занятием на тему: «Отдельно действующая конная сотня в наступлении».

В том же феврале в дивизионе были созданы под-офицерские курсы, на которых многие урядники и вахмистры получили основательные знания.

В Комарево только один раз титовцы сделали на нас нападение, довольно большими силами, однако, результат этого нападения оказался для них очень плачевным: — полным разгромом их бригады.

Дело в том, что как раз в тот вечер, когда они шли, чтобы напасть на нас и разбить наш дивизион, разведка 2-го дивизиона захватила в плен одного титовца. Последний оказался из штаба бригады и сообщил, что этой ночью на Комарево будет сделано нападение их бригадой.

Пленного направили к Кононову. Последний сказал ему, что если он врет и нападения на нас не будет, то он прикажет его расстрелять. Пленный поклялся, что не врет и, что наступление обязательно будет если, конечно, командование их бригады не отменит приказа.

Кононов приказал командиру 2-го дивизиона есаулу Борисову немедленно выступить и разгромить тыл титовской бригады.

В то время, когда титовская бригада, оставив небольшие силы для охраны своих тыловых органов, шла на наш дивизион, Борисов, окружив расположение титовских тылов, напал на них и в течение получаса дело было закончено и от бригадных тылов осталось одно воспоминание.

Много военного снаряжения, оружия, боеприпасов, продовольствия и около 400 человек пленных оказались трофеями нашего 2-го дивизиона.

Разгромив тыл титовской бригады, Борисов, сделав засаду, стал поджидать возвращения титовцев. После того, как нападение на нас было отбито, и они, оставив множество убитых и раненых, стали отходить, мы немедленно начали преследование.

Титовцы попали в засаду 2-го дивизиона, произошла страшная паника среди них. Мы наседали на них сзади и их бригада оказалась в казачьем кольце.

В течение часа все было кончено. Титовская бригада была разбита в пух и прах.

Уже стало светать, когда мы подходили к Петрине. По обе стороны длинного трофейного обоза и колонны пленных гарцевали казачьи конники.

На окраине Петрини нас встретил Кононов. «Ну как, сыночки, дали прикурить этим ребятам?!» — весело улыбаясь и сверкнув глазами спросил он нас. «Дали, Батько, дали… пусть знают, как портить нам сон» — с уверенностью и гордостью отвечали смеясь казаки.

* * *

В середине февраля 1944 г. в 1-ю Казачью дивизию приехали гости — старые казачьи генералы — эмигранты (Атаман Донского Войска — генерал-лейтенант Татаркин. Атаман Астраханского Войска — генерал-лейтенант Ляхов и легендарный герой, прославившийся в борьбе против большевиков в 1918–1920 г.г. — Кубанский генерал Шкуро). В то время, эти казачьи генералы не имели никаких воинских должностей и никак не были причастны к казачьим частям, организованным на немецкой стороне из казаков Советского Союза, но немцы, преследуя свои цели, разрешили им надеть русскую (не советскую) генеральскую форму и посещать казачьи части в качестве почетных гостей, вероятно полагая, что подобной демонстрацией им (немцам) удастся внушить казакам, что они борются на немецкой стороне за свои казачьи интересы.

Март 1944 г.
Слева на право: подполковник Кононов, ген. Шкуро, ген. Науменко, полковник Боссе и подполковник Шульц.

Март 1944 г.
Генералы фон Паннвиц, Шкуро и подполковник Кононов с группой офицеров дивизии.

Март 1944 г.
Казачьи атаманы: ген. Татаркин, ген. Ляхов, ген. Шкуро и подполковник Кононов перед строем 2-го адыгейского дивизиона 5-го Донского полка, 1-й Каз. дивизии.

Март 1944 г.
Казачьи атаманы и подполковник Кононов перед строем 1-го конного дивизиона 5-го Донского полка, 1-й Каз. дивизии.

Конечно, это была большая наивность со стороны немцев: кроме того, что казаки из Советского Союза были достаточно грамотны и искушены в политике, чтобы разобраться в немецкой незадачливой хитрости, для подавляющего большинства людей из Советского Союза старые казачьи генералы-эмигранты, не могли быть авторитетом.

Как уже было сказано выше, в Главном Управлении Казачьих Войск за спиной казачьих генералов сидел представитель министерства Розенберга — доктор Химпель. Фактически, этот

немец был главой Управления, созданного немцами с расчетом возможно более успешно использовать казаков в интересах Германии. Доктор Химпель не приказывал ген. Краснову, он только любезно советовал, однако, его советы нельзя было не исполнять, и все не одобренные им дела не имели никакого хода.

Конечно, не только казачьи офицеры, но и вся казачья масса, прекрасно понимала эту едва ли прикрытую фиговым листком немецкую авантюру, но казачество, как и другие народы СССР, оказавшись на немецкой стороне, ради борьбы против Сталина, попав в безвыходное положение, вынуждены были терпеть эту немецкую авантюру пребывая в надежде и вере, что рано или поздно немцам наступит крах и они (немцы) будут вынуждены отдать карты в руки Освободительного Движения Народов России.

Посещение 1-й казачьей дивизии старыми казачьими генералами, было инициативой Главного Управления Казачьих Войск, с ними же в качестве наблюдателя прибыл и главный «опекун» этой организации — доктор Химпель.

Естественно, что последний очень интересовался поведением новых казачьих вождей, да еще таких строптивых, как Кононов, о котором он много слышал.

Кононов, оповещенный о приезде гостей в его полк, хотя и понимал с какой целью доктор Химпель привезет «почетных гостей», однако, в силу существующего испокон веков в казачестве обычая — уважать старших и казачьего врожденного гостеприимства немедленно распорядился, чтобы все было готово для встречи гостей.

«Нужно, сыночки, стариков встретить с почетом. Они — наши казачьи генералы и наша святая обязанность оказать им почет и уважение. Так испокон веков у нас, казаков, ведется» — сказал своим молодым офицерам Кононов.

«Батько, да они, эти атаманы, Россию прокутили, а мы их теперь с почетом принимать будем?!» — беззлобно смеясь, сказал один из приближенных молодых офицеров Кононова.

«Россию прокутили не казаки и не казачьи атаманы, а те, кому они подчинялись. Этим казачьим атаманам в гражданскую войну пришлось не кутить, а вместе с казачеством подставлять свои головы под пули, за грехи тех, кто поистине прокутил царскую Россию.

Теперь поздно об этом говорить, сыночки. К нам в гости едут боевые казачьи генералы, они в свое время так же, как мы с вами теперь, громили большевиков, где попало. А особенно Батько Шкуро» — ответил Кононов.

«А может быть… кто их знает…» соглашающе заговорили

некоторые.

«Да ладно уж, если Батько хочет, будем принимать стариков с почетом!» — весело улыбаясь сказал за всех начальник штаба полка есаул Сидоров.

Люди из СССР и особенно молодое поколение, выросшее после гражданской войны, как правило, всю вину за водворение коммунизма в России возлагали на правящий слой старой России, доведшей Отечество до революции своими безумными действиями.

По их абсолютному убеждению русская аристократия, будучи таким правящим слоем, наплевательски относилась к развитию государства и, ведя паразитический образ жизни, исключительно только и занималась всевозможными увеселениями — балами, банкетами, кутежами.

«Прокутили голубчики Россию, а потом сбежали за границу» — со злобой и ненавистью, вспоминая ранее господствовавший слой, поговаривал, маясь в сталинском ярме, русский народ. Молодые Кононовские офицеры, не зная того истинного положения в каковом оказалось казачество в гражданскую войну, причисляли и старых казачьих вождей к «кутилам», тогда как это было совершенно неправильно.

Утром 2-го февраля в 5-й Донской полк прибыли гости. Их сопровождали командир 2-й бригады 1-й казачьей дивизии подполковник Шульц к другие немецкие и казачьи офицеры, а также и доктор Химпель. Командир полка с командирами дивизионов встретил гостей.

После обхода почетного караула от полка, обменялись приветственными речами.

Донской атаман ген. Татаркин производил особое впечатление. Его смуглое, с татарским обликом, лицо (совершенно соответствовавшее его фамилии) со спокойным и твердым взглядом, внушало уважение. Он внимательно выслушивал и так же спокойно отвечал. В его речи чувствовались уверенность, твердость и ясность ума.

Кубанский генерал Шкуро, невысокого роста, стройный, живой и поворотливый, с типично славянским лицом, говорил с темпераментом, живо и резко, сопровождая свою речь энергичной жестикуляцией. На его лице сурово сходятся брови, но через несколько секунд оно расплывается в веселой, с хитрецой, улыбке. Он бесконечно шутит и острит. За столом, после пары стаканов вина, он уже и Кононову и всем кононовским офицерам говорит «ты» и всех называет не иначе, как сынками. По его виду и поведению видно, что он нисколько не чувствует себя эмигрантом без должности и положения, а чувствует себя

уверенно, как прежде на поле боя, казачьим вождем — Батькой и никак ни по другому.

Молодые кононовские офицеры с явной симпатией смотрят на ген. Шкуро и грохают со смеху при его шутках.

Астраханский атаман ген. Ляхов — высокий, худой и очень старый человек в высокой каракулевой папахе, говорит спокойно и покорно, терпеливо выслушивает всех и не спеша отвечает. Доктор Химпель никаких речей не произносил, а, сидя за общим столом, очень любезно вел разговоры с казачьими офицерами, сидевшими рядом с ним.

В тот же день выстроенный 5-й Донской полк познакомился с почетными гостями и выслушал их приветственные речи и призывы к бескомпромиссной борьбе с коммунизмом. Больше всех казакам понравился своим живым и веселым нравом ген. Шкуро. Он задорно и весело и как-то особенно дружелюбно говорил с казаками, пересыпая свою речь шутками и остротами.

Ген. Шкуро самолично вручал некоторым казакам боевые ордена к особенно торжественно приколол медаль за отвагу воспитаннику нашего полка сербскому мальчику Андерю. (О детях воспитанниках 1-й казачьей дивизии, я еще скажу ниже).

Март 1944 г.
Ген. Шкуро награждает сербского сироту Андрея, воспитанника 5-го Донского полка, боевым орденом. Слева стоит Кононов, справа — Донской атаман ген. Татаркин.

Возвращаясь после построения по домам казаки постарше, воевавшие в гражданскую войну 1918–1920 г.г. в рядах Красной Армии, рассказывали, что в те времена ген. Шкуро был для них самым страшным противником, что он был очень способным полководцем и лихим рубакой, что его волчьи сотни прорывались в тыл красных и наводили там страшную панику.

«Да… в свое время, конечно, они, эти старики были хорошими командирами, но что они могли тогда сделать, когда всякие авантюристы политиканы направили на казаков всю

Россию, всех мужиков. Разве попрешь против рожна!?» — сочувственно говорили старьте казаки.

В этот же вечер Кононов вел долгий и серьезный разговор с Донским Аатаманом ген. Татаркиным, который оказался умным и прозорливым политиком. Он не допускал абсолютно никаких иллюзий и ясно видел в каком положении оказались люди из Советского Союза, ставшие на путь открытой вооруженной борьбы со сталинской кликой.

«Немцы доверяют нам больше, чем вам, — говорил ген. Татаркин, — но что мы можем выставить на борьбу против Сталина? Горсть казаков-эмигрантов сточенных эмиграцией и старостью. Кроме того, мы — «белобандиты» как для Красной Армии, так и для большинства народа «там», являемся ничем иным, как пугалом, от которого, в лучшем случае для нас, могут только убегать, сломя голову, советские солдаты и офицеры, а народ тем более.

В свое время Белая Армия много наделала таких дел, чтобы ее боялись и ненавидели народные массы, но стоит ли теперь об этом вспоминать.

О возглавлении борьбы против Сталина лично мной или другими белыми генералами не может быть и речи. Я слышал о ген. Власове и о его действиях и я уверен, что это самая большая фигура из вашей среды на этой стороне.

У немцев есть несколько миллионов советских военнопленных. Если Власову удастся вырвать их из рук гитлеровцев и организовать из них солидную вооруженную силу еще до того, как Германия окончательно будет сокрушена, в чем я нисколько не сомневаюсь, то только в этом случае борьба против Сталина увенчается успехом.

Ваши антисталинские силы на той стороне окажутся в ваших рядах только тогда, когда они убедятся, что вы идете в Россию без немцев. И никак не раньше.

О походе, с целью освобождения России от коммунизма, совместно с немецкими войсками теперь не может быть и речи. Гитлеровские идиоты достаточно потрудились, чтобы закрыть немецкому солдату туда дорогу навсегда.

Зная чаяния народа сегодняшней России, я солидарен с ним. Я готов приложить и приложу все свои силы, чтобы помочь вам».

Кононов был восхищен пониманием существующего положения вещей Донским Атаманом.

Большинство же эмигрантских генералов желало бороться только за их старые идеи — за восстановление былой царской России. Они мечтали о возврате утерянного ими положений и благополучия, что, конечно, было только жалкими иллюзиями, к

которым крайне враждебно относились люди из Советского Союза.

Слушая ген. Татаркина, невольно приходилось удивляться и восхищаться им.

«Господин генерал, — сказал Кононов, — я очень удивлен и тронут пониманием вами положения. Простите, но я должен сознаться, что никак не ожидал, что среди старых генералов-эмигрантов есть такие, как вы, люди. Между нами и вами совершенно не видно никакой разницы».

«Да, да… многие старые эмигранты витают в облаках, но что же будешь делать, каждому жалко потерянные блага», — проговорил Донской Атаман горько улыбаясь.

Кононов, рассказывает ему о том с каким трудом ему удалось организовать свой полк, с какой верой и надеждой он начал борьбу, совсем не предполагая, что немцы столь глупы, сколь они на самом деле оказались, сколько уже пролито крови и т. д. и т. д. Говорит, что ему известно, что ген. Власов бьется изо всех сил, чтобы организовать борьбу большого размаха, но что немцы не идут на это, упорствуют. Что нужно казачью дивизию развернуть в более крупное соединение, удалить из него немцев, соединиться с Власовым.

«Я знаю, меня не любят и опасаются немцы, — говорит Кононов, — но они меня не трогают потому что знают с чем это связано. Немцы знают на что способны мои казаки мои славные сыны-герои…

В дивизии немцы через всяких полу-дураков распространяют пропаганду Розенберга, направленную на расчленение России. Они стараются внушить казакам, что их главный враг — русский народ, якобы поработивший казачество, и прочую чушь. Эти идиоты льют воду на мельницу Сталина. Конечно, эта глупая пропаганда успеха не имеет, а у меня в полку эти «пропагандисты» вообще не показываются, так как хорошо знают, что мои сыночки за такую болтовню могут им язык с корнем вырвать.

Ведь вы подумайте только, до чего эти идиоты дошли?!»

Донской Атаман сокрушенно качает головой и тяжело вздыхает.

Разговор затянулся до поздней ночи.

* * *

На другой день за обедом, на котором присутствовали старшие и некоторые другие офицеры полка, завязался оживленный разговор с гостями. За два дня освоившись с ними, молодые кононовские офицеры стали задавать гостям вопросы — спрашивать о роли казачества в императорской России, о роли казачества в Белом движении и какие цели преследовала его идея.

Ген. Шкуро живо и метко отвечает на все вопросы и нисколько не смущается если они колки.

«Господин генерал, разрешите спросить вас, — обращается к ген. Шкуро один молодой офицер, — как вы считаете, должны ли мы — казаки — теперь продолжать бороться за то же, за что боролась Белая Армия, или же нам нужно бороться за что-то новое? И была ли Белая борьба народной? Была ли у нее какая-то идея, идея, отвечающая народным чаяниям?»

«Ишь, ты, какой мудрец! — воскликнул ген. Шкуро и обведя всех хитрым смеющимся взглядом, подумал несколько секунд сделавшись серьезным, твердым голосом сказал. — Хорошо, я тебе отвечу на эти вопросы».

Все внимательно, с интересом впились в него глазами.

«Идея первых Белых вождей ген. Алексеева, ген. Корнилова, Донского Атамана ген. Каледина преследовала цели подлинно народные. Эти Белые вожди для себя ничего не хотели. Они стремились спасти единство и величие нашего с вами Отечества. Они отдали свои жизни за эти идеи. Белое Движение было осквернено после гибели этих честнейших сынов России. После их гибели во главе Движения оказались люди, которые не сумели привлечь в свои ряды народные массы. Они не понимали и не хотели понимать стремлений и чаяний трудового народа, они забыли идею Белого Движения, они стали на путь реставрации, чем оттолкнули народные трудовые массы от Белого Движения. Они надеялись силой заставить народ прекратить его борьбу за улучшение жизни.

Рабочие и большинство крестьянства пошли тогда за большевиками, поверив их демагогии. Тыл Белых воинов наполнился, бежавшими от революционных народных масс, помещиками, капиталистами, всевозможными торгашами и спекулянтами. За спинами храбрых Корниловцев, Марковцев, Дроздовцев, за спинами казаков, истекающих кровью на фронтах, собрался огромнейший балласт, представляющий из себя просто

паразитов ни к чему кроме кутежей не способных.

Эти люди скомпрометировали святую Белую идею. Эти люди превратили борьбу между белыми и красными в борьбу между «господами» и «рабами».

Казачество же, защищая от большевиков свои исконные казачьи земли и свободу, оказалось невольно тогда в лагере «господ» и должно было невольно принять на себя всю силу напора российских народных масс, очутившихся в рядах Красной Армии.

Лично мне, в то время, приходилось день и ночь сражаться. Было сделано тогда и мной немало непростительных ошибок, я не отрицаю этого, ко я дрался со своими героями казаками на фронте, мы проливали кровь, а за нашими спинами по тылам «господа аристократы» и всякие тыловые «крысы» занимались спекуляцией и пьянством, осуждали меня и других фронтовиков и мечтали только о возврате своих богатств. Пьянствуя по тылам Белой Армии они распевали «Боже Царя храни», тогда как на самом деле они были первыми предателями несчастного русского царя, на призыв которого — спасти Россию — их жалкие трусливые душонки не смогли откликнуться.

Когда же наступила окончательная катастрофа и мы очутились за границей, я почти всех этих «господ» встретил в Белграде, в Париже и в других местах. Они и тут ничуть не изменились, продолжая заниматься сплетнями, грызней между собой и прочими глупостями. Эти господа, подлинные предатели Государя, без всякого угрызения совести вдруг объявили себя монархистами.

В эмиграции более двадцати лет меня травили эти болтуны, извращая факты, раздували всякие небылицы, приписывали мне всевозможные пакости.

Эти высокомнившие о себе господа-«аристократы», по вине которых погибла царская Россия, Белая Армия и по сегодняшний день не в состоянии понять причин, приведших Россию к революции. Они и сейчас надеются, что их блага к ним вернутся, они и сейчас думают, что имеют все права на эти блага. В первую мировую войну многие из них умело пользуясь протекцией, пристроились по разным тыловым учреждениям. Эти «тыловые крысы» удивительно умело всегда могли устроиться подальше от фронта. И вы их и теперь не увидите на фронте. Боже, спаси! Днем с огнем ни одного из них вы здесь не найдете.

А кончится война и даст Бог мы будем победителями, то, я больше чем уверен, они все вновь появятся и первыми предъявят свои требования и на власть, и на все блага».

«Господин генерал, да им России не видать, как своих ушей!»

«Эту гадость наш народ палками перебьет, нет им хода в Россию!»

«Мы их вместе с Еськой Сталиным к белым медведям отправим!»

Не выдержав при последних словах ген. Шкуро, стали выкрикивать офицеры.

«Повторяю, — продолжал ген. Шкуро. — Белое Движение в своем зарождении не преследовало никаких антинародных целей и поистине намеревалось спасти Отечество от гибели, но элемент заполнивший это движение, в своем подавляющем большинстве оказался с антинародными эгоистическими целями.

В силу всего этого Белое Движение оказалось оскверненным. В настоящее время вести борьбу против большевиков под знаком Белого Движения равносильно самоубийству и может только укрепить позиции большевиков.

В настоящее время борьбу против большевиков нужно вести под новыми лозунгами, которые должны соответствовать интересам порабощенных большевиками народных масс России.

Отечество наше многонационально и сохранить его в единстве в рамках государственного устройства бывшей царской России, в настоящее время совершенно невозможно. Только демократический образ государственного устройства, только федерация или конфедерация гарантирующая абсолютное равноправие и национальный патриотизм каждого народа, принадлежащего к России в отдельности, может сохранить наше Отечество в единстве и в величии. Лично я готов посвятить остаток своей жизни таким идеям.

Мне для себя ничего не нужно и я не претендую ни на какие посты. Я знаю, что мое имя, в таком случае, немедленно будет использовано большевиками в их пользу. Да не только мое, но и каждого белого генерала, независимо от его личных качеств. Теперь, в борьбе против Сталина, нужны возглавители из вашей среды. И вы их имеете. На этой стороне достаточно есть крупных и известных личностей с «той» стороны. Как, например, ген. Власов. Для казачества же, для вас и не может быть лучшего возглавителя, как ваш Батько».

«Дорогой Иван Никитич! — повернувшись к Кононову и обращаясь к нему сказал ген. Шкуро. — Я со всей искренностью своей души, от всего своего казачьего сердца хочу поздравить вас и благодарить вас за ваши боевые подвиги, умножившие казачью славу.

В ваших боевых действиях, в вашей твердости и упорстве в борьбе я вижу славных казачьих вождей — Платова, Чепигу, Бакланова, многих других и самого себя.

И я только благодарю Бога, что молодое казачье поколение, истязаемое большевиками, истекая кровью, все же породило своих славных героев, ничем не уступающих нам. Честь и слава вам!»

«Повторяю, — продолжал он, — в настоящей борьбе для себя я ничего не хочу. Я только хочу отдать все свои силы вам и моя душа будет радоваться, видя вас — молодое казачье поколение и все другие народы нашего великого Отечества свободными и счастливыми».

И Кононов, к его офицеры были сильно тронуты таким ответом ген. Шкуро.

Командир артиллерийской батареи полка, сотник Гончаров, обращаясь к ген. Шкуро. сказал:

«Господин генерал, все мы очень тронуты вашей чистосердечностью. И, скажу вам откровенно, если мы люди из Советского Союза — еще сидя на школьной скамье и слышали о вас, как о страшном белобандите, громившем Красную Армию, то, поверьте мне, в наших душах все-таки было больше уважения к вам, как к герою, хотя и вражескому, нежели к тем презренным паразитам, которые скрывались за вашей спиной.

Этой нечисти нет больше места в России и стоит ли о них вспоминать. Их имена безвестны, пусты и никому не нужны.

Но вы не думайте, господин генерал, что имена героев Белой Армии нам неизвестны. Имя генерала Корнилова, полковника Неженцева и им подобных, имена этих Белых Орлов — нам хорошо известны.

Пусть они боролись за неугодные нам идеи, пусть они были народными врагами, но их героизм, их жертвенность, их твердая воля заслуживают уважения со стороны любых достойных их противников.

А уж что и говорить о героизме казачества! Наш казачий народ за чужие грехи пролил море своей крови. Героизму, проявленному в то время казачеством, героизму, проявленному лично вами, господин генерал, и другими казачьими вождями, могут позавидовать любые храбрые и известные полководцы других народов.

И мы — казаки-кононовцы с нашим Батькой — славу и честь казачьих вождей свято чтим и сумеем оградить ее от любого врага! Ибо их слава, их честь — это казачья слава, это казачья честь, это наша слава и наша честь!»

Молодой, хорошо образованный, высокий блондин с красивым выразительным лицом сотник Гончаров произвел исключительное впечатление на старых генералов.

Ген. Шкуро со слезами на глазах подошел к Гончарову и по-

отцовски обняв, расцеловал его.

Генералы Татаркин и Ляхов были очень растроганы словами молодого офицера. Их казачьи души наполнились восторгом и радостью. Они поняли, что их внуки чтут и дорожат казачьей славой — не меньше, чем они сами, — что эти внуки сумеют оградить, умножить и сохранить ее.

Интересный врпрос был задан ген. Ляхову.

Нач. штаба полка, есаул Сидоров, обращаясь к нему спросил:

«Господин генерал, скажите, пожалуйста, каково ваше мнение о тех воинах не казаках, которые добровольно вступили в казачьи части и вместе с нами проливают кровь? И нужно ли нам — казакам — принимать неказаков в наши ряды?»

Этот вопрос был задан не без задней мысли.

Дело в том что некоторые старые казачьи генералы-эмигранты неблагосклонно относились к появлению в казачьих рядах неказаков и ревниво протестовали против этого.

Конечно, эти немногие казачьи старшины принадлежали к «тыловым крысам» и далеки были от понятия, что представляют из себя эти воины неказаки, служившие в казачьих фронтовых частях и какое значение имеет это явление для казачества вообще. Как уже было сказано, в кононовском казачьем полку служили и неказаки, т. е. часть тех воинов, которые в составе 436 стрелкового полка Красной Армии в начале войны перешли с Кононовым на сторону немцев.

Казаки же — кононовцы, — сроднившись в боях с ними уж привыкли считать их полноценными казаками и страшно возмущались выпадами «всяких болтунов» против их боевых товарищей. Особенно сильны были выпады со стороны некоторых казаков-сепаратистов (эмигрантов), возомнивших себя казачьими вождями. Последние не имели и тени понятия о психологии казаков из Советского Союза и, прислуживая министерству Розенберга, усиленно распространяли слух, что у Кононова в полку казаков вообще-то нет, и что поэтому кононовцы и тянут к Власову.

С целью узнать мнение по этому вопросу старых заслуженных казачьих старшин, есаул Сидоров и задал свой вопрос.

Все с интересом обернулись в сторону старого Астраханского Атамана.

«Казачество, дети мои, — начал тихо ген. Ляхов, — как вы все надеюсь, знаете, это результат крепостного права и прочих несправедливостей в нашем Отечестве, от которого ушли на свободу в Дикое Поле (древнее название Донских степей. — К. Ч.) еще в седую старину самые свободолюбивые сыны народов, населявших просторы нашего Отечества. Но как вам, по-

видимому, тоже известно, первые казачьи общины были многонациональны, в них находились не только люди из народов России или Азиатских стран, но и даже из народов, принадлежащих к западным странам. Как, например, греки, принесшие на Дон религию и культуру, поляки, балтийцы и прочие и прочие.

Казачьи общины зиждились и создавались на принципах, которые теперь в свете принято называть демократическими.

Основными из них были равенство и братство всех членов казачьей общины.

Всех сбежавших людей от неволи, от рабства и прибывших на Дикое Поле, казачьи общины принимали с распростертыми объятиями и все они становились полноценными казаками, пользующимися всеми правами и законами казачьей общины, которая подчинялась и руководилась избранной ею же властью.

Именно в этом нашими предками была проявлена исключительная мудрость приведшая казачий народ к быстрому развитию, единству и славе известно всему свету.

Вот как действовали наши предки и, если мы хотим быть им достойными, то мы и должны придерживаться основных принципов наших мудрых предков, а, следовательно, и рассматривать всех людей, добровольно вступивших в наши ряды, да еще с оружием в руках, боровшихся вместе с нами против врагов свободы, равенства и братства — полноценными казаками и никак не иначе», — подчеркивая последние слова закончил старый Астраханский Атаман.

«Господин генерал, — опять обратился к нему Сидоров, — но до нас доходят слухи, будто бы некоторые казачьи старшины не желают, чтобы мы принимали в свои ряды неказаков и якобы даже говорят, что наш 5-й Донской вообще-то и неказачий полк».

«М… гу… — усмехнулся ген. Ляхов. — Что же это за казачьи старшины такие, что не понимают самой сущности казачества. Не хочу верить, что такие «мудрецы» есть среди казачьих старшин. Скорее всего такие слухи исходят от каких-нибудь «тыловых крыс», как назвал Андрей Григорьевич (ген. Шкуро. — К. Ч) всяких трусов прячущихся по тылам, а такие к сожалению есть. Лично я сам знаю некоторых людей из среды этих «героев», которые имеют нахальство называть себя казаками, в то время как абсолютно ничем не соответствуют славному казачьему имени. Вместо того, что бы взяться за оружие и стать в ряды борцов за свободу казачества они прячутся за Берлинами, опасаясь надеть на себя мундир, надеясь, наверное, спасти свои шкуры за спинами подлинных казаков-героев, сражающихся на фронте. И я не сомневаюсь, что все слухи и исходят от этих

трусов, болтунов и шкурников.

Но стоит ли обращать вам внимание на болтовню этих жалких людей?!

Только что правильно отозвался сотник Гончаров о подобных людях — имена их безвестны, пусты и никому не нужны.

Не они, а вы создаете казачью славу, и не им, а вам, дети мои, слава и честь!»

Ответ ген. Ляхова всем очень понравился и все с восхищением смотрели на старого, седого как лунь, Астраханского Атамана.

На вопрос, каковы были причины появления в гражданскую войну сепаративных течений среди народов России, все трое — Татаркин, Ляхов и Шкуро — единогласно выразили мнение: сепаративные течения среди народов России были порождены государственным устройством узко-централизованного, унитарного государства, каким была царская Россия; политика вождей Белого Движения, воспитанных автократическим режимом этого государства и не могла быть выражена иначе, как стремлением заставить силой повиноваться народные массы их воле. В результате Белой Армии пришлось воевать не только против большевиков, на стороне которых оказались народные массы, но и вести не менее жестокую борьбу с появившимся сепаратизмом среди нерусских народов России, что, конечно, приводило только к усилению и развитию сепаратизма среди тех народов и что, именно поэтому, о построении новой России в рамках старого государственного устройства не может быть и речи; что только республиканский строй подлинно добровольная федерация всех народов нового Российского государства, возглавленного избранной властью в лице президента, независимо от его национальной принадлежности, будет приемлем для новой России.

Только в таком случае, в один голос говорили старьте казачьи генералы, сепаратизм будет лишен всякой почвы, так как в нем не будет абсолютно никакой надобности. Только в таком случае, повторяли они несколько раз, Россия может остаться Великой, Единой и Неделимой.

«Казачество, — говорил Донской Атаман, — живя на свободе, однако целыми веками служило царскому рабовладельческому строю, царившему в России. Царская власть, используя патриотизм казаков и единую православную веру, умело превратило казачество в своего жандарма, ретиво оберегающего ее власть. Царская власть оставила казакам привилегии, но за эти подачки казачество должно было драться в первых рядах против внешних врагов России и, одновременно, душить всякий порыв к

свободе народов России.

Вот почему казачество, в конце концов поняв свою позорную роль жандарма, в начале революции 1917–1918 г.г. отказалось защищать царскую власть, вот почему в гражданскую войну, когда казачество, пустив на свои земли большевиков и поняв их истинные цели, поднялось и выбросило их из своей территории, большевикам так легко удалось организовать и вновь бросить против казачества миллионы народных масс, ненавидящих казаков за их вековое служение царской власти полицейской силой.

Большевики говорили народным массам, что поднявшиеся на борьбу казаки стремятся восстановить царский режим, чтобы вновь избивать нагайками простой народ; что казаки борются за свои привилегии; что народным трудовым массам в первую очередь необходимо во что бы то ни стало уничтожить казачество.

Собравшиеся на Дону за казачьими спинами всякие помещики, капиталисты и прочие «толстосумы», способные кутить, но неспособные бороться, компрометировали борьбу казачества перед народными массами, позволяли им верить, что казаки действительно защищают власть этих господ.

Вы знаете, мои дорогие, что казачье сопротивление тогда было сломлено во сто крат превосходящими силами народных масс. Вы знаете всю последующую трагедию казаков и этих же народных масс, победивших в то время казаков. Мне не нужно вам об этом рассказывать».

«Господин генерал, как я вас понял, вы считаете, что казачества было побеждено народом?» — спросил Донского Атамана есаул Сидоров.

«Да, я сказал — обманутым большевиками простым русским народом».

«Мы с вами вполне согласны, господин генерал, но почему почти все русские эмигранты, с которыми нам приходится встречаться и говорить, все они утверждают, что русский народ отнюдь революцию не устраивал и никакого участия в ней вообще не принимал; что революцию якобы устроили евреи, против воли самого русского народа; что против Белой Армии русский народ тоже не воевал, а воевали какие-то нанятые большевиками части латышских стрелков, китайцев и прочих иностранцев, а если и была какая-то часть русских на стороне большевиков, то, по их убеждению, это была просто толпа каких-то пьяниц и разных кретинов.

В общем из их рассуждений получается, что полтора еврея перехитрили царское правительство и всех русских политических

деятелей, а два латыша и три с половиной китайца с толпой русских пьяниц разгромили Белую Армию, состоящую, как нам хорошо известно, на девяносто процентов из генералов, полковников и прочих офицеров русской императорской армии, плюс многотысячные казачьи войска.

Не могу утверждать, но, может быть, среди нас — людей из СССР можно найти какого-нибудь чудака, который может поверить, что толпе пьяниц удалось разгромить белых офицеров — белоручек — изнеженных маминькиных сынков из помещичье-дворянского сословия, способных щеголять, но не способных воевать, как большинство из них и доказало это на деле в гражданскую войну, но поверить в то, что толпа каких-то там пьяниц разгромила поголовно вставшее на защиту своих исконных казачьих земель казачество, то это уж извините, такого чудака вряд ли можно найти среди нас.

Вряд ли надобно доказывать кому бы то ни было, что казачий народ со дней его происхождения известен во всем мире, как монолитная военная сила, как воинствующий народ, перекрывший своим боевым качеством не один народ Европы и Азии. Такой народ толпой пьяниц победить нельзя. Мы просто не можем понять как могут люди, зачастую даже люди, казалось бы с виду, образованные и интеллигентные утверждать такую ерунду.

Ведь, вы только поймите, получается, что все участники революции, каковых полным полно среди нас и на этой и на той стороне, вое они пьяницы и кретины.

Вы, наверное, знаете, что сам генерал Власов сражался а гражданскую войну в рядах Красной Армии и участвовал в разгроме Белой Армии. Неужели и он и все ему подобные советские генералы пьяницы и кретины. Неужели пьяницы и кретины сумели организовать Красную Армию и победить казачество?»

Офицеры посмеиваясь и переглядываясь, посматривали на горько улыбавшегося ген. Татаркина. Последний, сделавшись серьезным, начал было отвечать, но его перебил ген. Шкуро и попросил разрешения ответить Сидорову за Татаркина. Последний согласился.

«Вот что, сынки, вы прежде всего не обращайте внимания на эту эмигрантскую болтовню. Всю эту чушь вы слышите от людей которые были за сто верст от фронта и вообще не понимали и не понимают и теперь — кто с кем и за что боролся в гражданскую войну. Все это люди, которые были «балластом» Белого Движения, о котором я уже вам рассказал. Скажу я вам теперь, кто победил казачество и всю Белую Армию. Победил нас тогда подлинный русский народ — мужик и рабочий — русский солдат.

Тот самый русский солдат, который плечом к плечу с казаком громил в четырнадцатом году германскую кайзеровскую армию. Это они — русские солдаты русской Императорской Армии сняли погоны с офицеров, это они целыми полками и дивизиями переходили на сторону Краской Армии. Это они, прямо с германского фронта, в полном составе своих частей по приказу большевиков двинулись на казаков. Это их привел Ворошилов под Царицин громить «царских жандармов» и защитников буржуев — казаков. Это они смяли и подавили казачество.

Вот кто победил казачество, дети мои, а не толпа пьяниц и кретинов. Они храбро сражались и шли в бой на смерть в огонь и воду с пением интернационала и верой в правоту своей борьбы. Они верили большевикам, они верили, что большевики ведут их к свободе и счастью, и не вина их в том, что большевики так бессовестно обманули их. И я, генерал Шкуро, рубивший в то время со своими казаками в капусту, поднявшийся на борьбу за свободу русский народ, я, генерал Шкуро — «страшный белобандит» говорю вам теперь, что напрасно мы тогда проливали братскую кровь, напрасно мы рубили обманутую Россию.

Виноваты были в этом как те, кто довел народ до революции, так и те, кто обманывал этот народ, заранее намереваясь построить еще худшее рабство.

Верить в то, что русский народ до революции якобы довели евреи, это просто смешно. Евреи не были господствующим слоем в России, наоборот, они были вне закона и не играли никакой роли в управлении государством, и ни к какой власти вообще не допускались царским правительством. Народ к революции был подготовлен и доведен самим господствующим классом России. Господа аристократы довели мужика и рабочего до революции. Поднявшийся на борьбу за лучшую долю русский народ имел достаточно на это оснований. Причин приведших народ к этому стихийному решению было очень много, но самыми основными были две: первая — чисто материальная — острое безземелье крестьян и особенно крестьян центральной России, вызывавшее естественное стремление крестьян обрести эту землю. Обрести безземельному мужику землю путем покупки ее за заработанные батрацким трудом деньги было абсолютно невозможно — их едва хватало на жизнь, а у многодетных мужиков и на это не хватало. Я мужик, естественно, должен был искать и искать другой выход из своего рабского положения. Причина вторая — духовно-моральная — обоснованная огромным неравноправием и различием между господствовавшим богатым и образованным дворянско-помещичьим классом и малоцивилизованным,

безграмотным, по вине того же господствовавшего класса, народом в лице крестьян и рабочих. Эту причину, по моему мнению, и нужно считать главной.

Мужик — крестьянин — темный, безграмотный серомак чувствовал всегда себя морально подавленным, обиженным и униженным рабом перед щеголеватым, образованным и богатым барином-помещиком. Такое положение у первого вызывало ненависть к хозяину, а у второго брезгливость к своему работнику. Это и послужило причиной тому, что брошенные Лениным лозунги — «Режь буржуев» и «Грабь награбленное!» — имели такой чудовищный успех.

Безграмотные народные массы не могли понять того, что им необходимо было понимать, и виноваты в этом, конечно, не они, а виноват во всем сам «барин».

Вот эти то «барины» и «барыни», потеряв все и вся, болтаясь заграницей и валят всю вину за революцию на «жидов» и кого угодно, только не на самих себя. Евреев же в лагерь большевиков толкнуло их бесправное положение в царской России, которая была для многих из них любимой родиной. И отнюдь не все евреи пошли за большевиками. Были из них и ярые антибольшевики. Были из них многие честные люди и горячие патриоты России и немала их погибло в борьбе против большевиков. Поверьте мне, что никакие евреи, никакие большевики, никакие социалисты не в силах бы были устроить революцию в России, если бы не было тех печальных причин, порожденных самой системой государственного строя, заставивших народ с оружием в руках подняться на революцию.

Еще раз говорю вам, мои родные, не обращайте внимания на болтовню этих обанкротившихся «господ», а ищите себе друзей и соратников в настоящей борьбе среди тех эмигрантов, которые свято хранили на своей груди священное трехцветное русское знамя, идя с ним в бой и умирая на поле боя. Ищите себе соратников среди храбрых русских воинов Белой Армии, среди белых орлов. Они скорее поймут вас. Они скорее признают свои ошибки и поймут причины их трагедии. Они скорее пойдут с вами по одному пути. Я знаю, что генерал Власов храбро сражался против Белой Армии в гражданскую войну и у меня ни к нему, ни к кому-либо другому сражавшемуся лично против меня, нет никакой ненависти, ибо для меня понятным стало очень многое.

Двадцать пять лет размышлений в эмиграции, на чужбине не прошли для меня даром и я, генерал Шкуро — «страшный белобандит» — совершенно откровенно заявляю вам, мои родные, — у меня хватало мужества сражаться на фронте тогда,

хватает этого мужества у меня и теперь признать все свои грехи и ошибки и сказать во всеуслышание: я готов идти со всеми вами за истинным сыном русского народа — за генералом Андреем Андреевичем Власовым, призывающим всех нас идти с народом за народ!» — торжественно закончил ген. Шкуро.

Все офицеры с искренним восхищением слушали ответ ген. Шкуро. Помнится, лично я с разинутым ртом, как завороженный слушал его речь. Я сидел в стороне с группой танцоров, рядом со знаменитым баянистом нашего полка, приглашенных по случаю этого торжественного обеда, и не спускал глаз с полюбившегося мне больше всех других старых генералов — генерала Шкуро. Я старался не пропустить ни одного сказанного им слова. От его слов у меня першило в горле и хотелось обнять и расцеловать, как родного отца, старого казачьего героя, оказавшегося не только храбрым, но и весьма умным человеком.

На вопрос, как следует рассматривать казачество — как народ или как сословие, в каковое определила царская власть казачество, Донской Атаман ответил:

«В царской России население делилось на ряд сословий, как например, — дворянское, купеческое, мещанское и т. п., но нигде в России не существовало ни раньше, ни теперь ни дворянских, ни купеческих, ни мещанских ни рек, ни городов, ни степей, а существовали и существуют казачьи реки, казачьи станицы, хутора, казачьи степные просторы, горы и леса, — казачья собственная территория, обильно политая казачьей кровью. Существовали и существуют казачьи писатели, историки и поэты. Существовали и существуют казачьи войска, казачьи генералы, офицеры и под-офицеры, рядовые воины казаки — поэтому казачество является не сословием, но народом впитавшим в себя не только русский народ, но и многих сынов и дочерей других народов России и не России и создавшим свою собственную жизнь, быт, нравы, культуру и государственную систему обоснованную на принципах подлинной демократии.

Рассматривать казачество, как сословие совершенно абсурдно и к тому же сугубо безграмотно. Русский ли казачий народ или нерусский?

Да, казаки народ русский, но русский — да не тот.

Австрийцы тоже народ немецкий, но немецкий, да не тот. Австралийцы тоже народ английский, но английский, да не тот. Если австрийцы и австралийцы согласятся считать себя сословием, тогда, может, согласимся и мы — казаки». — шутя закончил свой ответ Донской Атаман.

На вопрос, имеет ли право казачество совершенно отделиться от России, Донской Атаман ответил:

«А почему же нет?!

Другое дело, следует ли совсем отделяться от России казачеству? По моему, сейчас это никак неуместно. По крайней мере до тех пор пока мир не избавится от всяких диктаторов с аппетитами завоевать все другие государства. Наоборот, сейчас казачеству и всем другим народам России нужно не разъединяться, а как можно крепче объединиться и дать всем нашим врагам должный отпор. Вы не думайте, что нас тут особенно любят. Мы заграницей за двадцать пять лет хорошо поняли Запад и знаем, что западные страны не любят Россию, ни красную, ни белую, ни зеленую, ни какую другую вообще. И знаем, что ждать добра нам от этих благодетелей больше чем наивно. Были мы с ними и союзниками и хорошо знаем, чем этот союз окончился. Урок мы от них получили хороший, и я вас заверяю, мои герои, что верить и надеяться можно и нужно только народам нашей необъятной Родины-России, и в первую очередь самому большому и сильному из нас всех — народу русскому. Только в братском союзе с русским народом можно победить всех наших врагов.

Вы не должны обижаться на тех простых русских людей, которые считают казачество сословием, а не народом. Эти русские люди не виноваты в этом своем невежестве. Виновна в этом царская власть, приучавшая русский народ целыми веками рассматривать казачество, как военное сословие.

Большевики, как вам известно, признали и украинский и белорусский и все другие народы России. В Советском Союзе числится Украинская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика и т. д., а вот казачьей республики и в помине нет. Большевики духу казачьего боятся. Они знают, что с казаками играть, как они играют с другими народами в республике, им не следует и в этом они не ошибаются. Большевики хорошо знают казачество и правильно оценили качество своих непримиримых врагов-казаков. Между казачеством и большевиками никогда не было и не будет компромисса, ибо свобода и диктатура — две никак не совместимые вещи.

Как нам известно, в Красной Армии имеются казачьи полки и даже дивизии. В Советском Союзе существуют казачьи ансамбли песни и пляски. Ставятся фильмы, в которых казаки якобы защищают «любимого отца народов», а советской казачьей республики все-таки нет. Вот почему почти все люди из Советского Союза, включая даже и многих молодых казаков, с которыми мне пришлось уже не раз беседовать, не считают казачество самостоятельным народом, и, как правило, у них у

всех неопределенное понятие о казачестве по этому поводу и вообще очень слабое знание казачьей истории.

Еще раз скажу вам, нам казакам с русским народом не из-за чего ссориться. Во всех наших общих бедах виновата власть, как царская, так и советская. Русский народ имеет больше оснований сердиться на казаков: ведь русский безземельный мужик шел к казакам наниматься в батраки, а казаки служили власти полицейской силой не дающей этому мужику ни земли, ни воли. Чего уж тут скрывать истину.

Все это нужно помнить и не слушать всяких глупых политиканов из лагеря сепаратистов, обвиняющих во всех бедах русский народ. Знаем мы, кому эти горе-политики хотят услужить, но по-видимому их хозяева напрасно тратят деньги и осыпают делителей России своими почестями и портфелями министров. Ничего у них не получится.

В Февральскую революцию все казачество высказалось за республику и федерацию с Россией, за это же казачество воевало и в гражданскую войну. Генерал Деникин был против этого и хотел силой задавить это стремление казачества, чем и погубил все Белое Движение.

Я уверен, что генерал Власов не генерал Деникин, и поэтому верю, что на этот раз мы будем победителями.

В свое время я желал, чтобы территории свободных народов России стали республиками объединенными федерацией, а все государство возглавлял бы монарх — этого также желал и Атаман Краснов, но теперь в связи с изменением происшедшим в народах России под большевистской властью, подобное возглавление всего государства совершенно неприемлемо. Приемлемым может быть теперь только избранное коалиционное правительство. Так это представляли себе и покойные Атаман Каледин и генерал Корнилов.

А самое глазное, я хочу вам, мои родные дети, сказать, что теперь казачество не должно больше служить никакой власти, преследующей однобокую свободу в нашем Отечестве. Казачество должно служить только такой власти, какой она была у нас — казаков в старину — власти избранной самим народом и зависящей от самого народа.

Я верю, что новый вождь Освободительного Движения Народов России, генерал Власов, поведет народы России по пути ведущему именно к такому государственному устройству нашего Отечества, в котором равноправные народы России смогут избрать себе власть от них зависящую.

Только на такой путь, я, как старший казачий Атаман, могу благословить вас. Я уверен, что ваш молодой казачий вождь —

ваш «Батько» — Иван Никитич Кононов — поведет вас именно по этому справедливому пути. Вот с какой целью я указываю вам путь», — подчеркивая последние слова, сказал Донской Атаман.

После ответной речи Кононова старым казачьим вождям, все подняли тост за братство и единство народов России в борьбе за свою свободу. После ряда тостов, после того как разговор стал веселым и шумным, Кононов подал знак нам, сидящим в стороне и с нетерпением ожидавшим этого знака. Наш знаменитый полковой музыкант Костя, баянист — баянист-виртуоз, вскинув чубом, рванул свой баян, а мы с гиком и свистом пустились в пляс. Прыгая один через другого, через головы и кувыркаясь мы шли вприсядку и щупаком направо и налево, работая обнаженными казачьими клинками. Искры летели при рубке от скрещивания клинков и над головами и под ногами мелькали их острые лезвия. Стараясь перещеголять друг друга в удали и лихости, мы не жалели сил и с азартом наперебой под свист и гик неслись в бешеной казачьей пляске.

Старые генералы с восторженной радостью смотрели на нас и на их лицах светилось неописуемое, но очень понятное нам молодым казакам чувство. Под аплодисменты и приветственные выкрики, запыхавшись, мы отошли в сторону. Ген. Шкуро, наполнив стаканы стал подносить их нам, обнимая и целуя каждого из нас. Когда же заиграли лезгинку и я стал делать первое движение выхода, ген. Шкуро, не выдержав, подоткнул полы черкески и плавно, мелко перебивая ногами пошел мне навстречу. Когда темп участился он все еще пробовал делать какие-то резкие движения, но вскоре, запыхавшись, под общий веселый смех и гик обессиленный упал на руки казакам, подхватившим его налету.

«Загнали бисовы диты Батько Шкуро!» — говорил он, жалуясь на быстрый темп музыкантов.

Помнится, Донской Атаман, потрепав меня за чуб, спросил:

«Ты что, сынок, кавказских кровей?»

Я ему ответил, что совсем нет, что по рассказам моего отца, наши предки были греки поселившиеся на Дону.

«А мои — татары, а вот у генерала Шкуро, предки были украинцы, но, слава Богу, что мы все казаки!» — весело сказал Донской Атаман и опять ласково потрепав меня за чуб, отошел и сел к столу.

Веселье затянулось допоздна. Уже было темно, когда я пришел к себе во взвод и, несмотря на усталость, с восторгом стал рассказывать моим казакам о замечательных «стариках»-умницах. «Молодец генерал Шкуро, не зря его Батько так любит!» — с восторгом говорили казаки.

Два дня гостили старые генералы в 5-м Донском полку. Много было переговорено, во многом было достигнуто общее понимание.

Уезжая все трое клялись быть верными делу Освободительной борьбы. Обещали через генерала Краснова нажимать на немцев, требовать развертывания 1-й Казачьей дивизии и удаления из нее немцев.

Прощаясь, долго сжимали друг друга в объятиях, по старинному казачьему обычаю крест-на-крест целовались и крепко пожимали руки.

Донской Атаман, прощаясь с Кононовым еще раз сказал, что он хорошо понял его и глубоко уверен, что Кононов сумеет вывести казачество на правильный путь, что сам он — Донской Атаман — используя все свои возможности будет ему в этом всеми силами содействовать. Кононов, за это короткое время поняв благородные честные души старых казачьих Атаманов, крепко их полюбив, с искренним порывом ответил Донскому Атаману:

«Господин генерал, я всеми силами украшал, украшаю и буду украшать казачью славу. Клянусь вам, я отдам все свои силы и, если нужно и жизнь, и выведу казачество на путь указанный вами!» — подчеркнул последнее Кононов.

Донской Атаман, крайне растроганный ответом Кононова, снял с себя генеральские погоны и протянул их Кононову.

«Вот тебе, дорогой Иван Никитич, мои погоны. Им много лет, получил их, когда был еще на родной казачьей земле, возьми на память. Будешь генералом, а ты будешь, одень их и веди казачество к свободе и славе!» — торжественно сказал старый Атаман, вручая свои погоны Кононову. Расцеловавшись с Кононовым, он круто повернувшись, пошел к ожидавшей их машине.

Молодые кононовские офицеры подхватили его на руки и понесли к машине. Генерал Шкуро никак не мог расстаться и, целуясь с Кононовым, повторял все время:

«Ваня, сынок… я все сделаю… я все сделаю, у батьки Шкуро крепкое слово!»

Его и ген. Ляхова также подхватили на руки и отнесли в машину.

Удалявшейся машине с казачьими генералами долго махали шапками…

«Славные, славные старики, умницы!» — восхищенно повторял Кононов.

«Наши они, наши они люди, ведь казаки они! Неправда ли, Иван Григорьевич, родной мой, скажи-ка?» — обратился к

командиру 2-го дивизиона, есаулу Борисову, Кононов.

Пожилой, типичный донской казак, Борисов был правой рукой Кононова с первых дней начатой борьбы. Еще в Красной Армии в молодые годы, будучи комвзводами, Кононов и Борисов служили в одном эскадроне 27-го Быкодоровского кав. полка, 5-й кав. дивизии. Затем они разошлись по разным полкам и дивизиям. Прошло много лет. Борисов майором Красной Армии попал к немцам в плен и умирал с голоду в лагере военнопленных. В 1941 году он увидел вновь Кононова, приехавшего в этот лагерь набирать добровольцев в его 102 каз. полк. Броисов узнал Кононова, а Кононов его нет. Еле держась на ногах, Борисов подошел к Кононову и сказал:

«Иван Никитич, а я вас знаю».

Удивленный Кононов долго смотрел на Борисова, узнав, схватил его в объятия и увлек с собой. Так они опять оказались вместе.

«Казак казака — видит издалека», — покручивая свои длинные усы и смеясь только своими, всегда невозмутимо-спокойными, глазами, казачьей поговоркой ответил шутя Борисов.

А потом, задумавшись на минуту, серьезно сказал:

«Да, эти люди наши, и, я думаю, они принесут большую пользу».

Молодые кононовские офицеры, познакомившись со старыми казачьими генералами-эмигрантами, поняв их, стали рассказывать своим казакам, что «старики» — умницы и хорошо в политике разбираются. Однако казаки слушали такие отзывы с недоверием.

«Да… быть может… но какие уж теперь из них вояки?» — уклончиво отвечали молодые казаки.

Завоевать авторитет у рядового казака фронтовика можно только на поле битвы, а этого старые казачьи генералы уже не в состоянии были сделать.

Но все же, после того как Кононов и его офицеры неоднократно подробно рассказали казакам о «стариках»-умницах, казаки, в конце концов, стали понемногу понимать, что старых казачьих генералов-эмигрантов смешивать с «кутилами» нельзя, что эти казачьи вожди по сути являются сами жертвами политики всякого рода «кутил», доведших Россию до революции.

Через неделю в 5-й Донской полк с таким же визитом приехал Атаман Кубанского войска генерального штаба ген. — майор Науменко.

Высокий, сухой, с кавказским обликом Кубанский Атаман в сопровождении своего адъютанта, есаула Заболотного, был так же

радушно и приветливо встречен. По его желанию построения полка не было, он посещал каждую сотню в отдельности и вел с казаками разговоры и все удивлялся, что в полку много кубанцев — казаков и офицеров, — а полк Донской.

Следует добавить, что старые казачьи генералы также посетили и все другие полки 1-й каз. дивизии, которыми командовали немецкие офицеры: они были несколько раз на обеде у командира дивизии ген. фон Панвица, был там с ними и Кононов, но такого откровенного разговора, каким он был в 5-ом Донском полку, там, конечно и в помине не было.

* * *

В районе городов Сисак и Петрия наша бригада простояла довольно долго, а наш дивизион все это время стоял в селе Комарево.

Как всегда, при долгом пребывании казаков в одном населенном пункте, жители и казаки свыкались, заводилась дружба. Между казаками и хорватскими девушками завязывалась любовь. Как говорится, любовь говорит на одном языке во всем свете.

Помнится, в зимние холодные дни, в свободное время от службы, младшие командиры сотни часто собирались в сотенной канцелярии, чтобы поговорить о том, о сем, пошутить и хоть немного отвлечься от боевой страды. В один из таких дней я зашел в канцелярию и из-за завязавшегося веселого разговора довольно долго пробыл там. Вдруг телефонный звонок. Крюковцев (сотенный писарь) поднял трубку.

«Чебенев тебя ищет», — передавая мне трубку, сказал он.

«Где ты болтаешься?» — загудела в трубке блатная речь Чебенева. Он сказал мне, что только что к нему звонил комсотни и приказал проверить все ли в порядке во взводе, так как едет Батько. Чебенев приказал мне немедленно проверить стоит ли постовой казак от нашего взвода у шлагбаума (у въезда в село) в каске. Дело в том, что многие казаки, несмотря на строгий приказ, отнюдь не желали иметь каски на голове, а нахлобучив поглубже папаху (был январь), каску держали наготове, чтобы при появлении начальства быстро переменить головной убор.

Уже издалека я увидел, что на голове у постового казака красуется папаха. С целью захватить ослушника врасплох, по-за хатами стал я к нему подбираться. Вдруг из-за бугра вынырнуло авто командира полка. Папаху у казака с головы как ветром сдуло и вмиг закрасовалась на голове каска. Однако этот трюк Батько

заметил. Спрятавшись за хату, я стал наблюдать, — что же будет? Авто остановилось. Через ветровые стекла виднелись лица Кононова и графа Риттберг. Постовой казак, как полагается, четко и громко доложил командиру полка.

Выслушав доклад, Кононов вышел из машины.

«Что, сыночек, холодно?» — подойдя к казаку спросил он.

«Немножко есть, Батько!» — бодро и весело смотря на него ответил казак.

«А что же ты папаху спрятал, а железяку на голову нацепил, разве она теплее?»

Казак, поняв что Батько его «трюк» видел, нисколько не смутившись, откровенно доложил, что есть приказ: постовым стоять на посту у шлагбаума в касках, но что у него на голове каска появляется лишь тогда, когда появляется начальство, так как в каске очень холодно.

«Что холодно в каске, то это ты, сынок, прав, но другой раз смотри кругом повнимательнее и прячь папаху вовремя, а то, не дай Бог, поймает тебя какой-нибудь урядник с поличным, попадет и тебе и мне на орехи. А сейчас, на вот тебе — погрейся!»

И Кононов, вытащив из-под бурки бутылку с водкой и, озираясь кругом, как бы боясь что кто-нибудь увидит, налил стакан и поднес казаку. Выпив залпом, казак щелкнул шпорами и поблагодарил.

«Закройся, сыночек, от ветра!» — сказал Кононов и с отцовской заботой поднял постовому воротник.

Когда машина отъехала, казак с довольным видом опять заменил каску папахой. Едва он это сделал, как я выпрыгнул из засады и очутился возле него. Бедняга не успел даже и руку протянуть за каской и, вытянувшись стал докладывать.

Не разрешив ему оправдываться, я сказал, что весь разговор с командиром полка я слышал, но за то, что он дважды прозевал и не сумел вовремя заменить папаху каской — я его наказываю нарядом вне очереди.

На обратном пути я встретил Чебенева. Он спешил сообщить, что только что Пащенко передал, что приказ стоять на посту в каске отменен. Я рассказал Чебеневу о только что происшедшем на посту. Рассмеявшись он сказал, что это наверняка Батько отменил приказ о касках. Мы пошли с ним к постовому. Выслушав доклад постового казака, он с характерной ему строгостью сказал:

«Можешь одеть папаху, Батько приказ о касках отменил. А за то, что разболтался и зевак ловишь будешь в наряде вне очереди как приказал урядник, понятно?»

«Слушаюсь, господин хорунжий!» — послушно ответил казак

и натянул поглубже папаху на голову.

К вечеру этого дня уже весь полк знал о случившемся у нас на посту и казаки с восхищением рассказывали друг другу, неимоверно прибавляя и разукрашивая, разговор Батько с постовым казаком.

«Батько заботится о рядовом казаке, Батько знает службу-лиходейку, сам ведь рядовым начал служить», — говорили о Кононове казаки.

«У нашего Батьки суворовские замашки», — понимающе посмеиваясь, говорили офицеры полка…

Несколько позднее нам стало известно, что отданный ком. бригады, подполковником Шульц, приказ о стоянии казаков на постах в касках был обжалован Кононовым и, как раз в тот день, о котором я только что рассказал, Батько, добившись отмены приказа, разъезжал по постам и угощал замерзших постовых водкой.

Таков был наш Батько. Когда надо — жестоко накажет, а когда надо — все свои силы и возможности отдаст, поможет и приласкает. Мы, служившие под его началом, в этом убедились и знали, что он о нас заботится, любит нас и почитает, как родных братьев и сынов. Вот почему кононовцы за всю войну не потерпели ни одного боевого поражения.

За время стоянки в Комарево тяжелых боев нам не приходилось вести и потерь мы почти никаких не имели. Только один печальный случай произошел вследствие провокации, подстроенной усташами. В 3–4 км от Комарево в небольшом селе стояла рота усташей, охраняя железнодорожную станцию. Их командир — усташский лейтенант — и другие усташи часто навещали двух хорваток, проживавшем в этом селе и выдававших себя за «вдовиц», чьи мужья были в партизанах. К этим «вдовицам», узнав об их поведении, повадились ходить и некоторые наши казаки.

Усташи, заметив это, из-за ревности и вообще из-за ненависти к казакам, решили спровоцировать казаков. Подследив, когда два казака пришли к «вдовицам», усташи окружили этот дом, а «вдовицам», уже заранее, под страхом смерти приказали в нужный момент поднять крик, якобы казаки их насилуют. Едва одна хорватка выскочила во двор и стала кричать, как усташи набросились на казаков, но последние сумели отбиться и уйти, наставив усташам «фонарей».

Через час усташский лейтенант с «вдовицами» приехал к нашему командиру дивизиона с заявлением, что наши казаки изнасиловали в их селе этих женщин и стал требовать придания казаков суду. Казаки же заявили, что дело было по согласию и что

они бывали у этих — «вдовиц», несколько раз и платили им деньги. «Вдовицы» протестовали, а усташи заявили, что они поймали казаков на месте преступления. Казаков арестовали. Дело было передано в прокуратуру дивизии. Вскоре состоялся суд. Казаков признали виновными и по существующему закону они были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение. Позднее эти «вдовицы» приходили в Комарево и чистосердечно признались, что казаки не были виновны, но что они должны были обвинять казаков, так как усташи им пригрозили, что если они оправдают казаков, то их, как жен титовских партизан, расстреляют.

Подобное провоцирование казаков усташами практиковалось не раз. Усташи, вообще враждебно относились к казакам. Главная причина заключалась в том, что казаки защищали ненавистных католикам-усташам православных сербов.

* * *

В конце февраля 1944 г. наш штаб полка из города Петриня перешел в село — станция Ликеники, а наш 1-й дивизион в село Дубица.

В начале апреля из села Дубица была сделана попытка уничтожить крупные силы титовцев, укрепившихся в районе города Глина.

Нам было известно, что в нескольких километрах не доходя до Глина, в селе Гора находится батальон усташей и сводная сотня 2-й кав. бригады. Выступивший ночью полк, под сильным дождем, к рассвету стал приближаться к селу Гора, через которое шла дорога на Глина. Еще ночью в этом направлении была слышна сильная стрельба. К утру она утихла. Уже у самого села Гора, видя что тут что-то неладно, наш 1-й дивизион развернулся к бою. В это время командир бригады, подполковник Щульц, прибыл на своей «генеральской» машине, наполненной ящиками с боеприпасами, на которых сидело двое казаков-усачей из конвойной сотни дивизии.

Оказалось, что ночью на село Гора напали титовцы и застигнутые врасплох усташи были все до единого вырезаны. Казачья сотня под командованием немецкого капитана, графа Кателинского, укрепившись за оградой церкви, продержалась до утра.

Связавшись со штабом бригады по радио Кателинский сообщил, что на них напали титовцы и что у них все боеприпасы на исходе. Примчавшийся Шульц приказал атаковать титовцев.

Последние, заметив приближение казаков, поспешно стали отходить. Едва мы только развернулись в цепь, подготавливаясь броситься в атаку, как Шульц нажав на газ, рванул машину вперед прямо по дороге и на глазах ошеломленных не успевших отойти титовцев, влетел а ворота церковной ограды.

Титовцы никак не ожидали такой дерзкой храбрости и не сделав ни одного выстрела по Шульцу поспешили отойти, так как уже заработали наши пулеметы и грянуло дружное казачье «Ура!»

«Молодец «длинный»! Придется его в казаки записать», смеясь и восторгаясь говорили казаки, хваля Шульца. Последний подобные номера выкидывал не раз и мы знали, что «длинный» (Шульц был очень высоким, потому и казаки и немцы окрестили его «длинным») храбрый офицер. (Следует сказать, что не только Шульц, но и почти все немецкие офицеры служившие в каз. дивизии не менее отличались умением в нужный момент показать своим воинам пример храбрости и отваги).

Войдя в село Гора, нам пришлось созерцать картину характеризующую отвратительную дикую борьбу между усташами и титовцами. Все село было покрыто трупами усташей с выколотыми глазами, отрезанными ушами и носами. Возле одной хаты лежали в ряд сложенные 12 убитых усташей. У изголовья каждого, в пилотке, были сложены отрезанные у них половые органы. Лица изуродованы и все тела поколоны штыками.

Приказ о нападении на Глина Шульц отменил, так как не к чему было лезть, сломя голову, на, конечно, приготовившегося к отпору противника.

Оставив село Гора, к вечеру полк вернулся на место стоянки.

* * *

В последних числах марта 1944 г. командующий Восточными Добровольческими Войсками генерал от кавалерии Эрнст Кестринг, посетил 1-ю Казачью Дивизию.

К этому времени в рядах Добровольческих Войск насчитывалось до одного миллиона бойцов, однако все эти добровольческие части были по-прежнему разъединены и разбросаны между немецкими войсками и большей частью были подчинены командирам немецких частей или соединений.

Кестринг, занимавший такую высокую должность, фактически никем, кроме своего штаба, не командовал, а лишь навещая добровольческие части, произносил с пафосом на неплохом русском языке громыхающие речи, которые, однако, для добровольцев из СССР были равнозначны нулю с минусом.

По сути он играл роль главного пропагандиста Восточного министерства Розенберга, который в силу своего тупоумия верил, что демонстрацией речей ген. Кестринга, он со своим министерством удачно маскирует истинные намерения гитлеровцев.

В солнечный весенний день Кестринг, в сопровождении командира 2-й бригады подполковника Шульц, Кононова и нескольких штабных офицеров прибыл в село Дубица, где стоял наш 1-й дивизион.

У въезда в село он был встречен командиром дивизиона и почетным караулом в белых высоких мохнатых папахах, в темносиних с алыми донскими лампасами шароварах, с обнаженными шашками на караул.

С левой стороны села на зеленом лугу был построен дивизион.

Кестрингу в то время было за шестьдесят, был он очень высокий и очень тонкий и держался хорошо, годы еще его не согнули. Генерал, поздоровавшись с дивизионом на русском языке, отрывистым голосом произнес длинную речь, призывающую казаков к борьбе против коммунизма.

Слушая его, никак нельзя было понять: за что именно, он призывает казаков бороться.

Против кого — это всем было ясно и без него, но вот, во имя чего?!

Ни одного слова, отвечающего на этот вопрос, командующий не произнес, и чуждые казачьим душам слова немецкого генерала, не вызывая у казаков никакого чувства, кроме разве раздражения, попусту летели по ветру.

«Урядник, а урядник, а кто такой — этот глист?» — спросил меня шепотом один из казаков, указывая глазами на ген. Кестринга.

Я, чуть не подавившись со смеху от такого сравнения, так же шепотом ответил казаку, — «А кто его знает, сам видишь — немецкий генерал — говорит по-русски».

И действительно, тогда никто из нас толком не знал, что за «птица» ген. Кестринг. В общем, отношение казаков к приехавшему командующему Добровольческими войсками ген. Кестрингу, было совершенно безразличное, если не хуже. Однако, ген. Кестринг совсем иначе представлял себе отношение к нему воинов Добровольческих войск. Он наивно верил, что добровольцы души в нем не чают и считают его своим вождем.

Слушая его, можно было сразу понять, что он мнит себя подлинным вождем, да и не только Добровольческих войск, но и всех народов России.

Ген. Кестринг, по свидетельству Александра Казанцева (быв. редактора газ. «Воля Народа»), в его книге «Третья сила», заявил: «Причем же тут Власов? Ведь я же вождь Русского Освободительного Движения».

Оставшись довольным осмотром 1-го дивизиона 5-го Донского полка, ген. Кестринг любезно принял приглашение Кононова отобедать с офицерами полка. За столом он не переставал говорить и вспоминал Москву, где он родился и был гимназистом. (Ген. Кестринг родился в 1876 году в Москве, в немецкой семье. В юные годы выехал в Германию, где и стал немецким офицером В 1917 году он был комадирован с немецкой военной миссией к гетману Украины, генералу Скоропадскому. В 1927–1930 г.г. он — военный атташе в Москве. С 1935 г. и почти до начала войны он снова военный атташе в Москве).

Рассказывал он также и о жизни высших партийных и советских работников, среди которых он часто бывал, как военный атташе.

«Все они ненавидят Сталина, но боятся его духа и повинуются, как малые дети. Вот ужас, действительно, ни одному русскому царю и не снилось держать в таком повиновении народ, как это умеет делать Сталин… что и говорить «спец»» — сказал ген. Кестринг.

«Вот поэтому мы и воюем против Сталина, что он хуже любого русского царя. Не хотим мы больше никаких царей — ни белых, ни красных — довольно с нас! Хотим жить свободно, так как живут люди в других странах?» — громко и дерзко, глядя на Кестринга, сказал один из молодых кононовских офицеров.

Все притихли и вопросительно смотрели на Кестринга.

«Знаю я вас — казаков. Вы всегда бунтуете», — дружески хлопая офицера по плечу и довольно улыбаясь, сказал Кестринг.

«Господа! Выпьем за вольнолюбивое казачество!» — возгласил Кестринг и поднял стакан.

Кто-то из офицеров подарил Кестрингу донскую белую папаху и он, с удовольствием заломив ее «чертом», просидел в ней за столом до конца обеда-ужина.

«Подарите ему еще шашку, сыночки», — шепнул Кононов. Один из офицеров смотался куда-то, притащил донскую шашку и торжественно вручил ее Кестрингу.

Одев на себя шашку, довольный подарками Кестринг, расчувствовался и стал показывать фотографии своего сына, 7–8 месячного младенца.

«А вот и моя молодая жена», — сказал Кестринг, протягивая фотографию молодой (лет 30–35) и очень красивой женщины.

Фотографии пошли по кругу. Один из офицеров,

рассматривая фотографии жены Кестринга, с восхищением сказал:

«Очень красивая, и довольно молода!»

«Да и адъютант у него недурен и молод, так что… все понятно!» — выпалил, подвыпивший сотник, Ломакин. (Адъютант Кестринга — красивый 30-летний немецкий ротмистр — ни слова не понимавший по-русски — сидел за столом почти напротив своего начальника).

Все замерли, наступила гробовая тишина. Но выручил, не растерявшийся Кононов. Поднявшись со своего места, рядом с командующим, он провозгласил:

«За сына!»

Все подхватили тост Ивана Никитича и добавили к нему поздравления командующему и его жене.

Кестринг и глазом не моргнул, — сделал вид, что ничего не слышал — и стал благосклонно чокаться с офицерами.

«Вас загта? Вас загта?» (Что он сказал? Что он сказал?) — заметив замешательство, стал спрашивать Шульц.

Кто-то ему что-то перевел, конечно, не имевшее ничего общего со словами Ломакина. Все уладилось. Не теряя хорошего настроения, Кестринг продолжал рассказывать свои истории.

Около полуночи поднялись из-за стола. Прощаясь, Кестринг благодарил Кононова и его офицеров за хорошую службу и обещал твердо защищать перед «фюрером» казачьи интересы. Пожав всем руки, командующий Восточными Добровольческими Войсками, гене-рал-от-кавалерии Эрнст Кестринг, отбыл.

* * *

2-го апреля 1944 года в теплый весенний день, по случаю дня рождения Кононова, в нашем полку состоялись торжества. В этот день, часов около 10, я случайно зашел в канцелярию сотни. Сотенный писарь, Сергей Крюковцев, увидя меня на пороге, радостно воскликнул:

«Вот он! А я тебя, как раз, хотел искать! Комсотни приказал, чтобы ты немедленно летел в Лекеники, — там Батьке день рождения справляют. Приказано со всех сотен танцоров и музыкантов прислать на гуляние».

Обрадованный, взяв с собой коновода, я помчался в Лекеники.

«Как бы не опоздать, а то все без нас попьют», — шутил мой коновод, прижимая коня.

Уже в селе, осадив коней, мы увидели картину: у здания, где

располагался штаб полка, гремела музыка и шумел, и толпился народ. Казаки и молодые офицеры оттанцовывали с хорватскими девушками хорватский национальный танец — «Коло». В середине стояли столы с угощениями и каждый сам подходил и пил и ел что хотел. В доме — двери были раскрыты настеж, — во главе с хозяином веселья, за столом сидели старшие офицеры, были и хорватские офицеры.

Самым почетным и дорогим гостем у Кононова в этот день был приехавший из Германии, по случаю торжества, ген. Шкуро.

Последний, в дорогой расшитой серебром черкеске и приподнятом веселом настроении, командовал «парадом».

2 апреля 1944 г.
Ген. Шкуро и подполковник Кононов перед строем 5-го Донского полка 1-й Каз. дивизии, в день рождения Кононова.

Каждая «чарка» выпивалась только по его команде. Он, как всегда и везде, чувствовал себя хозяином и невольно заставлял всех себе повиноваться.

В самом разгаре веселья ген. Шкуро вышел на крыльцо, за ним все остальные. Рядом стояла открытая большая немецкая «генеральская» легковая машина (кажется командира 1-й или 2-й бригады). Шкуро, взобравшись на нее, потребовал, чтобы было тихо. Все умолкли, однако немецкие офицеры, не понимая что он сказал по-русски, продолжали переговариваться между собой.

«А вы можете помолчать, когда я говорю?!» — нахмурив брови, строго сказал обращаясь к немцам ген. Шкуро. Кто-то перевел, и немцы почтительно заулыбавшись, притихли.

«Господа офицеры и казаки! — начал Шкуро. — Сегодня мы празднуем День рождения одного из лучших сынов казачества! Одного из храбрейших, доблестнейших офицеров — нашего дорогого Ивана Никитича.

Двадцать пять лет, находясь заграницей вдалеке от Родины, я никогда не сомневался и всегда верил, что несмотря на то что большевикам удалось уничтожить большую часть казачества, на казачьей земле, вопреки всему и вся, народится новое казачье поколение, которое народит и своих героев достойных нас и наших доблестных казачьих предков.

И я не ошибся. Пришлось убедиться воочию и многим тем, кто в этом сомневались. Мечта большевиков затушить и уничтожить навеки на Руси очаги свободы, — не увенчалась успехом.

Большевистский террор и насилие оказались бессильными уничтожить казачий дух. Оставшееся семя, на обильно политой казачьей кровью казачьей земле, вновь как и прежде породило такое же самое гордое и свободолюбивое казачье племя. Вы, казаки из Советской России, испили наигорчайшую чашу казачьей трагедии.

Но, истекая кровью, вы не склонили свои головы перед презренным врагом и не утратили казачьего духа. Вы, как и прежде ваши славные предки, при первой же возможности поднялись на борьбу за свою исконную казачью свободу.

Быть может, вам придется погибнуть в неравной борьбе, но слава о вас никогда не умрет. А это — самое главное для казака. Это — дороже самой жизни. Была бы жива казачья слава!

Славой казачьей больше всего на свете дорожили наши славные предки и они эту славу казачью донесли и до наших дней. Ваша задача, мои герои, нести эту славу, казачью славу, дальше по всему свету и передать ее вашим детям.

Во имя славы казачьей, сегодня, лучшему из вас, вашему командиру и отцу — вашему Батьке, я дарю свой дедовский именной подарок.

Иван Никитич, подойди-ка сюда, пожалуйста», — позвал ген. Шкуро Кононова. Тот подошел и стал «смирно».

«Цией плетью мий батько меня по ж… стягав, — сказал Шкуро по-украински, показывая всем казачью плеть дорогой кавказской работы, с позолоченным черенком, — А теперь я ее дарю, как родному сыну — Ивану Никитичу Кононову. Бери плеть, казак! У тебя — моя закваска. Ты достоин этого подарка».

Один из адъютантов Шкуро подал ему круглый картон и он, вынув из него донскую фуражку (вероятно сделанную специально для подарка — на заказ), одел ее на Кононова.

Командир 2-го дивизиона, есаул Борисов, мигнул глазом, толпившимся казакам и офицерам и те, поняв знак, подбежали и подхватили ген. Шкуро и Кононова на руки и начали «качать».

«Що вы робитэ бисовы диты?!» — упираясь и смеясь говорил подбрасываемый высоко в воздух генерал Шкуро.

Грянувшая музыка — «Скину кужель» — словно толкнула плясунов. И началась залихватская бешеная пляска, та, которая и по сей день часто демонстрируется казаками на больших и малых сценах во всех столицах и городах земного шара, та, которая на Руси называется «казачком», та, которая ярко отражает характер, нрав и быт вольнолюбивого казачьего народа.

Уже стемнело, когда я со своим коноводом возвращался домой. Чувствуя приближение к дому, кони просили повода.

Генерал Шкуро приехал к Кононову не только для того, чтобы участвовать в торжествах последнего, отнюдь — нет.

Он, прежде всего, приехал поделиться радостными вестями, с которыми он «летел», а не ехал. Вечером на квартире у Кононова, наедине с ним, он с восторгом и радостью рассказывал о встрече с Власовым, у которого он смог побывать, и с которым много и долго говорил.

Шкуро сказал, что Власов пребывает в полной уверенности, что политика Гитлера бесповоротно ведет Германию к неизбежной катастрофе, и что немцы в поисках своего спасения вынуждены будут дать возможность развернуть Освободительное Движение Народов России — и в большом размахе. Нужно только быть готовыми к этому моменту; нужно только сколотить вооруженные силы, достаточные хотя бы только, для первого массивного удара.

Рассказывал он и о окружении Власова: о генералах Трухине, Малышкине, Жиленкове и других, с которыми познакомился, — как о твердых волей и весьма умных талантливых людях.

Говорил Шкуро и о том, что делу уже дан ход и уже существует школа власовских пропагандистов, что уже куются офицерские кадры Русской Освободительной армии; что Власов передает пламенный привет Кононову и просит его не падать духом и быть на чеку.

Ген. Шкуро, как всегда, с характерной ему темпераментностью и резкостью, рассказывал Кононову о впечатлении произведенном на него Власовым:

«Это великан, русский богатырь, против которого не устоит никакой противник» — с уверенностью заявил ген. Шкуро.

Он сказал также, что в Германии ходят зловещие слухи — будто бы ген. Краснов недоброжелательно относится к Власову и не склонен быть в подчинении «большевистского генерала», но он этому не верит и будет стараться встретиться с ген. Красновым и выяснить точку зрения последнего.

Шкуро сказал еще, что Донской атаман ген. Татаркин тоже взволнован этими слухами, но и он, если эти слухи соответствую действительности, приложит все усилия, чтобы направить «деда» на правильный путь.

«Немцев нужно изжить из казачьих рядов, вырвать из их рук казаков во что бы то ни стало!» — нервно ходя по комнате, говорил Андрей Григорьевич.

«Иван, я знаю, ты не приостановишься ни перед чем и, когда придет время, выполнишь эту задачу, Николай Лазаревич (полковник Кулаков) тебе в этом первый помощник. Действуй, надейся и жди!» — сказал ген. Шкуро.

Обнадежив Кононова, он «полетел» снова в Германию к Краснову, в Толмецо — к Доманову и к другим деятелям Освободительной борьбы.

* * *

В апреле 1944 года группа под-офицеров нашего полка была направлена в гор. Костайница на курсы инструкторов Химической службы. Я был назначен старшим этой группы. Около трех недель мы слушали лекции и смотрели фильмы, демонстрирующие правила химической защиты. Вернувшись в полк, все мы были назначены на должности инструкторов химической службы в своих сотнях и должны были проводить занятия по хим. защите. Мне пришлось всего несколько раз провести такие занятия. Казаки абсолютно не интересовались «какой-то химией» и слушая меня, пользовались случаем отдохнуть от боевой страды и засыпали. Сотня без конца вела разведку и участвовала в боевых операциях, и уж какая там «химия» могла лезть в головы смертельно уставших людей. В один из дней, проведя занятие с 1-м взводом, я пришел к Пащенко и доложил ему о проведенном занятии.

«Бросай, ты, эту химию к ядренной бабушке и принимай отделение управления сотни, нет времени у нас для болтовни! Воевать нужно!» — положив руки мне на плечи, сказал он и громко и беспечно, как это он часто делал, расхохотался.

И, действительно, занятия эти были, как и мне казалось, ни к чему, да и мне они порядком надоели. С радостью я поспешил

исполнить приказание Пащенко.

30 мая 1944 г. наш командир дивизиона, майор П., назначенный командиром 9 каз. ген. Бакланова полка, сдал дивизион и отбыл. Дивизион принял, присланный из 5-го Терского полка, есаул Мачулин. Однако он не долго был на этой должности.

Вскоре мы вновь двинулись в поход в Словонию. В одной из операций в районе Словенска Пожега наш дивизион постигло несчастье. Продвигаясь по гористой местности, мы, очевидно, взяли неправильное направление и натолкнулись на 2-й дивизион нашего полка — в таком месте, где он, по нашему мнению, никак не мог находиться. Приняв его за противника, головная сотня открыла по ним огонь. Через секунду нам пришлось на своей шкуре испытать насколько хорошо казаки научились владеть огнестрельным оружием: 2-й дивизион, также приняв нас за противника, немедленно накрыл головную сотню минометным огнем. Я был послан в голову колонны дивизиона — узнать, в чем дело?

Прискакав с двумя казаками в голову, мы увидели печальную картину: прямо на дороге лежало целое отделение побитых казаков. Командир этого отделения, урядник Николай Кромсков, был жив, но ему оторвало ногу, 19-летний Кромсков был любимцем всего нашего полка. Он был лучшим плясуном в полку. Высокий, стройный, гибкий, с донским волнистым чубом, всегда с веселой заразительной улыбкой, никогда не унывавший он был таким же всегда и в бою. Я знал Кромскова хорошо. Мне не раз приходилось состязаться с ним в искусстве танцев, но не смотря на то что я имел хорошую школу, полученную в свое время в ансамбле песни и пляски, мне далеко было до этого рожденного, природного плясуна.

Увидев его окровавленного, с оторванной ниже колена ногой, я невольно отвернулся… Через некоторое время он пришел в сознание и стал улыбаться и даже пробовал шутить, но вскоре опять потерял сознание.

Получив сведения, я поскакал обратно. По дороге чуть не налетел на вывернувшуюся из-за горы машину командира полка.

«Много убито казаков, сыночек?» — спросил меня Кононов.

Я доложил, что целое минометное отделение 4-й тяжелой сотни, и еще несколько казаков из первой.

«Вот теперь я вижу, что вы хорошо научились стрелять», — горько усмехнувшись и зло сверкнув глазами, сказал Кононов.

Я знал, что Батько в такие минуты бывает очень страшным и жестоким.

«Ну и всыплет же он сегодня кому-то!» — прижав коня,

подумал я.

Не знаю, был ли есаул Мачулин виновен в этой беде, но он был удален из полка.

Вообще же нужно сказать, что Кононов не терпел офицеров неудачников. Особенно он не терпел командиров-трусов. За малейшую проявленную трусость, он беспощадно гнал их из наших рядов. Помнится, однажды к нам в полк был прислан один майор (фамилию его к сожалению не помню). Последний прибыл в сопровождении своего адъютанта вахмистра Лора Кипанидзе (это было во время похода в Боснию).

В виду того, что в полку не было вакантной должности, Кононов оставил майора при штабе полка, как резервного офицера. В тяжелых боях в Боснии, под гор. Пернявор, наш полк, пробиваясь между гор, натолкнулся на особенно упорно оборонявшегося противника. Кононов подозвал этого майора и приказал ему взять один взвод из резерва, обойти титовцев и выбить их из сопки, с которой они засыпали нас минометным огнем.

У майора лицо исказилось от страха. Он, побледнев, стал дрожащими губами что-то невнятное говорить.

«Вон из полка… Чтоб вашей тут ноги не было… Вон!» — свирепо сверкнув глазами приказал Кононов.

В это время молодой офицер второй сотни, хорунжий Сколенко, подскочил к Кононову.

«Батько, разреши!» — с дерзкой смелостью смотря на Кононова, с горячим порывом спросил он.

«С Богом, сынок, с Богом, родной мой!» — ответил Кононов.

Через некоторое время мы, опрокинув заслоны противника, уже двигались дальше, а Сколенко привел пять связанных титовцев, не потеряв ни одного казака из своего взвода.

Офицеры неудачники и трусы, т. е. офицеры только по званию, но никак не по содержанию, у нас долго не задерживались и выгнанные вон из полка, обиженные считали, что Кононов — человек страшно жестокий к даже несправедливый. Во время войны они конечно, должны были молчать, но после нее уцелевшие из них повели чудовищную клевету на Кононова, показав в этом отношении в самом деле свои незадачливые таланты. Об этих «героях» я еще скажу ниже. А об офицерах же коновцах скажу с уверенностью, что все они — и умудренные годами и опытом Борисов и Пащенко, и весьма образованные Сидоров, Гончаров и Орлов, и интеллигентный Гюнтер, и простоватый Давыдов, и малограмотный Чебенев и все другие — все они, без исключения, были офицерами по содержанию. Прежде всего они были беззаветно храбрыми,

талантливыми и исполнительными командирами. И офицерам, не обладавшим их качествами, не было места в наших рядах. Да и такие офицеры «понюхав», чем пахнет служба у «Батько», сами спешили покинуть ряды Кононовцев.

После отбытия из полка есаула Мачулина, наш дивизион вновь принял сотник Бондаренко, через короткое время произведенный в есаулы. Кажется, через 3–4 недели после этого вернулся, перенеся долгую болезнь, старый начальник штаба дивизиона — молодой сотник Юрий Гюнтер. Временно его замещавший есаул Николай Шабанов был переведен в 1-й Донской полк. Гюнтер сын русского эмигранта, проживавшего в Югославии — будучи офицером югославской армии попал в плен к немцам, но едва только начали организовываться первые добровольческие антисоветские отряды, он немедленно вызвался в них служить.

В 1942 году, с группой таких же как и он югославских офицеров (русских до мозга костей), он был направлен в 102-й Донской казачий полк Кононова. Отличаясь прекрасными качествами офицера, будучи трезвым и весьма серьезным по натуре человеком, он был замечен Кононовым и, несмотря на его молодость, назначен на должность начальника штаба 1-го дивизиона 5-го Донского полка.

С Гюнтером я познакомился во время операции нашего полка в Славонии, куда мы вернулись после проведенных операций в Боснии. Во время привала он, подойдя к нашей сотне, завел с нами дружеский разговор. Он принял меня за эмигранта из Югославии и был очень удивлен когда я сказал, что родился и вырос в Советском Союзе. Не только Гюнтер, но почти все эмигранты почему-то привыкли считать людей из СССР какими-то хамами, дикарями, невоспитанными и, если им встречался человек «оттуда» с более или менее интеллигентной внешностью, они, как правило, принимали его за «своего» — эмигранта.

Впоследствии по долгу службы мне приходилось довольно часто встречаться и говорить с Гюнтером. Не могу утверждать, что он был более образованным, нежели другие средние офицеры нашего полка, но по воспитанию и поведению он стоял несомненно выше многих из них.

«Умница», — часто отзывался о нем Кононов.

Во время боев в Славонии Пащенко был ранен и сотню временно принял хорунжий Василии Сидак, ранее переведенный из 4-й тяжелой сотни. С ним я познакомился и сдружился в Млаве, когда он был еще урядником.

Став его непосредственным подчиненным, находясь все время при нем, я почерпнул от него немало необходимых военных

знаний. Он всегда с большой охотой делился со мной своими военными знаниями. Несмотря на то, что я был его подчиненным, дружбу мы не прекращали, и вне службы были просто друзьями и на «ты».

Сидак, — в прошлом старший лейтенант Красной армии, артиллерист-кадровик. Он прекрасно знал свое дело. Его манера говорить и держаться — военная.

Он грубоват и резок, но честен и откровенен. С виду у него нет и тени того лоска, которым обладало большинство офицерства дореволюционной России. Он был типичным советским офицером-интеллигентом получившим соответствующее среднему командиру Красной армии образование, но сохранившим унаследованный от его безграмотных и мало цивилизованных родителей простоватый облик и, в некоторых случаях, такие же манеры.

Сидак был очень начитанным. Особенно хорошо он знал историю не только России но, до малейших подробностей, и других стран. Вечерами, после службы, мы с ним часто полемизировали. Говорили о политике, говорили о России старой, о советской, о будущей новой, какую мы стремимся построить. Сидак в одинаковой мере со страшной ненавистью относился и к сталинизму и к царизму. Он категорически отвергал всякий абсолютизм, под каким бы то ни было названием. Однажды, при таком разговоре я сказал, что последний русский царь Николай II был очень добрым и сердечным человеком, о чем можно услышать от многих старых людей. При одном только упоминании о царе Сидак сразу же начинает злиться. Лицо его становится красным и на нем ярко выделяется большой шрам. Сидак говорит, что царь не может быть добрым. Однако, я не соглашаюсь и утверждаю, что царь Николай II был все-таки хорошим царем. Сидак крайне возмущен моим непониманием.

«Дурак ты, дурак! — кричит он. — Ты не знаешь истории своей собственной Родины и не понимаешь, что из себя представляет самодержавие вообще. Существование какого бы то ни было самодержца немыслимо без террора и насилия. Самодержец должен душить свободу во всех ее проявлениях.

Русские цари этим и занимались на протяжении веков. Они гноили в Сибири лучших сынов отечества, предавали анафеме лучших русских писателей, поэтов и других ценных для России людей. Эти высокообразованные люди понимали пороки самодержавия, рассказывали о них народу и требовали устранения самодержавия, видя в нем тормоз к развитию и цивилизации России, видя в этом причину отсталости и унижения

русского народа.

Ты же читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова? Почему эти великие русские поэты критиковали самодержавие? Почему они высмеивали всех держиморд царской власти? Потому что были глупыми или желали зла для русского народа, а?! Почему, отвечай?!»

В душе соглашаюсь с Сидаком, но оскорбленный его резким тоном, насупясь молчу. Сидак нервно ходит по комнате и продолжает перечислять грехи русских царей-самодержцев.

«М-гу… добрый… хороший… царь… чу-дак, ты, человек! — остановившись передо мной, нараспев говорит он — Разве можно быть царю добрым? Вот именно в этом-то и заключалась главная несостоятельность Николая II, как самодержца, что он был очень мягким и добрым человеком. Вместо того, чтобы перевешать не только Ленина и его друзей-сподвижников, но и вообще всякого рода социалистов, демократов и пресечь этим развал своего государства, он с ними нянчился и этим давал только повод к их размножению.

Наполеон правильно ответил своему брату, который оказался очень добрым. Ты знаешь, что сказал император Наполеон о добрых королях?»

«Не знаю», — заинтересовавшись отозвался я.

«Так вот слушай! Наполеон назначил своего родного брата королем в завоеванной Испании к через некоторое время послал приказ о его смещении. Тот обиделся к написал письмо Наполеону, в котором писал, что он его напрасно смещает, так как народ говорит, что он очень добрый король.

Наполеон ему ответил — Дорогой брат, если народ говорит, что король ты добрый, это значит, что царствование тебе не удалось и, как монарх, ты никуда не годишься… сматывайся!»

Мне рассказ очень понравился и я, вместе с Сидаком, рассмеялся, восхищаясь мудрыми словами Наполеона.

«А император Александр II еще лучше понимал значение самодержавия, — продолжал Сидак, — когда к нему всякие гуманисты стали приставать со всякими конституциями, он им сказал: «Даю слово, что сейчас на этом столе я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что сделай я это сегодня, и завтра Россия распадется на куски». И, конечно, он был прав в этом. Чтобы держаться у власти, необходимо было не допускать никаких конституций, никаких реформ. Необходимо было, чтобы мужицкая масса была темной и верила, что царь, действительно, — Божий помазанник, молилась ему и боялась его, как Бога на земле.

Понятно? Чудак ты, братец?!

Цари всегда спекулировали именем Христа, — целыми веками. Цари допускали величайший грех, творя свои, не всегда честные, а иногда и просто преступные, человеческие дела именем Бога. К сожалению в этом грехе принимала участие и Церковь. И не зря Бог, если он есть, так жестоко покарал царей и тысячи священников, замученных и убитых чекистами.

Что скажешь, — не правда?!

Иоська Сталин не может использовать религию, ему, брат, просто не с руки, не те времена, а то бы и секунды не задумался. А в «религии» Маркса он же сам своим террором помог народу разувериться. Ему теперь только и остается давить и давить до конца своей жизни, иначе народ выскочит и растопчет его. Система самодержавия требует этого. Нет, не нужно нам никаких царей! Будь они белые или красные. Ясно?! Или повторить урок?»

Конечно, мне все это было совершенно ясно, также как и Сидаку и каждому человеку в Советском Союзе — от простого колхозника. Всем нам, учившимся в советских школах, уже в начальной школе на уроках обществоведения старательно разъясняли причины несостоятельности царского государственного строя, рассказывали о всех его грехах, приучали ненавидеть его. В царях, князьях великих, малых и всяких других учили видеть спекулянтов именем Христа, кутил, дармоедов и развратников ведущих паразитический образ жизни за счет трудового народа. И, конечно, все это учение было не без всякого основания. Но это учение также приводило к тому, что мы начинали понимать и делать вывод — красный царь Сталин и его опричники-чекисты много хуже всех тех, к которым так настойчиво и назойливо приучали нас питать презрение и ненависть.

Что касается последнего русского царя Николая II, то я все же скажу, что сравнивать его, как человека, с другими русскими царями, как, например, Петр I или Николай I, не следует и даже грешно. Черта бы два эти цари няньчились со всякими социалистами и щадили их жизни. Они понимали необходимость уничтожения социалистов, и они это делали. Глупо было бы утверждать, что Николай II этого не понимал или не имел достаточной силы для нужных мероприятий. Однако он их не делал. А если и делал то в совершенно недостаточной мере. Во всяком случае, ни Ленин, ни Сталин, ни тысячи всякого рода социалистов не были уничтожены. А сколько их было помиловано?! А сколько вообще не было тронуто и продолжало расшатывать власть Николая II? Человечность, врожденная доброта, мягкость его души и глубокая вера в Бога заставляли его

сознательно отказываться от мер, которые могли бы сохранить ему власть. Нельзя также забывать, что при императоре Николае II уже была Государственная Дума, были намечены новые земельные реформы, начинала развиваться тяжелая промышленность и вся страна стала определенно клониться в сторону демократического образа государственного строя. И только вспыхнувшая первая мировая война помешала провести в жизнь намеченный план. Враги России много потрудились и много потратили золота на устройство революции в России, но основную роль в этом сыграл все-таки сам правящий, аристократический класс России разложенный своим положением потомственного дворянства, страдавший беспечностью, чрезмерными прихотями и развратом. Почва для революции была подготовлена именно этими господами яростно противостоявшими всяким реформам в государстве. В окружении Государя были только единицы, которые старались вынести на себе тяжелое бремя ведения страны к прогрессу. Большинство же, не исключая и высших сановников, пользуясь мягкосердечностью и добротой императора, вели себя непристойно, безнаказанно обманывали его, бесшабашно кутили и, конечно, толкали этим народ на революцию.

О поведении этих людей много написано большими учеными того времени, например, проф. Н. Н. Головиным или протопросфитером русской армии и флота о. Георгием Шавельским.

Не смотря на все это, подавляющее большинство русских эмигрантов — особенно из аристократических кругов — категорически отрицало какие бы то ни было грехи правящего класса царской России.

Помнится, мне пришлось побывать с группой казаков несколько дней в Белграде, где мы посещали «Русский Дом» и познакомились с многими русскими эмигрантами. Полемика с ними привела к тому, что один из них заявил нам:

«Откровенно говоря, не понимаю вас, господа! Вы воюете против большевиков, а сами-то вы какие-то, извините, ну, так сказать, полу-большевики».

А одна дама, в разговоре со мной, с отвращением отозвалась о казаках нашей группы:

«Вы, человек интеллигентный и вид у вас приличный, но вот у ваших друзей вид и выговор, ну прямо-таки, что ни есть чисто большевистский. В революцию мне пришлось много насмотреться на это хамье!»

Эта же дама с явным восторгом рассказывала мне, что она родилась где-то на Украине (она сказала «в Малороссии»), что у

ее мужа было очень большое и богатое имение; что ее муж столбовой дворянин и что она сама из знатного рода. Она долго и с увлечением рассказывала о своей молодости и красивой жизни, проведенной в высшем свете, о сказочных балах и банкетах, об ее успехах в интимных забавах и т. д. и т. д.

«Бывало, покажусь в именин, — захлебываясь поведала она, — как все хохлы мои, кланяясь до пояса, в один голос восклицали — «Что изволите, барыня? Не прикажете ли что-либо, барыня?!» Хорошие хохлы у нас были, вежливые и очень набожные… Вот это была Россия! Я понимаю, а теперь что?! мерзость одна, сплошное хамство, сов-де-пия!» — с отвращением и презрением процедила последние слова дама.

Эта дама, наверняка, полагала, что я разделяю ее мнение и, вероятно лишь только потому, что у меня была «не хамская» внешность и я говорил с ней не на «хамском языке». Не в силах удержаться от охватившего меня гнева и презрения к глупой барыне, я, со всей своей бешеной вспыльчивостью и резкостью, ответил ей:

«Хамье, мадам, которое вы презираете, это и есть настоящая подлинная Россия, а вы и ваш муж — столбовой дворянин — трутни, веками жившие утопая а роскоши, питаясь соками этих презираемых вами «хамов», столетиями горбивших свои спины для удовлетворения ваших прихотей и разврата. Это вы, напыщенные своими дворянскими титулами и презрением к забитому и убогому, на нашей великой земле, мужику довели его до революции. Это ваш дворянский класс — почва на которой вырастают всякие революции. Через вас всех, мадам, и нам теперь приходится губить свои молодые жизни и вести братоубийственную борьбу».

Барыня была страшно удручена моим «большевистским» ответом и, как ошпаренная, с перепугано-удивленным лицом поспешила удалиться.

У большинства «патриотов» России из эмигрантов, с которыми нам приходилось и после встречаться, рассуждения были не лучше, чем у этой «барыни». Все они видели Россию в самих себе, а другой России или не знали, или знать не хотели. Соприкоснувшись с ними, нам пришлось констатировать факт: мы — пришедшие «оттуда», из «Совдепии», и эмигранты, представляем собой два совершенно различных мира с совершенно различными мировоззрениями.

Эмигранты хотят принести в Россию свои старые идеи, а мы к этим идеям относимся враждебно и стремимся к построению новой России без большевиков, но и без эксплуататоров. Эмигранты ненавидят большевиков за свои обиды и лишения,

которые большевики им принесли, а среди нас есть много таких, которые в гражданскую войну, под предводительством большевиков, наносили теперешним эмигрантам эти обиды и нисколько и теперь не разуверились в справедливости этого. И если они и стали на путь борьбы против большевиков, то уж, конечно, не для того, чтобы оправдаться перед ненавистными им и теперь всякими «барынями», — а за обиды свои, за обман и сталинский террор разуверивший их в идее, за которую они боролись в революции и принудивший их выступить на бескомпромиссную борьбу с большевизмом. Для эмиграции советская власть — это 1917-20 годы, — это «толпы взбунтовавшихся хамов». Для нас же «взбунтовавшиеся хамы» — это подлинная Россия, против эксплуататоров.

Но вместе с этим советская власть для нас — это прежде всего Сталин, это невиданный в мире террор и насилие, это бесчисленные тюрьмы и концлагери, это полчища озверелых чекистов, это шныряющие по улицам и наводящие ужас на людей страшные «черные вороны», это стоны и плач терзаемого несчастного нашего народа, это нестерпимо болящие на нашем теле и душе живые раны.

Эмигранты ненавидят большевиков еще и за то, что большевики переименовали то, что раньше называлось Россией в Советский Союз, и по-прежнему считают, что Украина, Белоруссия, Кавказ и т. д., все это Россия и «великий русский мужичок».

Но в результате того, что произошло в национальной политике проводимой большевиками, мы понимаем Россию так, как нас учили понимать ее в школах. И для нас — молодежи — есть Украина, а не Малороссия и в ней живет украинский народ, а не хохлы; есть Белоруссия и в ней живет белорусский народ; есть Бурятия и в ней живет бурятский народ, есть и другие многие народы нашего отечества — с их собственными языками, письменностью, культурой, территориями, национальными героями и литературой. Все народы СССР, историю которых мы изучали, были налицо и с этим нельзя было не согласиться. Мы привыкли к тому, что все народы нашей Родины — малые и большие — являются равноправными партнерами и, хотя мы и не считали, что Украина или Грузия — это Россия, но мы привыкли к тому, что и Москва — наша, и Киев — наш, и Тбилиси — наш: никакой национальной вражды между нами и в помине не было, и никаких делений мы себе не представляли, но мы и не считали, что вся наша великая и общая Родина непременно должна возглавляться именно русскими.

Все мы знали, что власть в СССР нерусская, да и русской она

себя никогда не называла и, действительно, русской не была; в этом мы не видели греха и ненавидели власть вовсе не за название данное ей нашей Родине — СССР, а за чинимый ею террор и насилие над народом. Иго Сталина, переносимое всеми народами Советского Союза в одинаковой мере, сплотило нас в единую семью и мы питали ненависть только к терроризирующей нас власти, но отнюдь не к русскому народу. И украинец, и белорус, и таджик, и грузин, и ингуш и все другие знали, что их жестокий враг — Сталин — не русский и вся его банда состоит, независимо от национальной принадлежности, из людей подобных ему, что русский народ такая же жертва тирании Сталина, как и все остальные народы СССР, и все мы рассматривали людей, которые пытались проповедывать нам ненависть к русскому народу и разделение нашего великого общего государства, как врагов и предателей, стремящихся ослабить мощь и величие нашей Родины.

Кстати скажу, что именно в непонимании этого и заключалась большая ошибка гитлеровцев, меривших нас тем аршином, который был пригоден в дореволюционной России, когда все народы входившие в Российское государство возглавляла русская национальная власть — русский монарх; нерусские народы тогда в своем большинстве рассматривали власть русского царя, как русское иго.

Подобное нам пришлось видеть в Югославии, где хорваты и словенцы рассматривали власть сербского короля, как сербское иго.

Русский же народ веками приучался царской властью рассматривать Украину, Кавказ, Белоруссию, Казахстан и т. д., как Россию, а живущих в них — как русский народ.

В русском народе власть развивала национализм, — этого требовало государственное устройство страны. Царь — русский православный, и народ — русский православный призывался защищать «веру, царя и отечество», но это оскорбляло нерусские народы, которые естественно любили свои религии, свои национальные культуры и т. д., и вызывало в них ненависть к русской власти, от которой они зависели. Все это порождало среди них сепаративные течения, которые и выявились в гражданской войне в России.

Гитлеровцы надеялись, вернее твердо верили, что они и теперь найдут в России национальную вражду и используют ее в своих интересах, но среди народов СССР — среди нового выросшего под интернациональной властью поколения — среди нас, они этой вражды не нашли. Их расчеты на «разделяй и властвуй» провалились. Как теперь пишут немецкие историки, все

это понял один из главных министров Гитлера — Рейхс-министр Гиммлер, но уже тогда, когда было поздно. А «спец» по русскому вопросу — глава Восточного министерства Розенберг — так и не «дошел», до конца своих дней.

Эмигранты считают, что вся наша Родина должна непременно возглавляться русской властью, и только ею. Для них великие князья — это огромный авторитет и божественные лица, которым, по их мнению, законно принадлежит власть не только в России, но и во всех завоеванных в свое время Россией других государствах.

Для нас же русские князья — великие и малые и всякие другие — это пустое место, и отношение к ним многих из нас презрительное. И вообще-то большинство из нас считает управление государством монархами отжившим, не пригодным для цивилизованного человечества, а рекламирование монархов как Божьих помазанников — просто на просто шарлатанством.

Тех эмигрантов, которые все еще видят в великих и других князьях какое-то божество мы рассматриваем как людей больных мистицизмом, наполненных буржуазными предрассудками. Мы все хорошо понимаем, что не русские народы живущие на своих собственных территориях, входящих в состав СССР, имеют все права на полную самостоятельность. Сам же русский народ в СССР и особенно его молодежь, хотя и горит любовью и патриотизмом ко всему своему русскому, но он не имеет тенденции навязывать свои чувства не русским народам, которые русский народ научился понимать.

Мы все «оттуда» — русские, украинцы, белорусы, казаки, грузины и другие — прекрасно понимаем и то, что, разделившись на отдельные небольшие самостоятельные государства, мы этим самым сами себя превратим в ни во что — в отдельные слабосильные государства (вроде Чехословакии, которую бьют все, кому не лень и она должна всем кланяться), которые большие и сильные государства могут в любой момент поработить.

Действия гитлеровцев, как нельзя лучше, наводят нас на эти мысли и сплачивают нас в борьбе против всякого внешнего врага.

Мы не ждем спасения от иностранных держав, а верим, что оно придет от самих народов нашей великой Родины, связанных веками одной судьбой — мы верим сами в себя.

Мы хотим быть сынами великого государства, как бы оно ни называлось, но государства свободного — это наша главная и святая цель.

Наши вожди — руководители организованного Освободительного Движения во главе с сыном простого крестьянина с Волги, ген. Андреем Андреевичем Власовым,

хорошо знают наши чаяния и стремления, ибо все они вышли не из чужеземных королевских дворов, а подлинные сыны своего трудового народа. Мы знаем, что они знают и труд и жизнь. Мы верим им и гордимся ими. Мы знаем, — их сердца и души живут одним пониманием, одним стремлением с нами. Они подтвердили это в первом же пункте Манифеста Комитета Освобождения Народов России, который гласит:

«…В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное к государственное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность».

Именно этот первый пункт КОНР не разделяет, но объединяет нас всех, ибо все мы понимаем что он справедлив и правилен.

Эмигрантская русская молодежь, в своем абсолютном большинстве, следует заветам своих родителей. Хотя эта молодежь и пылает привитой ей отцами любовью к «сказочной ихней России», но понятие о ней, а тем более о СССР, у такой молодежи до грустного ошибочное.

Вместе со своими отцами они наивно верят, что «там» под большевиками жива «их» Россия — русский мужик, который ждет не дождется их возвращения, их — своих прежних господ в собственные имения.

Эмигранты, ранее бывшие составной часть сгнившего и развалившегося здания царской России, не могут видеть свои грехи и недостатки. Для них царская Россия — это их молодость и лучшие годы их жизни, все остальное для них — «трын-трава».

В «чужом глазу пылинку видно, а в своем бревна не увидеть», — говорит правдивая русская поговорка. Вот поэтому-то они и не желают нас понять.

Эмигранты категорически отвергают советскую систему в целом, а в наших рядах много таких, которые считают, что система эта не во всем порочна.

И, наконец, для эмигрантов Власов и его сотрудники недостаточные антибольшевики и, к тому же, их непримиримые прежние враги. Для нас же Власов и его сотрудники — это большие люди из нашей среды, которые взяли на себя ответственность возглавить стихийно начатую народом борьбу и дали нам идею, за которую мы готовы отдать свои молодые жизни.

Вот те основные разногласия, которые делят эмиграцию и людей из Советского Союза на два различных мира.

Само собой разумеется, что вышеизложенные два различных мирровозрения «двух миров» относятся к большинству как с

одной, так и с другой стороны.

Среди людей из СССР были и такие, которые даже в строевом командире Красной армии видели большевика и своего врага; были и такие, которые старались помочь немцам разорвать нашу страну на части, надеясь извлечь из этого какие-то выгоды для своих сепаративных целей. Эти люди были, если не сказать жестче, просто напросто слепыми глупцами; были и такие, которые с лакейской готовностью принимали господство немцев над собой, им верой и правдой служили признавая превосходство немцев. Эти люди были урожденными жалкими раболепствующими холуями без капли самолюбия и уважения к самим себе; были, к нашему стыду, и такие, которые пристроясь в тыловых карательных организациях гитлеровцев, пользуясь своим положением, выслуживаясь перед немцами чинили суд и террор, издеваясь над беззащитным населением оккупированных областей СССР. Эти люди были поистине предателями и изменниками нашей Родины. Я не нахожу слов, чтобы выразить презрение к этим выродкам. Но, как известно, такие выродки всегда находятся во всех государствах, среди всех народов. Не даром говорит русская поговорка — «В семье не без урода». Так и в семье наших народов, к несчастью, оказались эти уроды. Но эти уроды были исчезающим меньшинством, единицами. Это были, так сказать, — ихтиозавры, среди двухсот миллионного нашего народа.

Но я должен, говоря об эмиграции, сказать еще, что в эмиграции находился не только — «балласт», но и часть трудовой интеллигенции дореволюционной России, а также остатки побежденной народом в гражданской войне Белой армии. Это были остатки той отважной горсти русского офицерства, которая нашла в себе силы для борьбы во время всеобщей растерянности, и которая нашла убежище на казацком Дону, стала под знамена генералов Алексеева, Корнилова и тем положила начало Белой борьбе.

Теперь это были уже поседевшие и состарившиеся воины — корниловцы, марковцы, дроздовцы — это были, в подавляющем большинстве, самые лучшие, из тех, которых дала Белая Россия. Они стойко и честно сражались за свои идеи раньше, они и теперь не оказались «балластом», а сорганизовались в так называемый Русский Корпус, — вновь взялись за оружие. С собой в Корпус они привели и свою смену — сынов и внуков. В Югославии казачьему корпусу пришлось действовать совместно с нами против титовских войск. Об их отношении к Организованному Освободительному Движению, я скажу ниже.

Не все эмигранты жили иллюзиями. Среди них были, хотя и

относительно не много, и совершенно здравомыслящие люди, которые понимали нас и все изменения произошедшие на Родине за время их отсутствия. К нашей казачьей радости среди этих здравомыслящих людей оказалось несколько казачьих генералов и атаманов.

Особенно здравомыслящей из эмигрантов оказалась небольшая часть молодежи, которую, по убеждениям и рассуждениям, порой совсем нельзя было отличить от нас. В большинстве это были молодые люди с университетским образованием, горящие искренней любовью к России, а степень их образованности позволила им понять многое из того, что не могли понять другие эмигранты.

Они не мечтали о поместьях, о веселых балах, о «хохлах». Их горячее стремление распознать, рассмотреть и понять происходящий процесс в СССР, их упорное неутомимое изучение происходящего «там», позволяло им идти в ногу с нами, не отставая ни на шаг.

И, когда нам — «оттуда»— пришлось с ними встретиться, они первые подали нам свои руки и, конечно, встретили наши крепкие братские рукопожатия.

Все они с горячим порывом сознательно и честно влились в ряды Организованного Освободительного Движения и слились с нами в одну силу — силу правды, борющейся с неправдой и преследующей единственную цель — во что бы то ни стало обрести свободу для Отечества.

* * *

После ряда успешных операций в Словонии, принесших противнику страшные поражения, а нам победу и славу, много казаков и офицеров были награждены боевыми орденами.

Награждение Кононова немецким Железным крестом I класса, как сейчас помню, состоялось в селе Нова-Копела. По этому случаю был построен весь наш полк.

Ген. фон Панвиц зачитал написанную латинскими буквами по-русски большую поздравительную речь Кононову, в которой перечислялись все заслуги последнего. Вручив награду Кононову, Панвиц обнял и расцеловал его с искренним восторгом и радостью и сказал, как всегда, со своим немецким акцентом:

«Мой дорогой Ифан Никитич, я так рад за вас и ваши храбры сыны!»

Вскоре после этого были награждены Железными крестами обоих классов многие казаки и офицеры, но Кононов был первым

казаком, награжденным немецким Железным крестом I класса.

После похода в Словонию части Первой каз. дивизии беспрестанно перебрасывались по всем направлениям, где только скоплялись титовцы.

В начале мая 1944 г. 5-м Донским полком был сделан ночной налет на гор. Глина. В этом городе в это время стояла 11-я бригада Тито. Окрестные села также были заняты титовцами.

Прочно укрепившись в этом районе, они периодически производили налеты на железные и шоссейные дороги, комендатуры на линии Загреб — Петрово село.

На состоявшемся 5-го мая собрании старших офицеров дивизии ген. фон Панвиц в разговоре с Кононовым предложил ему сделать налет на местечко Глина.

«Ифан Никитич (Панвиц не выговаривал букву «в»), там эти титовцы в Глина, очень проказничают, не хотите ли вы их немножко наказать?» — стараясь правильно выговаривать по-русски слова, сказал ген. фон Панвиц.

«Да, да, — эти молодцы уж больно часто стали беспокоить ночами моих сыночков. Попробуем и мы им сон нарушить», шутливо ответил Кононов.

На другое утро Кононов вызвал к себе командиров дивизионов и сотен и в конном строю выехал с ними на рекогносцировку.

В девяти километрах юго-западнее Петриня, в горах покрытых густым лесом, Кононов посвятил их в задуманный им план ночного нападения на Глина. Вечером этого же дня офицерами полка были разработаны детали плана нападения на Глина.

Вечером 7-го мая полк выступил незаметно для местных жителей небольшими группами и только в лесу, собравшись по своим сотням, двинулся к назначенным местам сосредоточения.

К 23.00, 7.5.44 дивизионы прибыли на свои места. К 7.00, 8.5.44 дивизионы, организовав круговую оборону, простояли в этих местах целый день.

За это время была произведена разведка во всех направлениях и выслано 6 отдельных групп, по 2–3 человека, с задачей проникнуть в расположение противника.

Успешней всех выполнила задачу группа от 1-й сотни. Эта сотня имела на воспитании сербского мальчика сироту — одиннадцати летнего Андрея (фамилию его не помню).

Андрей к этому времени уже больше года был на воспитании 1-й сотни. Он научился свободно говорить по-русски и был по натуре, как говорят — «сорви голова». Казаки всегда брали его с собой в операции и не раз использовали его как разведчика,

засылая в села занятые титовцами. Сметливый и пронырливый Андрей с удивительной ловкостью исполнял все данные ему задания. Его воспитателем был молодой командир 1-й сотни, хорунжий Виталий Орлов. Кстати скажу несколько слов и об этом замечательном строевом казачьем офицере.

Орлов — природный донской казак, старший лейтенант и летчик-истребитель Красной армии, неоднократно награжденный советским командованием за боевые подвиги.

По натуре он был человеком, так сказать, «сверх сорви голова», не знавшим ни страха, ни преград своей воле.

Не ошибусь если скажу, что по образованию он несомненно стоял выше всех средних офицеров нашего дивизиона. Но был жесток и строг, а зачастую даже очень груб, в обращении с младшими командирами. Однако, весь полк знал, что Орлов является, так сказать, любимчиком Батьки, благоволившем к нему и называвшим его «храбрейшим из храбрых». Взяв на воспитание Андрея, Орлов старательно стал прививать ему свой нрав и казачью сноровку.

Посылая Андрея с казаком Васильевым в стан титовцев в Глину, он приказал им ровно в 22.00 этой же ночью, т. е. 8.5.44, перерезать телефонные провода и поджечь штаб 11-й титовской бригады. Их обоих одели в крестьянскую одежду, а на Васильева повесили гармонь и гитару.

За спину надели сумки с хлебом, в которых были искусно заложены ручные гранаты и пистолет.

Васильев должен был изображать слепого странника, ходящего по деревням и просящего милостыню. Андрей должен был исполнять роль поводыря, поющего под гармонь, слепца.

В таком виде они пошли прямо по шоссейной дороге на Глину. На дороге, вблизи города, их остановило боевое охранение 11-й титовской бригады. Как и ожидалось, их сразу же попросили сыграть. Васильев сыграл, а Андрей спел под гармошку несколько сербских песен. Титовцы, с удовольствием послушав их, дали им хлеба и сала и пропустили в город Глина.

В городе они целый день ходили по дворам, играли и собирали милостыню. Подойдя к церкви, где стоял штаб 11-й титовской бригады, они сели и начали играть. Вокруг них собрались титовцы и гражданское население.

Начальник штаба 11-й бригады, услышав пение мальчика и игру на гитаре слепого, приказал пригласить их в штаб, чтобы они ему поиграли. Послушав «концерт», нач. штаба приказал их хорошо покормить и дать им место для ночлега, так как наступала ночь.

Ровно в 22.00, 8.5.44, когда сотни уже ринулись на Глина,

Андрей поджог сарай с сеном, где спали титовцы, а казак Васильев, перерезав телефонные провода, бросил три ручных гранаты в комнаты штаба. Спрятавшись в огороде они замерли, поджидая прихода казаков.

Другие, проникшие разными способами в Глина, казачьи группы в это же время забросали гранатами обоз 11-й бригады и подожгли несколько мест, где спали титовцы.

Атака казаков, взрывы, пожары внутри города и прерванная телефонная связь — все это среди ночи вызвало ужасную панику среди титовцев. Они слетались в темноте и беспорядочно бесцельно стреляли.

Эта паника и неразбериха привели к тому, что 5-й Донской полк без особых трудностей занял город Глина. В 8.00, 9.5.44, полк, выполнив задачу, оставил город и к вечеру вернулся в место своего расположения.

В результате ночного налета на гор. Глина, 5-й Донской полк захватил:

403 человека пленных, 18 подвод с огнеприпасами и продовольствием, 2 автомашины, 1 радиостанцию, 24 пулемета разных калибров, 3 противотанковых орудия, 4 походных кухни, 307 лошадей.

Захвачен был и штаб бригады с документами, раненый начальник штаба 11-й бригады и несколько других офицеров штаба.

В этом бою 11-я бригада Тито потеряла до 500 человек убитыми и ранеными.

5-й Донской полк потерял 22 человека убитыми и 41 раненными.

ГЛАВА ВТОРАЯ
15-й КАЗАЧИЙ КОРПУС — БРИГАДА ИМЕНИ КОНОНОВА

Весной 1944 года продолжающееся отступление немецких войск на всех фронтах под давлением сокрушительных сил союзников и особенно мощи воздушных сил США и Англии, ярко начертали контуры грядущей окончательной катастрофы III Рейха, что ставило в крайне критическое положение российские антикоммунистические силы, организованные на немецкой стороне. Немцы же по-прежнему не допускали ни увеличения этих сил, ни объединения их.

К концу марта 1944 года среди казаков 1-й Казачьей дивизии, обеспокоенных создавшимся положением, начался негодующий ропот.

«Немцам придет конец, а что мы будем делать? Разве можно бороться с одной дивизией против Сталина? Где генерал Власов? Где его армия? Почему немцы держат нас в Югославии?» — с беспокойством и негодованием говорили казаки.

В начале апреля во всех частях дивизии появилось несколько серий листовок на русском языке. Вот текст листовки из одной серии:

«Немцы!

Ваша политика захватить и поработить народы России, привела вас к поражению на всех фронтах.

Мы, казаки, как и все народы России, 25 лет мучились в сталинском ярме. В эту войну мы оказались на вашей стороне не для того, чтобы воевать за вашу великую Германию, а потому, что верили, что Германия будет нам союзницей в борьбе против Сталина. Мы верили, что Германия понимает какую опасность представляет коммунизм для нее самой, в силу чего и ведет борьбу именно против коммунизма, а не против России. Мы верили, что немецкая армия несет нам освобождение от оков Сталина.

Мы встречали вас — немцев с цветами и хлебом солью.

Мы обманулись.

Мы давно уже поняли ваши цели. Но если обманулись мы, то обманулись и вы.

Народы России, познав ваши цели, нашли в себе достаточно сил и вышвырнули вас из России и вам уже нет туда ходу.

Немцы! Вы гибнете!

Ваше спасение только в нас — а российских антикоммунистах.

Дайте нам возможность организоваться и мы разобьем

Сталина, освободим народы России и спасем Германию.

Немцы! Опомнитесь, пока еще не поздно!

Мы, казаки 1-й Казачьей дивизии требуем нижеследующее:

1. Немедленно дать возможность нам — казакам — организовать казачью армию, возглавленную казачьим командованием.

2. Требуем не препятствовать казакам объединиться с другими народами России, борющимися против Сталина.

3. Мы — казаки приветствуем на посту возглавителя Освободительного Движения Народов России генерала А. А. Власова и требуем предоставления ген. Власову полной свободы действий в борьбе против Сталина.

Немцы, подумайте и опомнитесь!

Казаки — российские патриоты».

Появившиеся листовки возымели сильное действие на встревоженных обстановкой казаков. Немцев же это особенно обеспокоило.

Сразу же ими были предприняты попытки найти источник появления листовок, но, несмотря на все старания, розыск ни к чему не привел.

Ген. фон Панвиц вызвал к себе на квартиру Кононова.

«Вы видели?» — протягивая листовку Кононову, спросил он.

«Так точно, видел», — ответил Кононов,

Пройдясь несколько раз молча по комнате, Панвиц, смешивая русские слова с польскими, сказал:

«Иван Никитич, разве я против, чтобы наша дивизия стала корпусом или армией? Но, что я могу сделать, что я могу сделать, когда там… там… очень глупые люди?! Прошу вас, успокойте казаков. Я сделаю, что только смогу, что только от меня может зависеть».

«Жалко было Панвица, — говорил впоследствии Кононов, — он давно уже старался изо всех сил развернуть дивизию в более крупную единицу, вообще дать делу другой ход. Он очень переживал, понимая всю ту бестолковщину, которая творилась «там» — на верхах главного немецкого командования, возглавленного бесноватым ефрейтором, — но что мог сделать Панвиц, когда и у фельдмаршалов летели головы за малейшее противоречие фюреру».

Уже и тогда, конечно, не было секретом, что Гитлер не терпел противоречия и, как правило, устранял или ликвидировал всех своих здравомыслящих и потому неугодных ему военачальников.

В 1942 году в январе месяце, командующий южным фронтом, фельдмаршал фон Клейст, за данный им приказ, в котором он

рекомендовал подчиненным ему армиям — «с жителями занятых областей обращаться как с союзниками», — был немедленно смещен со своего поста. Командующий второй танковой армией, генерал-полковник Шмидт, вообще был выброшен из армии за то, что он поощрял русское самоуправление и старался его расширить, — вопреки указаниям Восточного министерства.

Такая же, если не хуже судьба (многие были расстреляны или доведены до самоубийства), постигла и множество других немецких военачальников.

Конечно, требовать при таком положении вещей, решительных и самостоятельных действий от ген. фон Панвица не приходилось.

Однако он, взволнованный казачьими листовками, не страшась последствий, решил дерзать и безотложно отправился в Берлин.

Едва ли просьбы и уговоры Панвица могли подействовать на ОКВ (Обер Командо Вермахт), но листовки казаков, наверняка попавшие в ОКВ, заставили призадуматься и срочно предпринять кое-какие меры.

И, действительно, было над чем задуматься. Угрожающие казачьи листовки не сулили добра, а двадцатитысячная хорошо вооруженная казачья дивизия, все-таки что-то значила. О разоружении, ее в то время не могло быть и речи. Прежде всего дивизия отлично выполняла свои задания и была незаменима, по своим качествам, умению и приспособленности, в борьбе с партизанами.

Да и как можно было ее разоружить?

Добровольно никто из казаков и ни за что оружие не сдал бы, а чтобы взять его силой потребовалось бы несколько немецких дивизий, которых и без того не хватало.

10-го апреля Панвиц, вернувшийся из Берлина, дал приказ, в котором говорилось:

1. В ближайшее время 1-я Казачья дивизия начнет разворачиваться в корпус;

2. Казаки призываются к спокойствию и выдержке, призываются не поддаваться разным провокационным слухам;

3. Чтобы казаки не теряли духа и верили в победу Германии, после чего они (казаки) со славой и почетом вернутся на свои земли.

В этом приказе, однако, ни одним словом не было упомянуто о Власове и вообще о Российском Освободительном Движении.

Но все же казаки несколько успокоились и стали ждать, что покажет будущее.

Вскоре в дивизию начали прибывать из разных мест большие

и малые казачьи группы и целые части. Одновременно прибывало вооружение, обмундирование и снаряжение.

Становилось очевидным, что дивизия действительно развертывается в корпус.

В течение двух месяцев людской состав дивизии увеличился почти в два раза.

25-го июня 1944 года командиром 1-й Казачьей дивизии был отдан приказ, из которого явствовало, что:

1. Дивизия развертывается а 15-й казачий корпус под командованием генерал-лейтенанта фон Панвица;

2. Корпус будет состоять из: 1-й Казачьей дивизии (1-й Донской, 2-й Сибирский и 4-й Кубанский казачьи полки), командир — полковник Вагнер; 2-й Казачьей дивизии (3-й Кубанский, 6-й Терский и 7-й сводный, вновь сформированный, казачьи полки), командир — полковник Шульц;

3. Отдельной Казачьей бригады имени полковника Кононова (5-й Донской, 8-й Пластунский, отдельный конный разведывательный дивизион), командир — полковник Кононов;

4. Подразделений усиления и обслуживания.

После 25-го июня, несмотря на развернувшуюся усиленную работу по развертыванию корпуса, боевые действия старых частей корпуса не прекращались.

* * *

Как-то, в начале лета 1944 года, к нам в сотню приехал Кононов. Было его обыкновением часто навещать каждую сотню и проводить 2–3 часа в дружеской отцовской беседе с казаками. Знакомился, интересовался жизнью каждого казака, вникал, присматривался и намечал из них будущих командиров Казачьей армии, в создание которой он твердо верил.

На этот раз Кононов приехал не один: с ним приехал шестидесятилетний полковник Николай Лазаревич Кулаков, терский казак. В гражданскую войну он был близким соратником ген. Шкуро и его имя, как легендарного героя, было в то время многим известно.

В дни краха Белой армии, ему, несмотря на то что он был калекой с ампутированными обеими ногами, удалось скрыться от красных в горах Кавказа.

Больше двадцати лет ему пришлось жить на волчьем положении. Долгое время приходилось скрываться в глубоком погребе вырытом под домом, скитаться по горным трущобам и лесам. Кулаков сам смастерил себе деревянные «протезы» и кое-

как передвигался.

Горцы Кавказа, ненавидя советскую власть, много раз спасали жизнь Кулакову, заботливо скрывая его от советских властей.

С приходом немецких войск на Северный Кавказ, Кулаков вышел из подполья и немедленно приступил к организации терских казаков для борьбы против большевиков.

С лета 1942 г., он — Походный атаман терцев.

При создании Главного Управления Казачьих Войск, ген. Краснов, лично знавший Кулакова еще со времени гражданской войны, не замедлил привлечь его в состав Управления. Однако, Кулаков и одного дня не сидел в Управлении, а находился все время на фронте. С лета 1943 г. он постоянно находился с 6-м Терским казачьим полком 1-й Казачьей дивизии. Участвовал во всех боевых операциях полка.

Познакомившись с Кононовым, увидев в нем молодого казачьего вождя с ясным умом и твердой непреклонной волей, зажегшись от него верой в идею Власова Кулаков стал всеми силами помогать Кононову, посвятив всего себя служению Власовской идее.

Кононов и Кулаков, тесно сплоченные одной идеей, задались целью во что бы то ни стало вырвать казаков из рук немцев и присоединить их организационно к Освободительному Движению Народов России.

Однако, вынести казачество из двусмысленного положения, в котором оно оказалась попав в западню бессовестно подстроенную гитлеровцами, было не так просто. На пути к этому было много преград и трудностей, что порою казалось — задуманному не удастся сбыться.

Немецкое ОКВ и министерство Розенберга, создав из казаков крупную военную единицу, крепко держали ее в своих руках, прочно закрыв казакам дороги к объединению с другими народами СССР и, особенно, с великорусским народом.

С целью недопущения объединения казачества и великорусского народа гитлеровцы поставили во главе пресловутого Главного Управления Казачьих Войск барда императорской России ген. П. Н. Краснова, будучи прекрасно осведомленными о том, что Краснову и бывшим советским генералам не легко найти общий язык.

Люди же из СССР, ставшие на путь борьбы против сталинской клики, естественно признали своим вождем человека из своей же среды — бывшего генерала Красной армии А. А. Власова.

Такое противоречие между интересами Краснова и Власова позволяло немцам сдерживать и не допускать объединение антикоммунистических сил, и по возможности использовать их в

своих, немецких, интересах.

Эту преграду надо было преодолеть, и Кононов, чтобы достичь намеченной цели, бился изо всех сил.

Прежде всего, чтобы не допустить вклинения в свои ряды немецких офицеров, нужно было постоянно доказывать «большим» немцам на деле, что казаки под командованием своих офицеров более боеспособны. И Кононов это делал.

Не щадя в самых жестоких боях своей жизни, проявляя беззаветную храбрость, подставляя свою голову под пули увлекал Кононов за собой казаков, нанося противнику поражение за поражением.

И каждый казак это знал. Знал почему Батько всегда там, где наиболее ожесточенно кипит бой. Сам же он неустанно объяснял казакам, почему наша бригада должна быть лучше других во всех отношениях.

Понимание казаками своего вождя, сплоченность их около него и преданность ему, позволяли Кононову делать невозможное возможным и, в частности, заставлять немцев идти на уступки.

Кононовские полки, вопреки желанию многих немецких офицеров, продолжали оставаться под командованием своих казачьих офицеров.

Но, конечно, это было не главное. Это было только начало, семя из которого должна была вырасти Казачья армия.

Обретя верного и опытного соратника в лице Кулакова, Кононов решил познакомить его со своими офицерами и казаками. С этой целью он и прибыл к нам в сотню.

На зеленой лужайке, напротив квартиры командира нашей сотни, сотника Пащенко, разместилась вся наша сотня на обеде устроенном по-праздничному в честь приезда полковника Кулакова.

Он и Кононов, вместе с нами расположились на зеленой траве и ели с аппетитом из котелков, отдавая должное казачьей походной еде и ведя с казаками веселый разговор. Сотник Пащенко был, также как и Кулаков, терским казаком. Он в гражданскую войну был юным лихим красным командиром и ему в то время пришлось много слышать о Кулакове, как о страшном «белобандите». Вот Пащенко и начал рассказывать в каких местах ему пришлось сражаться против частей Кулакова.

«Николай Лазаревич, а ну-ка расскажите, как вы этих комсомольцев гоняли», — указывая на Пащенко, шутя сказал Кононов.

Под общий одобрительный смех Кулаков охотно рассказал о былых сражениях, шутил и дружески хлопал по плечу Пащенко. А тот соглашался, что убегать от «белобандитов» приходилось

часто, но что и им давали «перцу».

«Да, было время, смутили политиканы казачество, вот и пришлось проливать братскую кровь» — сожалея сказал один из казаков.

«Правильно, сыночек! — подхватил Кононов. — От непонимания все беды и происходят. Теперь непониманию не должно быть места в наших рядах. А главное, нужно понимать, сыночки, что все люди на той стороне — это наши люди. Даже самые большие коммунисты, если они откажутся защищать кровавую систему Сталина, должны рассматриваться нами, как и все другие».

«Даже, которые в правительстве?» — спросил один казак.

«Даже, которые в правительстве», — подтвердил Кононов.

«Батько, а что если мы Берию поймаем, что мы с ним сделаем?» — спросил сотенный повар Иван Болдырев.

«Да мы его за ноги повесим!» — не выдержав и не ожидая ответа Кононова, вспыльчиво произнес я.

«Да, пожалуй, этого мерзавца придется повесить вместе с Еськой», — смеясь вместе со всеми, согласился Кононов.

Веселая и задушевная беседа с Кононовым и Кулаковым продолжалась долго.

Простой задушевный человек, истый казак, полковник Кулаков нам очень понравился и в последствии казаки часто вспоминали его приезд в гости к нам в сотню.

* * *

В начале августа 1944 года пришло письмо Кононову от Власова. Андрей Андреевич писал, что наступило время подумать о присоединении казачества к организованному Освободительному Движению и просил Кононова как можно скорее прибыть к нему для детального обсуждения этого вопроса.

Ген. фон Панвиц, оповещенный об этом Кононовым, доброжелательно встретил это сообщение. Провожая Кононова, он с искренним порывом сказал: «Иван Никитич, передайте Андрею Андреевичу наш общий казачий привет, скажите ему, что мы его понимаем и все наши надежды возлагаем на него!»

К этому времени ген. фон Панвиц окончательно пришел к убеждению, что отвратить надвигающуюся катастрофу может только Российское Освободительное Движение. Он неоднократно, в частных беседах с Кононовым, соглашался с убедительными доводами последнего и всегда был очень рад приходившим от Власова хорошим вестям.

10 августа Кононов, в сопровождении своего старшего адъютанта — сотника Владимира Гончарова, прибыл в Берлин.

Штаб Власова находился в предместье Берлина — Далеме. Тут же, недалеко, находились со своими службами и ближайшие сотрудники Власова — генералы Малышкин, Трухин и Жиленков.

«Вот он, герой наш! Родной мой, Иван Никитич!» — радостно воскликнул Власов и крепко обнял Кононова.

Конечно, и Власов и его сотрудники прекрасно понимали какую роль уже сыграло казачество в стихийном Освободительном Движении людей поднявшихся за свою свободу, и какую роль оно может и должно сыграть в его Организованном виде.

Естественно, что руководство Освободительного Движения очень интересовали многочисленные вооруженные казачьи части, хотя и не совсем, но все же уже сколоченные в довольно крупные и хорошо вооруженные боевые единицы. А Власов и все другие хорошо знали, каким авторитетом пользуется у казаков Кононов. Все понимали, что от Батько многое зависит, и что он много может сделать. И Кононов был встречен с исключительным вниманием. Его без конца поздравляли с победами на фронте, восхищались боевыми подвигами казаков-кононовцев.

Деловой разговор начался с того, что Власов информировал Ивана Никитича о том, что уже намечено создание Комитета Освобождения Народов России (КОНР), что он, ген. Власов, будет, по-видимому, председателем Комитета и главнокомандующим его Вооруженными силами; что ген. Жиленков намечается начальником Управления пропаганды, ген. Малышкин — заместителем председателя, ген. Трухин — начальником Штаба Вооруженных Сил и заместителем главнокомандующего; что вскоре состоится опубликование состава КОНР и обнародование его Манифеста.

Посвятив Кононова в намеченный план действий, Власов предложил ему рассказать о настроении казаков — фронтовиков.

Кононов доложил, что казачья фронтовая масса, в своем подавляющем большинства, понимает, что борьбу против большевиков можно вести успешно только едино-организованным Движением; что казаки все надежды возлагают именно на него; что слова — «Наш Андрей Андреевич» — у казаков и офицеров не сходят с уст. Кононов сказал о казаках-сепаратистах, что они есть, главным образом, среди казаков-эмигрантов, которые в силу своего абсолютного непонимания людей из СССР, видят в лице генерала Власова нового Деникина, который, как известно, старался в гражданскую войну задушить всякое стремление нерусских народов России не только к самостоятельности, но

даже и к автономии или федерации; что количество казаков-сепаратистов совершенно ничтожно и вряд ли они могут сколько нибудь значительно повлиять на стремление казачьей массы к единению для борьбы.

Кононов также сказал с уверенностью, что он не сомневается в том, что ген. Краснов, большой патриот Великой России, не замедлит призвать казачество к объединению с Освободительным Движением; что ген. Краснов, несомненно, человек большого ума и должен понимать, что Освободительное Движение не преследует целей подобных целям ген. Деникина, ген. Романовского и других подобных им белых генералов, бывших во время гражданской войны врагами ген. Краснова и всего казачества; что ген. Краснов, будучи мудрым политиком в гражданской войне, конечно, таким же остался и теперь. А он сам, Кононов, хорошо познакомился с ген. Красновым и очень уважает старого казачьего вождя и знает, что «Дед» также уважает и ценит казачьих офицеров из Красной армии, ныне командующих казачьими частями борющимися с большевизмом.

Кононов добавил еще, что слухам о том, что ген. Краснов якобы недоброжелательно относится к бывшим «советским», он нисколько не верит.

Власов ответил, что он нисколько не сомневается, что ген. Краснов понимает сложившуюся обстановку и не замедлит присоединиться, но дело в том, что имя ген. Краснова уж очень испачкано советской пропагандой, и к нему, поэтому, относятся крайне враждебно на «той» стороне. Присоединять к Организованному Освободительному Движению казачество, возглавляемое ген. Красновым, это значит в известной степени компрометировать перед Советской армией Освободительное движение в целом, так как советские воины могут подумать, что против них идут «белобандиты» со своими старыми идеями.

Генералы Жиленков и Малышкин были такого же мнения. Они сказали, что Освободительное Движение нуждается не в белых генералах, а в советских генералах, в советских офицерах, в советских крупных и малых политработниках, в советской интеллигенции. И что большинство людей из этих групп, несомненно перейдет на сторону Освободительного Движения. Без их участия на стороне Освободительного Движения победа над Сталиным совершенно невозможна и даже немыслима.

Кононов, безусловно, понимал все это, но все же выразил мнение, что ген. Краснов и сам понимает, что его имя и теперь уже используется большевиками отнюдь не в пользу Освободительного Движения и что он, Кононов, уверен, что ген. Краснов ради казачества и России, которую он беззаветно любит,

сам постарается, чтобы во главе казачества официально стал человек из новых, бывших советских, как, например, Походный атаман Казачьего Стана ген. Доманов; но старого казачьего вождя ни в коем случае не следует обходить, — это будет для него большим и незаслуженным оскорблением. С ним нужно встретиться и выяснить его точку зрения и его позицию. Кононов также сказал, что ген. Краснов имеет большие связи на верхах немецкой власти и благодаря этому может помочь легче и скорее вырвать казачество из рук Розенберга.

Власов и его окружение с этим согласились, но Власов заметил, что он уверен в сопротивлении гитлеровцев тому, чтобы казачество возглавил кто-либо из новых, «советских», а поэтому, чтобы не раздражать гитлеровцев, будет необходимо хотя бы временно возглавить казачество кем-нибудь из казачьих генералов-эмигрантов, но так, чтобы это лицо было мало известно на «той» стороне.

«Придется как-то спрятать наших «белобандитов», — шутя сказал генерал Малышкин.

«Да, уж пока будем зависеть от наших «союзничков», пожалуй придется так и делать», — согласился с шуткой Малышкина Андрей Андреевич.

«Мы не можем допустить, — серьезно сказал Власов, — чтобы «там» кто бы то ни было думал, что Освободительное Движение в своих рядах имеет людей, стремящихся к мести за старые обиды. Никакой мести тем, кто откажется защищать власть преступника Сталина, кем бы он ни был и какую бы роль ни играл в Советском Союзе. Вот — наш лозунг!»

Кононов рассказал о встрече со старыми казачьими генералами. Рассказал все о «стариках-умницах».

При упоминании имени ген. Шкуро все замахали руками, а ген. Жиленков, расхохотавшись, сказал, что если уж в самом деле захотеть пугнуть советское командование, то обязательно нужно назначить ген. Шкуро главнокомандующим.

«Да, уж этого «белобандита» придется прятать подальше всех! — смеясь загрохотал своим басом Власов. Потом, задумавшись на минуту и сделавшись серьезным, добавил. — А жаль, симпатичный человек Андрей Григорьевич».

Конечно, о кандидатуре ген. Шкуро в возглавители казачества и говорить не приходилось, но кандидатуры генералов Татаркина, Науменко и Ляхова Власов принял во внимание.

Затем Кононов передал Власову приветствие от генерала фон Панвица и рассказал об этом замечательном немце. Уверенно заявил, что Панвиц будет искренно во всем содействовать.

Власов, приняв с благодарностью приветствие Панвица,

спросил:

«А понимает ли генерал Панвнц, что если присоединение казачества к Организованному Освободительному Движению произойдет, то, в таком случае, ему и всем немцам придется немедленно расстаться с казачьим корпусом?»

«Не об этом Панвиц волнуется, Андрей Андреевич. Поверьте, это очень умный и честный человек. Он прекрасно понимает, что казачество, которое он беззаветно полюбил, равно как и его собственное отечество, может быть спасено только при правильном ведении политики Освободительным Движением. Поверьте, ради этого он согласен будет на все!» — с жаром проговорил Кононов.

«Дай Бог, дай Бог!» — согласился Власов.

«Передайте ему, Иван Никитич, мой большой русский привет и скажите, что свободная Россия не забудет его и других подобных ему немцев», — поблескивая стеклами больших роговых очков, торжественно сказал Власов.

Деловой разговор кончился тем, что Власов пришел к решению искать контакт с ген. Красновым. Кононову поручалось посетить Казачий Стан, встретиться с ген. Домановым, обо всем его информировать и выяснить его точку зрения.

Хорошо познакомившись с сотрудниками Власова, Кононов пришел к твердому убеждению, что Освободительное Движение возглавлено достойным руководством — людьми, знающими правильный путь к победе над врагами Отечества. Об огромнейшем авторитете Власова в Красной армии говорить не приходилось. Ген. Малышкин тоже был крупным и известным советским военачальником. Ген. Трухин крупный работник Ген. штаба Красной армии и преподаватель Военной академии, был также известен и популярен в Красной армии. Ген. Жиленков был крупным советским партработником. Чем выше и ответственнее должность занимало лицо на «той» стороне, тем, естественно, оно становилось более ценным, с политической точки зрения для Освободительного Движения.

Важно было, чтобы в руководстве были люди хорошо известные «там» и способные повести за собой людей «тамошних». А такими в руководстве Освободительного Движения были все. И каждый мог повести за собой определенную группу людей в СССР. Например ген. Жиленков занимал должность секретаря Ростокинского райкома партии в Москве. В его районе проживало 400 тысяч жителей, из которых было 18 тысяч членов компартии. Его знала вся партийная верхушка среди которой он имел много верных друзей.

Погостив два дня у Власова, Кононов обнадеженный и

обрадованный событиями на верхах Освободительного Движения, двинулся в обратный путь на Балканы.

* * *

Этим же летом 1944 г. Батько вновь посетил нашу сотню. В это время нашей сотне пришлось стоять на отдыхе в селе Лужани.

Кажется, около месяца нам посчастливилось как следует отдохнуть и насладиться всеми прелестями балканского лета. Время пребывания в этом живописном небольшом селе, с протекающей через него речушкой или, вернее, просто большим ручьем осталось у казаков нашей сотни самым лучшим воспоминанием из всей нашей жизни, проведенной на Балканах.

Помнится мы купались в ручье и купали там своих дорогих неразлучных друзей-коней в свежей прохладной воде.

Вечерами, после легкой службы, мы пели наши казачьи песни и танцевали с хорватскими девушками, временами забывая об ужасах войны.

В один из этих дней, комсотни, выстроив всю сотню, сказал нам, что сейчас приедет командир бригады.

«Батько заскучался за нами, хочет повидаться», — закручивая усы сказал он.

Через минуту подъехала знакомая нам легковая машина.

«Здравствуйте, мои славные сыны!» — громко поздоровался Кононов.

«Здравия желаем, господин Войсковой старшина!» — как всегда дружно поздоровались мы.

«Вот это здорово, как это так поздравили меня, сыночки. Что же вы, славные, не видите, что Батько произведен в полковники?» — деланной обидой шутливо сказал Кононов.

Тут только мы заметили, что на погонах Батьки прибавилось еще по одной звездочке. Хотя Батько и шутил, но мы очень смутились своей оплошностью.

«Ну, ну, я шучу, сыночки. — весело улыбаясь продолжал Кононов, — тут вот сейчас у нас очень большая неприятность получилась. Подъезжаем мы это к вашему селу, а дорогу всю запрудили куры, гуси, утки, овцы, коровы и прочая тварь. Эти проклятые капиталисты развели столько разной твари, что доброму человеку и проехать негде.

Благодать у нас на Родине, — хоть шаром покати. Наш «дорогой отец народов, товарищ Сталин» со всей колхозной системой так хорошо позаботился, что черта с два хоть одну курицу на дороге встретишь. Кругом полный порядок. Везде чисто

и на улицах, и в магазинах, и в желудках», — сверкая глазами к лукаво улыбаясь закончил Кононов.

«Батько, видать югославы тоже чистоту навести у себя захотели вот поэтому и поперли к товарищу Тито, чего уж на них обижаться», — так же шутя и со смехом говорили казаки.

«Ничего, сыночки, пускай чистят. Сталин их потом так подчистит, что они не только с пустыми желудками останутся, но и с голой з… Их советская власть научит, как свободу любить».

Пошутив, Кононов стал говорить с нами серьезно и представил нам приехавшего с ним офицера-пропагандиста РОА, бывшего в чине капитана. Фамилию его, к сожалению, не помню. Но хорошо помню, что все мы были очень довольны его весьма обстоятельным докладом, правдиво осветившим международную обстановку и последние события на фронтах.

В речи докладчика чувствовалась независимость от пропаганды немцев и он без всяких обиняков откровенно рассказал о печальных для немцев событиях на фронтах.

Касаясь Освободительного Движения, он неоднократно и недвусмысленно подчеркнул, что Движение преследует нежелательные для «некоторых» немцев цели, но что эти «некоторые», рано или поздно, вынуждены будут изменить свою политику по отношению к Освободительному Движению Народов России.

Во многих словах докладчика слышалась явная вражда и насмешка над сугубо глупой политикой гитлеровцев.

Мы знали, что за такие слова немцы раньше непременно бы расстреляли любого сказавшего их, и мы радовались, что наступило время, когда у нацистов руки становятся коротки. И мы, с радостью понимали, что за смело сказанными словами капитана РОА, стоит русский великан — генерал Власов.

С большой и сердечной благодарностью провожали мы офицера-пропагандиста РОА и просили его передать Андрею Андреевичу наш пламенный казачий привет.

Прощаясь с нами Батько сказал, что мы должны хорошо подумать обо всем услышанном от офицера РОА.

Поздней мы слушали не раз речи других приезжавших к нам пропагандистов-власовцев и всегда восхищались их смелыми словами, явно направленными против Гитлера.

Мы узнали, что школа пропагандистов РОА находится где-то в Германии, в каком-то, ставшим поэтому знаменитым, Дабендорфе, — школа ставшая колыбелью организованного Освободительного Движения.

Вот что пишет об этой колыбели непосредственный участник и свидетель всех происходивших событий в центре

Организованного Освободительного Движения, один из приближенных людей Власова — Александр Степанович Казанцев:

«По возвращении из России так трудно было погружаться в атмосферу ожидания, в которой проходила наша берлинская жизнь. За мое отсутствие не произошло ничего нового и не наметилось никаких сдвигов в нашем русском деле. Власов все еще жил в Далеме и все еще в полу-заключении. Мне удавалось попадать к нему только изредка и то всякий раз под видом какого-нибудь дела, или к нему или к кому-нибудь из его окружения. Это было не так трудно. Наши отношения известны были моему начальству и это облегчало мне возможность навещать узника. Поговорить по душам удавалось редко. Часто приезжали какие-то немцы, иногда присутствовали мне незнакомые русские.

Не было никакого движения а сторону дальнейшего разворота дела в целом, и кроме «Зари», работала полным ходом только школа пропагандистов и подготовки офицерского состава в Дабендорфе. Я изредка ездил туда, чаще с тех пор, как начальником школы был назначен генерал Федор Иванович Трухин. Поехал я туда через два дня по возвращении из России. Кстати, Старший просил передать Трухину, чтобы он приехал в ближайшее воскресенье в город на совещание Исполнительного Бюро, куда генерал Трухин был кооптирован недавно четвертым членом.

Дабендорф километрах в тридцати южнее Берлина. Ехать нужно с пересадкой в Рангсдорфе. Времени занимает это много и я не мог ездить часто только потому, что каждая поездка отнимала, по крайней мере, полдня.

Километрах в трех от станции железной дороги, за селом, на опушке леса, окруженные колючей проволокой несколько бараков. Перед входом мачта, — на которой андреевский флаг — голубой косой крест на белом фоне, он был принят недавно как флаг Русского Освободительного Движения. У входа стоит часовой немец. Нужно записаться в книге посетителей. Охрана здесь постоянная и так как они знают, что я приезжаю к начальнику лагеря и часто меня видят с ним, формальности с пропуском занимают мало времени.

Я рассказываю Трухину о впечатлениях своей поездки, о встрече с друзьями. Тех из них, которые бывали на несколько дней в Берлине и тех, кто был с ними в лагере Вустрау, он знает лично.

Мы с ним выходим из его небольшой комнаты и по чистой, усыпанной песком дорожке идем вдоль бараков, ему нужно за

чем-то зайти в комендатуру. Комендант и весь административный аппарат лагеря — немцы.

Федор Иванович от высоченного своего роста, он почти так же высок как и Власов, немножко сутулится на ходу. Когда идешь с ним рядом, его голос всегда слышен справа сверху. И голос его и выправка такие, какие даются несколькими десятилетиями военной службы. Но и голос и выправка, и какая-то особенная корректная отчетливость и небезразличие к своему внешнему виду, — одет ли он в штатское платье или в генеральский мундир — все это характеризует не службиста-строевика, а офицера крупных штабов. Он и был долгие годы близким сотрудником маршала Шапошникова, начальника Генерального Штаба Краской армии, а потом лектором Академии Генерального Штаба, так что большинство теперешних советских маршалов были когда-то его учениками. К началу войны он был начальником Штаба армии, стоявшей в Прибалтике. В плен попал после разгрома этих армий еще летом 1941 года.

«Видели наш новый зал занятий», — спрашивает он меня.

Узнав, что я зала не видел и на занятиях не присутствовал, он берет меня за руку и подводит к дверям одного из бараков — «Идемте, послушаем, как наши преподаватели вправляют мозги курсантам-фронтовикам. Сейчас, как раз, доклад о государстве»…

Осторожно переступаю порог и тихо закрываю за собой дверь. В зале мертвая тишина, как бывает только в помещении, где очень много народа сидящего без движения и шороха на одном месте. На трибуне докладчик. Невысокого роста, смуглый, с характерным русским лицом, в штатском костюме. Я его знаю уже давно — это старший преподаватель Зайцев. Он один из первых вступил в ряды организации еще в лагере Вустрау. Доклад, по-видимому, подходит к концу. Мы стоим около дверей и рассматриваем аудиторию — человек триста солдат и офицеров внимательно ловят каждое слово. До нас доносится спокойный ровный голос «…Свобода слова и печати это одна из основ правового государства. Она дает возможность общественного контроля над всем, что происходит в стране. Она является гарантией, что никакие темные деяния, будь то властей или частных лиц, не останутся без порицания или наказания. При действительной свободе слова и печати немыслимо существование тоталитарных режимов, при которых к власти пробираются всякие проходимцы с заднего крыльца, а во главе государства оказываются какой-нибудь недоучившийся семинарист или неудачный ефрейтор…»

Дальше я не могу разобрать ни одного слова — зал дружно покатывается со смеху. Докладчик стоит и ждет пока

восстановится тишина.

Выйдя на свежий воздух, я, потрясенный слышанным и виденным, спрашиваю Трухина:

«Скажите, Федор Иванович, это что же, наш дорогой Александр Николаевич оговорился о ефрейторе или я ослышался?»

«Нет, нет, почему же. У него в каждом докладе есть что-нибудь такое. Знаете, люди лучше воспринимают изложение, когда немного посмеются и отдохнут…»

«Но Федор Иванович, здесь, под Берлином, в тридцати километрах от Потсдамской площади, где ефрейтор и сейчас, наверное, сидит и перестраивает свои планы о завоевании мира…»

«Ах, вы думаете об этом — это ничего. Немцы занятий теперь совсем не посещают, надоело им, да и не интересно. В начале лезли, а теперь отстали. Комендант у нас покладистый, в учебную часть не путается, просит только, чтобы не выпивали в бараках, да не уходили без отпускных записок в город».

«Мне все-таки это кажется больше, чем неосторожным», — говорю я.

«Ну, конечно, бывают неприятности, — продолжает он, ответив на приветствие проходившего мимо офицера, — не так давно крупный скандал с этим же Александром Николаевичем был. Помните, немцы очень шумели о том, что какой-то их отряд водрузил государственный флаг Германии на Эльбрусе. Ну он в докладе как-то и ввернул, что этот подвиг гораздо значительнее в области альпинизма, чем в военной стратегии. А никто, понимаете, не заметил, что на докладе присутствовало несколько немецких офицеров-фронтовиков. Скандал был громкий. Нашего коменданта капитана Керковиус сняли отсюда в двадцать четыре часа. Хотели арестовать и преподавателей и даже всю школу закрыть, но как-то обошлось. Кто-то там наверху за нас заступается все-таки…»

Все слышанное и виденное мне показалось бы невероятным, если б мне рассказал об этом кто-нибудь другой, а не видел я своими глазами.

Курсы рассчитаны на триста человек. Продолжительность занятий — две недели. Состав учащихся — откомандированные из русских батальонов солдаты и офицеры. По возвращении в свои части они становятся пропагандистами в них и в среде гражданского населения в месте стоянки их батальонов. Каждые две недели из Дабендорфа разъезжаются по воинским частям триста человек, а на их место приезжают триста новых. Каждый из уезжающих увозит с собой в мыслях и в сердце непоколебимую

уверенность, что Адольф Гитлер такой же непримиримый враг русского народа, как и Иосиф Сталин и что нужно сейчас всем русским людям не лезть в драку, а ждать, когда один из этих врагов пожрет другого, чтобы потом русскими силами ударить по победителю. Оказалась и еще одна, неизвестная мне пикантная деталь — каждый из уезжающих курсантов увозит в своем рюкзаке несколько номеров журнала «Унтерменш».

В Берлине среди своих друзей я часто слышал разговоры об этом журнале. Часто говорилось о том, что его сейчас очень трудно достать, потом, почему-то, становилось легче, кто-нибудь рассказывал, что купил целую партию, несколько десятков экземпляров. Другой жаловался, что только на окраине города успел захватить последние пять штук. Как-то даже и я сам принимал участие в охоте за этим произведением немецкой пропаганды, но не знал, что оно в таких количествах отправляется и в Дабендорф, и в другие лагери, и в занятые области России. Доктор Геббельс, если он интересовался цифрой распространения своего любимого детища, был, вероятно, очень доволен. Журнал раскупался неплохо.

Как-то Верховное Командование Армии отправило министерству Пропаганды протест против распространения этого журнала, — он больше всяких мероприятий открывал глаза русским людям на отношение к русскому народу Германии. Мы, помню, были в большом унынии, — на некоторое время журнал исчез из продажи, а он так облегчал работу по «вправлению мозгов», как говорил генерал Трухин. И когда, после довольно долгого перерыва, «Унтерменш» появился в продаже снова, мы приветствовали его как старого испытанного друга. Министерство Пропаганды, на нашу радость, на этот раз победило.

Дабендорф в немецких кругах имел очень плохую славу. Немцы офицеры, командиры русских батальонов, жаловались, что солдаты побывавшие на курсах Дабендорфа делались неузнаваемыми после возвращения с учебы. Раньше исполнительные и послушные, они приезжали начиненные всякими крамольными идеями и свое пребывание в частях немецкой армии начинали расценивать, как трагическую и досадную ошибку.

Этих людей трудно было бы обвинить за их вступление в вспомогательные батальоны. Не всегда этот их шаг можно объяснить отсутствием воли умереть голодной смертью в лагерях военнопленных. Очень многие пошли туда, увидев в этом единственную возможность борьбы с коммунизмом, который они ненавидели тяжелой, бескомпромиссной ненавистью. Получив соответствующую подготовку в Дабендорфе, они такой же

ненавистью начинали ненавидеть и гитлеровскую Германию и в только еще намечающемся Русском Освободительном Движении видели свой выход. За первый период их пребывания с этой стороны фронта, за вступление в батальоны, их, может быть, и можно упрекнуть в сотрудничестве с немцами, но в гораздо меньшей степени, чем многие миллионы европейцев, пошедших на более тесное сотрудничество из менее безвыходного положения.

В Берлине Дабендорф не любили по тем же причинам. Вместо короткого и готового к услугам «яволь», там люди занимались разбором и критикой тоталитарного сталинского режима, иллюстрируя его пороки примерами и более близкими. Занимались созданием положительной программы будущего Движения, вместо того чтобы целиком довериться воле фюрера, который должен был по окончании войны решить все вопросы, в том числе и вопрос будущего России на многие годы вперед.

Предпринимались попытки школу закрыть, — из этого, к счастью, ничего не вышло. В Верховном Командовании Армии были какие-то силы, оказывающие сопротивление, и лагерь оставался жить. Это, вероятно, те же силы, о которых часто говорил Власов — «Вот, хотели нашего Жиленкова расстрелять, а кто-то помешал». На эти неведомые нам силы мы и надеялись. Надеялись, что в какой-то, хорошо бы не в самый последний, момент они помогут нам освободить руки для борьбы за наши русские цели.

Среди преподавательского состава Дабендорфа были не раз произведены аресты. Несколько человек было расстреляно, несколько человек до конца войны просидело в концлагерях, но занятия шли дальше, по той же неписанной программе, и так же дальше каждые две недели разъезжались триста человек прекрасных пропагандистов (из частей посылались, как правило, наиболее способные и авторитетные в своей среде люди). Дабендорф оставался и работал до самого конца. Вскоре после того, как начала выходить «Заря», редакция газеты была переведена тоже туда. Этот лагерь, собственно, и являлся колыбелью организованного Освободительного Движения» (А. Казанцев «Третья сила», стр. 217–222).

Обо всем рассказанном Казанцевым, мы подробно узнали уже после того, как наши собственные казачьи пропагандисты побывав на курсах Дабендорфа и вернувшись осенью 1944 года в корпус, всесторонне осветили происходившие там события. Казаки-пропагандисты вернулись крепко «подкованными». Они без всякого стеснения и боязни ожесточенно критиковали политику немцев.

Хорошо помню выступление пропагандиста нашего Первого дивизиона Константина Сердюкова. Выступая перед нашей сотней он сказал буквально следующее:

«Братцы, пора нам на обещаемое немцами «новое оружие» наплевать! Пускай немцы на него надеются. Наше «новое оружие» — это генерал Власов, — это Русская Освободительная Армия.

Только мы, российские антикоммунисты, можем разбить Сталина. Немцам пора это понять и перестать вставлять нам палки в колеса, иначе им, а через них и нам всем будет «капут».

Казаки дружно и горячо аплодировали Сердюкову.

Уже с осени 1944 года немецкая пропаганда не переставала трубить о каком-то не слыханном раньше оружии (вероятно имелась в виду атомная бомба, которую немцы так и не успели изготовить), которое Гитлер обещал вот-вот выпустить и которое, как он заверял, немедленно сокрушит всех врагов Германии. Большинство немцев действительно верило обещанию «фюрера» и терпеливо ждало.

Власову и его соратникам возлагать надежды на обещанное Гитлером новое оружие не приходилось. Им было больше чем понятно, что в случае появления этого страшного по силе оружия, обладание которым дало бы немцам победу, это сразу же привело бы к немедленной ликвидации всего российского антисталинского фронта и самого Власова, как ненужных больше Гитлеру, а этот фронт был создан ценою бесчисленных жертв и страданий в годы кровавой войны и, главное, являлся реальной возможностью освобождения.

В те годы уже и самым наивным людям становилось понятным, что гитлеровцы терпят Власова и все с ним связанное только в силу того, что они пытались поправить свои похиревшие дела и ради этого готовы были на любую авантюру.

Пропагандисты-власовцы, невзирая на то как будут реагировать на это гитлеровцы, говорили правду вскрывая подноготную этой немецкой авантюры.

Казачьи пропагандисты крепко «подкованные» в Дабендорфе много поработали в казачьем корпусе и основательно «вправили мозги», особенно казакам сбитым с толка призывами обезумевшего, к великому сожалению, «Деда», — ген. П. Н. Краснова — «послужить Германии». (Зловещие слухи оказались правдивыми).

Это они, казаки-курсанты Добендорфа — казаки-власовцы основательно потрудились над тем, чтобы 29 марта 1945 года на Всеказачьем Съезде казаков-фронтовиков 15-й Казачий корпус с криком «Ура!» генералу Власову вошел в состав Вооруженных Сил КОНР (Комитет Освобождения Народов России).

Об этом я расскажу подробно с соответствующей документацией в последующем изложении.

* * *

В начале осени 1944 г. наша бригада была переброшена на северо-восток, в направлении к приближающемуся Восточному фронту.

Наш 1-й конный дивизион был размещен в селе Окучаны, а 2-й и 3-й пластунские дивизионы нашей бригады стали, через реку Саву, в местечке Босанска-Градишка. Начавший формироваться 8-й пластунский полк расположился в 5–6 км на северо-восток от Босанска- Градишка. Тут пришлось простоять сравнительно долго.

Бригада, как и весь корпус, вела тяжелые бои с войсками Тито. Ранее Тито, сосредоточив крупные силы у города Банья-Лука повел на него наступление. Оборонявшие город хорватские регулярные войска, так называемые домобраны, почти не оказав никакого сопротивления, сдались в плен. Усташи оборонялись и были почти полностью уничтожены титовцами.

Немецкое командование бросило все имеющиеся в данном районе силы на занятый титовцами город и он, хотя и с большими потерями, был отбит.

В этом тяжелом бою участвовал 3-й Кубанский полк, понесший большие потери. Рассказывали, схватка была смертельной. Окруженные титовцы оборонялись упорно. Город и долина вокруг него превратились в поле смерти. Все пылало в огне, горели дома, скирды сена, в страхе мыча метался скот. При входе в город увидели страшную картину: всюду висели повешенные титовцами на столбах усташи. Некоторые были распяты: прибиты гвоздями к стенам домов и к заборам. Страшно было смотреть на их изуродованные лица с выколотыми глазами и на их тела с отсеченными конечностями.

Ворвавшиеся в город, вместе с немцами и казаками, усташи сразу же стали вырезать захваченных ими титовцев. Все это приводило в ужас.

Находясь в Окучанах наш дивизион охранял шоссейную и железную дороги, одновременно вел разведку и участвовал в небольших операциях. Однажды здесь произошел забавный случай.

Возвращаясь с одним казаком после выполнения служебного поручения в Босанска-Градишка мы, не доезжая до Окучаны, увидели стоявшую на дороге у отдельного дома подводу, возле

которой топтались четыре казака. Они были явно чем-то взволнованы и имели очень расстроенный и растерянный вид.

Я спросил, что случилось и что они тут делают. Вытянувшись, они молча стояли и ничего не решались сказать, я приказал одному из них доложить — в чем дело.

«Мы, вот тут, господин урядник, зашли в хату маленько подкрепиться, — начал он нерешительно, — а с подводой ездовой остался. Все было бы хорошо, да вот он, дурень, бросил подводу и зашел тоже в хату, да еще умудрился винтовку на подводе оставить. Не успели мы это, значит, закусить, как слышим подвода загремела. Выскочили, смотрим, — машина командира бригады стоит, а сам Батько на подводе нашей сидит и коней понукает. Мы аж замерли от страху, а он увидел нас и говорит: «А, сыночки, а я это еду мимо, вижу сыночки мои подводу и на ней винтовку забыли, ну, думаю, давай-ка лучше я все это сыночкам отправлю, а то еще титовцы утащат добро». Сказал, пересел на машину и уехал, только-только перед вами, а мы, вот, стоим и гадаем, что нам теперь будет?!»

Нам стало невольно смешно от такой трагикомической истории, хотя мы и были уверены, что Батько прикажет не погладить их по головкам.

Казаки оказались «новичками» из 3-го дивизиона нашей бригады, совсем недавно прибывшими из лагерей военнопленных, были они тут, потому что их послали за сеном.

Попав после голодовки в лагерях к нам, они, несмотря на вполне достаточное питание в корпусе, все еще болели «психическим голодом» и при каждом удобном случае старались как можно больше поесть.

Я посоветовал им, немедленно по прибытию в сотню, доложить о случившемся. Крупной рысью продолжая свой путь, мы посмеивались над оплошностью бедняг.

Поздней я узнал, что напроказившие получили по трое суток ареста.

В Окучанах наш дивизион простоял довольно долго. Полусожженное и разрушенное село, почти покинутое селянами, осенние холодные дождливые дни — оставили у нас об этом месте невеселые воспоминания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НАВСТРЕЧУ СОВЕТСКИМ ВОЙСКАМ

В начале осени 1944 года, советские войска маршала Толбухина, заняв Румынию и Болгарию, вышли к Дунаю и соединились на юге с войсками Тито. 18-го октября советские и титовские войска вошли в Белград.

В то же время войска маршала Малиновского успешно продвигались вперед и вытесняли немецкие и венгерские войска из Венгрии.

Отступившие из Греции немцы довольно прочно укрепились на новых рубежах. Однако, в случае прорыва советских войск на северо-восточном югославском фронте, отрезался путь для дальнейшего отхода немецких войск и они могли в любой момент оказаться замкнутыми в балканском мешке.

С целью устранения этой угрозы немецкое командование стало спешно подтягивать к опасным местам свои войска.

В сентябре 1944 года, навстречу наступающим советским, румынским и болгарским войскам был направлен и Казачий корпус. Двигаться ему нужно было через горную местность лежащую между реками Савой и Дравой занятой титовскими войсками находившимися там уже около года и основательно там укрепившимися, плотно закрыв все перевалы. Эту преграду Корпусу необходимо было устранить.

В исключительно тяжелых условиях осенней распутицы в горах и лесах, без дорог, день и ночь ведя тяжелые бои Корпус пробивал себе путь к Восточному Фронту.

Хорошо укрепившиеся и превосходно знавшие местность титовцы понимавшие, что война идет к концу и несет им победу имели приподнятый воинственный дух.

Они радовались пролетавшим над головами тысячным стаям самолетов союзников еще более ободрявших их.

Казакам же ни эти стаи самолетов, ни сведения об огромных надвигающихся на них со всех сторон вражеских силах ни радости, ни бодрости не прибавляли.

Однако несмотря на это мы в эти тяжелые дни не упали духом и нисколько не утратили свою боеспособность. Ни горы, ни леса, ни дождь и распутица не могли остановить нас движимых идеей Освободительного Движения. Казачий корпус, выполняя боевое задание, сметал на своем пути все преграды, опрокидывал противника и обращал его в бегство. Так Корпус прошел свыше 500 километров.

К концу сентября 1944 г. Корпус вышел на рубеж Бела Гора — Беловар.

25 сентября бригада Кононова вела исключительно тяжелые бои за гор Беловар, встречая сильное сопротивление хорошо укрепившихся титовцев поддерживаемых сильными соединениями советской авиации из района Белграда.

Утром 26 сентября подошла 2-я Казачья дивизия и стала наносить сильные удары противнику в 25–30 км юго-западнее Беловара, что сразу же облегчило продвижение бригады Кононова.

В этот же день произошел неожиданный и замечательный случай. Группа советских офицеров-десантников перешла на сторону казаков. Во главе этой группы был майор Л. — образованный и представительный офицер средних лет.

В манере последнего говорить и держаться был виден человек большой силы воли, а в каждом его слове чувствовалась уверенность, твердость и ясный ум. Познакомившись с ним, Кононов долго и серьезно говорил с ним.

«Скажите, дорогой майор, почему вы решили перейти на нашу сторону именно теперь, когда для вас несомненно ясно, что Германия будет побеждена?» — спросил его Кононов.

«Вот именно поэтому-то я и мои офицеры и решили перейти на вашу сторону что нам совершенно ясно, что Германия поставлена на колени и ей уже теперь не подняться. Не мы, так наши союзники окончательно ее добьют. Кстати сказать. Красной армией достаточно содеяно и союзники не могут быть на нас в обиде за то, что им придется самим добивать уже разбитого нами врага. Но, ведь, союзники должны же войти в наше положение, не могут же народы Советского Союза, такой большой ценой победив Гитлера, по-прежнему оставлять господствовать у себя не менее жестокого врага — Сталина.

Да ведь союзники безусловно понимают, что Сталин пошел с ними на сделку потому, что у него не было другого выхода и что он, по сути, такой же им и всему человечеству враг как и Гитлер, если не хуже — я хочу сказать не менее опасный, чем Гитлер. Именно теперь наступил момент, когда можно избавиться и от Гитлера, и от Сталина. Я пребываю в совершенном и абсолютном убеждении, что немцы уже теперь повержены и при всех обстоятельствах они не смогут быть какой-либо угрозой ни нам, ни союзникам.

Теперь, в отношении генерала Власова и его идеи, товарищ полковник, я смею с полной уверенностью доложить вам, что сейчас не только Красная армия, но и все население Советского Союза знает о том, что генерал Власов находится на этой стороне

и что он организует вооруженные силы из народов Советского Союза для борьбы со сталинской кликой. Поверьте мне, Армия и народ, зная о действиях Власова, таят в душе радость и надежду освободиться сразу от двух врагов — Гитлера и Сталина. В армии и в народе многие преднамеренно вслух говорят об этом. Вот, к примеру, как мне приходилось часто слышать: «Слышали ли вы о генерале Власове? Говорят, он на немецкой стороне организовал армию и собирается воевать против Советского Союза, вот предатель-то какой, А…?» А в душе, задающий такой вопрос, думает: как бы поскорей этот «предатель» выступил, как бы поскорее попасть в его Армию. Подобные реплики о Власове я не раз слышал и от моих офицеров, которые теперь здесь со мной.

Боясь сталинских сексотов, люди умышленно ругают Власова, а на самом деле разговорами о нем только преследуют в душе скрываемую цель: как можно больше распространить слух о действии Власова; как можно больше обнадежить и обрадовать свои тоскующие по свободе души. С этой же целью советские солдаты и офицеры, говоря об армии Власова, умышленно неимоверно увеличивают ее численность. Одни говорят — у Власова миллион, другие — два, а третьи категорически протестуя восклицают: «Да что вы… какие там два! У немцев одних советских военнопленных пять миллионов, да на работу в Германию вывезли молодежи миллионов десять-двенадцать, если не больше, а сколько миллионов населения отступило с ними? А ну-ка подсчитайте, сколько людей у Власова?!» Сколько раз мне приходилось замечать, как говоривший такие слова из осторожности озирался по сторонам и, заметив кого-либо подозрительного, обыкновенно начинал «крестить» Власова и власовцев предателями, изменниками и другими подобными эпитетами.

Однако, все это только подтверждает скрываемое в душах всеобщее мнение, что вырвавшиеся из сталинских рук люди, кто бы они ни были, — военнопленные или вывезенные на работы в Германию, или каким-либо другим путем попавшие на немецкую сторону люди, — все они, вне малейшего сомнения, пойдут за Власовым», — подчеркнул майор Л.

И после короткой паузы добавил:

«Скажу вам также, товарищ полковник, что сегодня Красной армии очень хорошо известно, что на этой стороне находится не только генерал Власов, но и другие известные советские генералы, как например, генерал Трухин, генерал Малышкин, а также крупные партийные работники, ставшие на путь открытой борьбы против Сталина. И разве можно не верить в то, что наш советский солдат — несчастный колхозник или заводской

рабочий — ненавидящий всей душой Сталина, повернет оружие против этого деспота и станет на сторону этих известных ему людей, зовущих его к свободе и счастью.

Я нисколько не сомневаюсь, что как только армия Власова выступит и соприкоснется с Красной армией, сейчас же произойдет братание и все оружие повернется против Сталина».

Выслушав ответ майора Л., Кононов, очень тронутый его словами, восторженно обнял его и крепко сжимая его руку, сказал:

«Дорогой брат и соратник, я бесконечно счастлив слышать от вас эти слова. Вы сказали то, чем наполнены души наших измученных народов. Вы правильно понимаете наш народ. Вы, перейдя на сторону Освободительной борьбы народов России, совершили величайший подвиг, которые навсегда останется в истории образцом подвигов лучших сынов нашего Отечества. Честь и слава вам!»

Майор Л. поблагодарил, однако сказал, что хотя он и готов вести борьбу против Сталина до последнего издыхания, но что это никак не значит, что он лично отрицает идеи Маркса.

«Откровенно скажу вам, товарищ полковник, — сказал он, — я верю в возможность построения коммунистического общества, но только не такими преступными методами, как это делает Сталин. Фактически Сталин является величайшим компроментатором идей Маркса и вообще лагеря всех социалистов. К тому же Сталин несомненно и совершенно наглядно является подлинным предателем Советского Союза. Как вы знаете, благодаря его преступным действиям, Советский Союз в начале войны постигла полная катастрофа и лишь абсолютно глупая политика Гитлера остановила немецкие войска. Я совершенно уверен, что не только я, но и большинство честных коммунистов такого же мнения о Сталине».

Кононов ответил, что идея генерала Власова преследует свержение сталинской клики, но она не преследует цели мстить. И совершенно не предполагает борьбу против людей идейных. Но идея генерала Власова твердо указывает на необходимость, после свержения Сталина, построить такое государство, за которое свободно выскажется большинство нашего населения.

«Да, за такую идею я готов бороться!» — твердо сказал майор Л.

Затем Кононов, подробно объяснил майору Л. в каком положении сейчас находится Освободительное Движение Народов России, не скрыв от него и трудностей.

Майор Л. был очень огорчен и откровенно признался, что никак не предполагал, что Освободительное Движение Народов

России так крепко опутано по рукам и ногам гитлеровцами и, что, судя по этому, фактический успех борьбы зависит в такой мере от поведения гитлеровцев. Особенно удручило майора Л. то, что казачьим корпусом командует немецкий генерал и что 30 процентов офицеров в корпусе — немцы.

«Я представлял себе совсем, совсем иначе», — с острой печалью, тяжело вздохнув, сказал майор Л.

«Я должен был осветить вам истинное положение вещей, но прошу вас не падать духом, — сказал Кононов, — все можно исправить, если Власову удастся подчинить себе все уже имеющиеся налицо на этой стороне вооруженные единицы из народов Советского Союза, что составит один миллион под ружьем, а этого для первого удара будет достаточно. А потом нам немцы уже больше не будут нужны.

Последние сообщения от Власова очень благоприятны: Андрей Андреевич пишет, что дело идет на лад и немцы мало-помалу начинают уступать. На немецких верхах есть люди, которые всецело поддерживают нас. Фактически дело тормозит только Гитлер и некоторые другие его идиоты».

После этих слов Кононова майор Л. повеселел и просил, как можно скорее отправить его и его офицеров к генералу Власову.

Вскоре майор Л. и его офицеры уехали к Власову.

Следует сказать, что убежденный марксист советский майор Л. был не первым и не последним советским марксистом перешедшим к немцам в надежде организовать на их стороне борьбу против Сталина или принять участие в организации ее. Уже с самого начала войны многие такие были участниками стихийного Освободительного Движения, а позднее они почти все стали в ряды Организованного Освободительного Движения.

Пожалуй, для них Сталин был еще большим врагом, чем для советских граждан не коммунистов, ненавидевших буквально все, что связано с понятием — коммунизм.

Марксисты, подобные майору Л., ненавидели Сталина не только за чинимый им террор, но, и главным образом, за компрометацию идеи в которую они верили и которая была для него превыше всего. Вот что пишет об одной группе убежденных марксистов и о крупном советском комиссаре, ставших на путь открытой борьбы против Сталина, А. С. Казанцев в своей книге «Третья сила»:

«…Наиболее ярким представителем этой группы был первый редактор «Зари» Милетий Александрович Зыков, один из замечательнейших людей из советского мира, с которыми мне приходилось встречаться.

Ленинская гвардия, вожди без кавычек, организаторы и

руководители октябрьского переворота и гражданской войны, часто были людьми большой культуры, эрудиций и знаний. Это был цвет русского марксизма, дань, взятая с русского народа коммунистическим интернационалом. Они были расстреляны потом Сталиным почти поголовно. Среди этих подлинных вождей большевизма нужно особенно выделить Бухарина, Рыкова, Бубнова и целый ряд других.

Зыков молодым комсомольцем, журналистом попал в эту среду. На дочери Бубнова, наркома просвещения СССР, он был потом женат. До ежовской чистки он был одним из заместителей редактора правительственной газеты «Известия» и постоянным ее сотрудником. Потом карьера кончилась чисто по советски — арест, допросы, таскание по тюрьмам и ссылка. Как была его настоящая фамилия, узнать мне так и не удалось, да я и не пытался, несмотря на очень близкие отношения, какие у нас потом сложились. В те времена это было не принято. Советское правительство за сдачу в плен привлекало к ответственности и семью виновного. Вполне понятно, что очень многие из них, попадая в плен и тем более выходя на волю, меняли имена и фамилии. Немцы не препятствовали этому и охотно шли навстречу. Мне иногда казалось, что и фамилия Зыков родилась в результате такой же перемены.

Познакомились мы при обстоятельствах не совсем обычных. Как то летом 1942 года, придя на службу, я увидел в коридоре странное зрелище — в цинковой ванне, в которой заключенные стирали белье, наполненной до верху водой, сидит незнакомый мне человек с намыленной головой и немилосердно трет себя щеткой. Одевшись в очень потрепанную и замазанную красноармейскую форму со стоптанными развалившимися сапогами, он представился Милетием Зыковым.

Появился он у нас при обстоятельствах несколько таинственных. Его привезли с передовой линии фронта, откуда-то из-под Ростова, на самолете. Перешел он к немцам добровольно и назвал себя комиссаром батальона. Потом, гораздо позднее, рассказывал мне, что был, на самом деле, комиссаром дивизии и чуть ли даже ни корпуса. Я не уверен, что и это было точно, но, во всяком случае, во всем знакомом мне подсоветском мире, оказавшемся с этой стороны, я не встречал человека такого масштаба, таких способностей, как был он. Общее убеждение было, не знаю насколько оно верно, что он был евреем. Может быть, это, в конце концов, послужило причиной его гибели.

На следующий день после приезда он решил написать брошюру о советской экономике, что и было им сделано в течение нескольких дней. Написана она была так, как мог

написать только очень крупный специалист по этим вопросам. Прогнозы его потом не оправдались (брошюра называлась «Неминуемый крах советской экономики») только потому, что он не смог предвидеть размеров американской помощи Советскому Союзу. Я часто заходил к нему во время работы, он писал ее до последней буквы без единой строчки пособий, без справочника. От первого до последнего слова по памяти.

Брошюра была законченна в несколько дней. Написана она была блестяще. О сложной технологии производства цветных металлов, о возможностях десятков, незнакомых многим и советским гражданам даже по имени, фабрик и заводов, Зыков писал, как крупный специалист. О распределении сырья, о способах его переработки писал, как геолог. О работе транспорта, о использовании каналов и железных дорог — как путеец. Специалисты по всем этим вопросам могли соглашаться или не соглашаться с его выводами, но что работа была написана с большим знанием дела — признавали все.

Как журналист он меня поразил еще больше. Ничего подобного я не видел в жизни.

Отделение пропаганды для той стороны выпускало нерегулярно выходящую газету, носившую название «Боевой клич». Она была закамуфлирована под одну из советских фронтовых газет. Я однажды присутствовал при том, как Зыков продиктовал стенографистке весь номер с начала до конца, от первой до последней строчки. Там была передовая, какой-то очерк, фельетон, сообщение с фронта и телеграммы из-за границы, отдел развлечений с какими-то головоломками для солдат, заканчивающийся чуть ли не шахматной задачей. Все это он продиктовал, не поднимаясь из-за стола, как будто прочел по книге. Работа продолжалась около трех часов.

Он обладал редким свойством подчинять себе людей и это происходило не благодаря его знаниям, большим чем у других, или талантам, а благодаря тому, трудно определимому, свойству, которым располагают люди, привыкшие приказывать и руководить. Интересно, что распространялась эта сила не только на русских, но и на немцев.

Перед тем, как выпустить первый номер «Зари», он заявил немецкому полковнику, начальнику отдела пропаганды, что без ежедневных сводок советского Информбюро он газету выпускать не может и не будет. Сначала это было встречено, как пожелание, о котором серьезно говорить не стоит — сводки эти хранились, как крупная государственная тайна и читало их, наверное, во всей Германии несколько десятков человек. Зыков каким-то образом доказал, что они ему совершенно необходимы. И вот,

каждое утро, в специальном, запечатанном сургучными печатями конверте, солдат приносит принятые ночью по радио советские телеграммы со всех фронтов. На пакете нужно расписаться, указать время получения, а при возвращении время, когда он ушел обратно. Мы закрываемся в комнате редакции, подходим к висевшей на стене карте и долго ищем десятки названий городов, сел отбитых у немцев в течение дня. Само собой понятно, никакого отношения к выходящей «Заре» это не имело и иметь не могло. Для меня, в качестве побочного продукта, от настойчивости Зыкова была большая польза: руководство организации было в курсе дел на фронте задолго до того, как об этом знали немецкие министры. Для них эти сводки нужно было переводить, а я их читал в оригинале. Сведения, даваемые с фронта командованием немецкой армии, как правило, очень отставали, а, кроме того, были не такими подробными, как советские, — немецкая армия тогда больше отступала, чем наступала.

Зыков и окружавшая его немного численная группа молодежи были правоверными и убежденными марксистами, такими, каких сейчас в СССР можно встретить гораздо реже, чем где-либо в другом месте. Родимые пятна их заключались в том, что покоренные когда-то логикой марксистского миропонимания, они никак не могли выйти из-под его власти. Они много читали — это была, главным образом, университетская молодежь, — внимательнее других присматривались к окружающей их новой жизни, но не могли поднять раз навсегда склоненной головы перед основоположником «научного» социализма. **Их критика советского строя была робкой и неуверенной, с оглядкой на неприкосновенные для них марксистские авторитеты. Кто-то из друзей определил их отношение к сталинизму, как бунт против него, но бунт на коленях. Будущее Освободительное Движение им представлялось как борьба за исправление искаженной Сталиным партийной линии и за возвращение на путь завещанный Лениным.**

Готовясь к борьбе против большевизма, мы часто обсуждали детали будущего выступления. Борьба потребует своих эмблем, символов и знамен, чисто внешнего оформления идей и целей.

Наши бунтари считали, что все это нужно взять из времен гражданской войны, как было при Ленине. Флаг должен быть красным. Форма армий такой, как была в свое время у Краской армии. Отношение к религии, в лучшем случае, никакого — все они, как правило, были воинствующими неверующими.

Армию оденем так, как она была одета при царе — мужику это наверное, очень даже понравится, — сфантазирует, бывало,

кто-нибудь из не марксистски настроенной молодежи.

Это приводит марксистов в ужас. Когда во время войны Сталин ввел золотые погоны и разделил армию на офицерскую касту и нижних чинов, бунтари были в великом смущении.

Мне представляется, что **люди этой группы — это было лучшее в большевизме. Вот, так он должен был бы выглядеть, если бы его не превратили в сплошную уголовщину. Но даже к в таком виде его нельзя было признать приемлемым.**

Это были последние цветы русского марксизма, по недосмотру не раздавленные Сталиным. Много ли было таких людей последнее время в самой России — не думаю. Судя по их рассказам, это были редкие единицы в кругах высшей интеллигенции, в той или иной мере общавшиеся когда-то с вождями большевизма первых лет. Я вспоминаю об этой группе только потому, что она оказалась выразительницей антибольшевистских настроений на первых порах создания Освободительного Движения. Нужно отдать справедливость, что эта небольшая группа, в руках которой находилась первая русская газета, ни в какой степени не использовала ее страницы для популяризации своих политических настроений». (Выделение в тексте жирным мое. — К. Ч.)

Я цитирую А. С. Казанцева рассказывающего о марксистах — врагах Сталина и участниках Освободительного Движения и подчеркиваю, что для будущих историков его и вообще для истории это очень важно.

Наличие марксистов а рядах Организованного Освободительного Движения подтверждает факт — Движение было не только многонародным, охватывавшим все народы СССР, но и, действительно, всепартийным.

Движение обобщало людей борющихся за свою свободу и верующих в самые различные идеи потому, что над всеми идеями неминуемо становилась идея к осуществлению которой стремились все — построение такого государственного устройства в Отечестве, за каковое после свержения Сталина свободно выскажется большинство его населения.

* * *

К началу октября 1944 года Казачий корпус был уже недалеко от Восточного фронта и по пути то и дело вел бои с титовцами. Помнится, в одном тяжелом бою наш дивизион долго не мог сбить засевших в укреплениях титовцев. Они засыпали нас ураганным огнем и буквально не давали нам поднять голов. И

вдруг появился Кононов. Идя между лежащими цепями он, как будто не было ничего особенного, шутя говорил:

«Вот эти ребятки здорово стреляют, не правда ли, сыночки? а?! Бравые они ребята, а ну-ка давайте-ка мы им з…..набьем!»

«Батько! Батько!» — поползло по цепям. Казаки со страхом за него смотрели на Кононова, шедшего во весь рост под ураганным огнем.

При виде неустрашимого Батьки у казаков исчез страх перед огнем противника и весь дивизион с криком «Ура!» бросился вперед.

«Пря-мо!» — зычным голосом подал команду Кононов и всем показалось, что и нет никакой преграды перед ними. И рванулись в атаку казачьи цепи, а за ними потянулись коноводы и обоз с боеприпасами.

Ошеломленный нашей стремительной атакой, противник в панике бежал, теряя и бросая оружие и оставляя на поле боя множество убитых и раненых.

Такие атаки бывали не раз и их с правом можно назвать кононовскими. Мы знали, что Батько с нами и все твердо верили, что там где он, там — победа. И с этой верой шли вперед и делали, казалось невозможное, возможным.

Слава о нас — казаках-кононовцах шла повсюду, и в Германии, и на Балканах, и вообще везде где только находились россияне. Наши боевые успехи передавались из уст в уста и, как правило, сильно преувеличивались, разукрашивались. Из нас молва делала каких-то легендарных героев, а самым легендарным — Батько.

Конечно, мы не заслуживали такой разукрашенной и вздутой во сто крат славы, но хорошим в этом было, что легенды о нас укрепляли дух жаждущих победы над Сталиным несчастных его рабов и тех кто стал уже на борьбу с ним.

Эти желаемые и потому так расширяемые и делаемые уже легендой наши победы воодушевляя и поднимая волю на борьбу всех антисталинцев и в первую очередь воинов Освободительного Движения, конечно, были созданы не без основания, а благодаря примерам показывавшимся то и дело славным сыном вольнолюбивого казачьего народа — донским казаком Иваном Нититичем Кононовым. Это прежде всех заметил и понял вождь Освободительного Движения Народов России — Андрей Андреевич Власов. И он неоднократно выражал это в своих письмах Кононову.

К концу ноября 1944 года Казачий корпус вышел на рубеж Ворождин — Копривница — Вирье.

2-я Казачья дивизия и бригада Кононова сосредоточились в

районе Копривница — Вирье.

В течение последних двух месяцев корпус понес значительные потери в боях, но в это же время на нашу сторону перебежало более 2 000 человек из войск Тито, из них около 800 солдат и офицеров Красной армии из подразделений действовавших вместе с титовцами. Советские перебежчики немедленно зачислялись в состав Казачьего корпуса.

В боях во время марша участвовали только части бывшей 1-й Казачьей дивизии. От нашей бригады участвовал только 5-й Донской полк, да уже успевший сформироваться новый 3-й дивизион.

Где в это время находился 8-й Пластунский полк, мы не знали, а многие из нас и вообще не знали о существовании этого полка. Гораздо позже мы узнали что 8-й Пластунский полк под командованием полковника Некрасова входит в состав нашей бригады, а затем, когда наша бригада имени Кононова развернулась в 3-ю Казачью дивизию, мы узнали что и 9-й Калмыцкий полк вошел в состав 3-й Казачьей дивизии.

Фактически 1-я Казачья дивизия развернулась в 15-й Казачий корпус только после ноября 1944 года.

Придя наконец в назначенный район, корпус, став на отдых, приступил к реорганизации и пополнению своих частей, прерванных во время похода.

* * *

28 октября 1944 года исполнилось ровно три года со дня первого боевого крещения 102 Казачьего Донского полка — первой боевой части Кононова, одержавшей первую победу в 1941 году над десантом красных. Этот день, как уже было сказано выше, стал полковым праздником.

Теперь, как и ранее, в 5-м Донском полку в этот день состоялось большое торжество. Командиры полков, дивизий, штаб-офицеры и другие старшие офицеры корпуса прибыли на торжество во главе с командиром корпуса ген. фон Панвицем. В своей речи, говоря об исключительных боевых заслугах Кононова и всех кононовцев, ген. фон Панвиц особенно подчеркнул то, что Кононов, среди всех военачальников Красной армии ставших на путь борьбы с коммунизмом, является исключительным и единственным сумевшим в организованном порядке перевести весь свой 436 стрелковый полк Красной армии на сторону немцев и что этот пополненный казаками и получивший наименование 102 Донского казачьего полка, а затем 5-го Донского казачьего

полк является самой первой во всех отношениях боевой частью из всех добровольческих частей, ставших на путь борьбы с коммунизмом.

Выразив благодарность Кононову и всем офицерам и казакам 5-го Донского полка, Панвиц сказал, что 5-й Донской полк является костяком 15-го Казачьего корпуса и по своей боеспособности, дисциплине и порядку служит примером всем другим полкам корпуса.

Офицеры 5-го Донского полка с гордостью слушали речь Панвица. Они знали, что он не льстит, они знали, что этот рыцарь не может говорить неправду. Они знали, что его рыцарское сердце, за год совместной борьбы наполнилось казачьим духом и что он искренне любит и ценит и самого Батьку, и всех его сынов.

«Наш господин генерал», — говорили они с любовью и гордостью о ген. фон Панвице.

В ответной речи Кононов благодарил ген. фон Панвица за все им сказанное и подчеркнул, что казаки знают, что он, генерал фон Панвиц, искренний и верный друг не только казаков, но и всего измученного советской властью русского народа.

«Мой дорогой Ифан Никитич!» — обняв Кононова и как всегда с немецким акцентом, с чувством любви и дружбы сказал фон Панвиц.

Он крепко пожал руки всем офицерам 5-го Донского полка и с особенным почетом приколол к груди некоторых офицеров полка полковой знак — белый крест с именем Кононова, и датой 28 октября 1941 года.

Торжество затянулось допоздна.

В этот день Кононов, как и прежде, получил массу поздравительных писем от деятелей Освободительного Движения, но самым ценным было письмо вождя его — генерала Власова.

Андрей Андреевич не забыл дату 28 октября и теплыми русскими словами поздравлял и благодарил Кононова.

Прочтя письмо Власова, Кононов поделился радостью с фон Панвицем. Панвиц никогда не встречался с Власовым, но знал уже давно что Власов большой, очень большой русский человек. Он понимал, что к Власову, ища спасения от сталинизма, с верой и надеждой тянутся все измученным сталинским игом русские души.

И когда лопнула надежда на «новое оружие», Панвиц один из первых немцев совершенно определенно всей душой стал на сторону Освободительного Движения Народов России, видя в нем единственную реальную силу которая неся свободу своей Родине может спасти от надвигающейся гибели его собственное Отечество. (Подробно об этом я скажу ниже).

28 октября Пропагандный отдел корпуса издал специальным изданием корпусную газету «Казачий Клич» с приложением, в котором описывался и иллюстрировался боевой путь 5-го Донского полка.

Ниже помещаются некоторые фотокопии из этих иллюстраций.

В «Казачьем Кличе» статьи печатались на русском и немецком языках и, в частности, статья Чухнова была напечатана только по-немецки. Я ее перевел.

Не следует принимать во внимание слова «жидо-большевизм» так как они, как правило, вставлялись в статьи без воли авторов Пропогандным отделом корпуса, возглавлявшимся немецким офицером, который владея русским языком производил цензуру «Казачьего Клича» и требовал корректур и вставления слов «жидо-большевизм».

Вот перевод с немецкого статьи Чухнова:

«Полковник Кононов и его донские казаки

В один из пасмурных осенних дней, в малом и старинном городке Могилеве, бывший майор И. Н. Кононов производит осмотр оборванных и изголодавшихся…[3]

[4]…(расска)зать о том подъеме, о том взрыве энтузиазма, которым встретили россияне весть о создании Комитета и опубликовании его Манифеста, не достаточно никаких слов.

19 ноября 1944 г. Манифест был передан по радио, а 20-го, только из ближайших к Берлину лагерей советских военнопленных, поступило 65 тысяч заявлений о приеме в армию. К концу ноября число заявлений поднялось до 300 тысяч, а к концу декабря один миллион добровольцев ждал от Штаба Вооруженных Сил КОНР ответа на свои заявления о принятии их в ряды частей начавшей формироваться Русской Освободительной Армии (РОА), Украинского Визвильного Войска (УВВ), Казачьих Войск и других национальных армий.

Власов учитывая наличие многочисленных добровольческих русских и национальных батальонов находившихся в составе немецкой армии, и казачьих частей численность которых к этому времени стала достигать 150 тысяч, считал, что создание двухмиллионной армии в кратчайший срок обеспечено.

Если создание КОНР и опубликование его Манифеста было встречено с таким энтузиазмом и подъемом россиянами находившимися в лагерях военнопленных или на работах в Германии, то можно себе представить как реагировали на это фронтовики, в частности Казачий корпус, идя с боями навстречу советским войскам.

Власов, посылая радостную весть Кононову, просил его как можно лучше информировать казачью фронтовую массу о идеях и задачах КОНР, а Кононов, вызвав казаков-пропагандистов призвал их к усиленной работе в корпусе.

Казачьи пропагандисты, питомцы Добендорфа, заработали не переводя духа. Ген. фон Панвиц, оповещенный Кононовым о письме ген. Власова, немедленно послал Андрею Андреевичу поздравительную телеграмму:

«Председателю Комитета Освобождения Народов России, ген. Власову.

Объединенные в моей дивизии казаки Дона, Кубани, Терека и Сибири посылают через меня Комитету Освобождения Народов России и Вам господин генерал пожелание счастья. С основанием Комитета исполняются надежды казаков и они от всего сердца приветствуют вступающую в борьбу с большевизмом РОА.

Да здравствуют вступающие в борьбу с большевизмом

народы!

1-я Казачья дивизия. Командир дивизии генерал-лейтенант фон Панвиц».

Телеграмма фон Панвица была напечатана в газете «Воля Народа» № 11 от 20 декабря 1944 года.

Страницы газеты «Воля Народа» заполнились приветственными телеграммами ген. Власову от высших военных чинов немецкой армии.

Ниже приводится текст приветственной телеграммы ген. Власову от начальника Генерального штаба германской армии генерал-полковника Гудериана, напечатанной в газете «Воля Народа» № 6 в воскресенье 3 декабря 1944 года на первой странице под заголовком: Приветственная телеграмма генерал-полковника Гудериана ген. Власову.

«Генерал-лейтенанту Власову.

Генерал Добровольческих войск сообщил мне о том радостном отклике, с которым было воспринято среди добровольцев опубликование Манифеста. С большой радостью я отдал приказ генералу Добровольческих войск поддержать всеми средствами Вашу деятельность по сформированию и реорганизации вооруженных сил Освободительного Движения.

Я приветствую эти вооруженные силы, как нового решительного союзника в борьбе против большевизма. Победа в этой совместной борьбе нам обеспечена.

Начальник генерального штаба германской армии генерал-полковник Гудериан».

В немецких газетах появились фотографии ген. Власова, разговаривающего с министрами Рейха — Гиммлером, Риббентропом и Геббельсом.

Как известно, Власов начиная переговоры с немцами поставил свое первое категорическое условие — он может разговаривать только от лица представителей всех народов России; возглавляемое им Движение должно рассматриваться Германией как равноправный союзник в общей борьбе с большевизмом; о каких-либо претензиях Германии, ущемляющих интересы народов России не может быть и речи.

Гитлеровцами, в частности Гиммлером, это условие было принято, как исходный пункт для дальнейших переговоров. Страх перед все ближе и ближе надвигающимися советскими войсками толкал их на дальнейшие уступки Власову, твердо требующему своего.

Все это, вместе взятое и явилось почвой необходимой для создания Комитета и избрания ген. Власова его председателем.

В состав Комитета, в соответствии с принципами Манифеста

провозглашающего равенство всех народов России, вошли Национальные Советы: Русский Национальный Совет, Украинский Национальный Совет (Украинска Национальна Рада), Белорусский Национальный Совет (Беларуська Национальна Рада), Национальный Совет Народов Кавказа, Национальный Совет Народов Туркестана (Национальный Маслахат Народов Туркестана). Казаки были представлены Главным Управлением Казачьих Войск во главе с Донским атаманом ген. Татаркиным, — вместо оставшегося вне КОНР розенберговского во главе с ген. Красновым.

Группа военных вошедшая в состав Комитета была представлена генералами, офицерами и солдатами, а группа гражданских — профессорами, учителями, инженерами, артистами, представителями других частей интеллигенции и крестьянами и рабочими.

Комитет работал день и ночь не покладая рук. 20 миллионов россиян, находившихся в «гитлеровской Европе», ставшей уже в то время весьма куцой, обратили свои тревожные взоры на Комитет Освобождения Народов России, ожидая, надеясь и веря в успех великого дела.

Не только российские антикоммунисты, но и антикоммунисты Европы стремились к вхождению в Движение.

Сербские войска ген. Недича, ген. Драже Михайловича, ген. Летича прислали своих представителей в Комитет. Движение стало перерастать рамки Российского. Имя ген. Власова стало спасительным маяком и для истерзанной Европы.

С опубликованием Манифеста КОНР своими демократическими основами и всем своим духом противоположным гитлеровской атмосфере, можно было поверить, да большинство и поверило, что гитлеровцы наконец отказались от своих преступных целей по отношению к народам России и другим народам оккупированных ими стран и готовы предоставить свободу действий Освободительному Движению.

МАНИФЕСТ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры! В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу. Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и

уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственными историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партия и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его а постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на социальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободы местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупами сделать ее орудием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократической сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костяк народов

Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войн и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьянам. Свобода форм трудового

землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России, уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революции 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в

советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР,

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против

сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

Председатель Комитета Освобождения Народов России генерал-лейтенант А. Власов. Члены Комитета: ген. — лейтенант Ф. Абрамов; общественный деятель Г. Алексеев; профессор С. Андреев; ген. — лейт. Е. Балабин; обществ. деятель Шамба Балинов; проф. Ф. Богатырчук; артист С. Волховской; полк. В. Боярский; рабочий К. Гордиенко; подпоручик А. Джалалов; ген. — лейт. Г. Жиленков; ген. — майор Д. Закутный; капитан Д, Зяблицкий; обществ. деятель Ю. Жеребков; полк. Буняченко; полк. М. Меандров; доцент А. Зайцев; проф. А. Карпинский; проф. Н. Ковалев; журналист А. Лисовский; ген. — майор В. Малышкин; фельдфебель И. Мамедов: проф. И. Москвитинов; литератор Ю. Музыченко; рабочий Н. Подлавкин; проф С. Руднев; унтер-офицер Г. Саакян; доцент Е. Тензоров; ген. — майор Ф. Трухин; проф. А. Цагол; крестьянин Х. Цымбал; капитан И. Чачух; врач Ибрагим Чулик; обществ. деятель Ф. Шлиппе; Ф. Янушевская; кандидаты: поручик В. Дубовец; рабочий В. Егоров; журналист А. Казанцев; инженер П. Кумин; обществ. деятель Д. Левицкий; рабочий Я. Родный; инженер П. Семенов; проф. Смирнов; проф. В. Стальмеков; проф. В. Татаринов; майор И. Тельников; солдат А. Щеглов. (Фамилии некоторых членов и кандидатов Комитета Освобождения Народов России не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности).

* * *

Внимательный читатель заметит, что в Манифесте есть выражения явно внесенные в него из-за необходимости в какой-то мере успокоить немцев, которые могли бы не допустить опубликования Манифеста без таких выражениях как, например, «силы империализма во главе с плутократами Англии и США», но внимательный читатель также заметит с какой силой и ясностью эти выражения сводятся на нет в других местах манифеста. Настолько — на нет, что приходится удивляться глупости гитлеровцев не заметивших этого. Например — «Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин (тут опять необходимая по вышеуказанным соображениям вставка, —

К. Ч.). страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье». Или в параграфе 3-м Манифеста, уже без всяких вставок и совершенно определенно: «Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества».

А если читатель учтет, что подсоветские люди умели читать между строк, то ему станет совершенно ясно почему КОНР не придал значения введению в Манифест «вставок», и почему Манифест несмотря на эти «вставки» имел такое колоссальное влияние на россиян.

* * *

Находясь в районах городов Вараждин, Копривница, Вирье, Казачий корпус комплектовал свои части и одновременно производил небольшие операции против титовских войск, начавших вновь скопляться в горах этих районов.

В таком положении корпус находился до начала декабря 1944 года.

Около полудня 22 декабря штабом бригады Кононова было получено предварительное распоряжение штаба корпуса о марше. Часам к пяти вечера — приказ на марш. Из приказа явствовало, что немецкие части после отходных боев, перешли к обороне в районе Вировитица. Приказом предписывалось в течение ночи с 22 на 23 выйти в район Питомача. Ночной марш совершался по одному маршруту, исключая танковый дивизион. Авангард — бригада Кононова, первый эшелон — 2-я Дивизия и артполк, второй эшелон, на дистанции 5 км, — 1-я дивизия. Командир и оперативная группа штаба корпуса — в голове первого эшелона. Разведывательный дивизион корпуса уже действовал, ведя разведку между Питомач и Вировитица.

Бригада Кононова выступила, исполняя приказ в ту же ночь. Помнится, наша сотня проходила через местечко Копривница, о котором рассказывали, что в нем усташи осажденные титовцами сумели продержаться целую неделю и были освобождены подоспевшими казаками, встреченными усташами с восторгом и благодарностью, как спасителей от неминуемой гибели.

После прохода через Копривницу, у местечка Вирье нам было приказано остановиться, зачистить лошадей и привести себя в порядок, так как дивизион будет встречен командиром бригады.

Приведя все в порядок, мы вошли в местечко. Въехав в центр мы увидели Кононова. Рядом с ним стоял в красном башлыке и с

карабином воспитанник первой согни — сербский мальчик Андрей. Закинув гордо голову он смотрел на походившие сотни, вероятно чувствуя себя большим начальником. Ему исполнилось 13 лет и он награжденный боевыми орденами и, главное, —новым кавалерийским карабином, чувствовал себя на седьмом небе. Находясь при штабе бригады, он очень гордился когда Батько брал его с собой.

Проходя мимо Кононова я увидел, что Батько чем-то опечален. Пропуская сотни, он не проронил ни одного слова и его лицо было сурово и пасмурно.

Пройдя через местечко, мы остановились в двух или трех километрах от него в каком то селе.

На другой день наш дивизион был выстроен в пешем строю. Около 9 часов приехал Кононов.

Поздоровавшись с нами, он несколько минут ходил молча перед строем из стороны в сторону. Лицо его было невеселым и озабоченным. Наконец, окинув нас суровым взглядом, он громко сказал:

«Родные мои сыны, мы идем драться с нашими братьями. Напоминаю вам еще раз и прошу этого не забывать: если будут пленные, а они у нас будут, то каждый из вас, если советский солдат или офицер голоден, должен отдать ему свой последний кусок хлеба, если он не имеет сапог — снимай и отдай ему свои.

Мои родные, мы должны крепко помнить, что братоубийственная борьба происходит не по нашей вине и не по вине советских воинов, коими мы почти все с вами тоже были. А поэтому мы должны, по возможности, избегать братского кровопролития и всеми силами показать нашим братьям советским солдатам и офицерам, — что мы ведем борьбу не против них, а наоборот, стремимся объединиться с ними, чтобы общими силами сокрушить истинных виновников братоубийственной войны.

Мы идем навстречу многомиллионной советской армии, обладающей огромной огневой мощью. Этой огневой мощи мы должны противопоставить не только нашу огневую мощь, но и, главным образом, наши идеи выраженные в Пражском манифесте. И я верю, что об этом вы, мои родные, будете помнить, во всех грядущих великих сражениях.

Я верю, что силы наших врагов, построенные на лжи, обмане и угнетении разобьются вдребезги!»

Эта речь Кононова еще раз глубоко тронула сердца казаков, еще раз указала нам куда, зачем и во имя чего мы идем.

В этот же день пришел приказ оставить всех лошадей (за исключением вьючных и связных) и приготовиться с обозом к

выступлению. На другой день около 6 часов утра мы выступили, а через 3–4 километра уже вступили в бой.

Противником нашим, на этот раз, оказалась какая-то бригада Тито. К вечеру этого дня, после сравнительно небольших боев, мы продвинулись на 10–15 километров и подошли к городу Джурджевоц.

Здесь мы в первый раз, после покинутого в 1943 г. Восточного фронта, вновь услышали выстрелы — «родной» артиллерии. Противник из города встретил беглым артиллерийским и минометным огнем наши наступающие цепи. Однако, после часовой артиллерийской перестрелки, огонь противника неожиданно совсем прекратился и нам сообщили, что 2-й дивизион нашего полка, атаковавший справа, уже ворвался в город.

Наш дивизион вошел в город без боя. Сразу же за нами, обогнав нашу сотню, промелькнула машина с Кононовым, а через несколько минут и машина с командиром 2-й дивизии полковником Шульц.

В городе почти на каждом доме и на каждом заборе красовались написанные большими буквами лозунги:

«Живио (да здравствует) маршал Сталин!»

«Живио наши союзники англо-американцы!»

«Живио маршал Тито!»

Жители смущенно стирая с домов и заборов коммунистические лозунги сообщили нам, что город занимали титовские войска и три батареи советской артиллерии. Последние при атаке казаками города, прицепив пушки к машинам, поспешно оставили город.

Кажется, три или четыре дня нашей сотне пришлось пробыть в этом городке, а нашему 3-му взводу охранять штаб дивизиона. Хорошо обсушиться и отдохнуть тогда, как все другие находились в бою. Изредка, откуда-то издалека, город обстреливала советская тяжелая артиллерия.

Находясь со взводом при штабе дивизиона (я тогда был на должности помощника командира 3-го взвода, а командиром взвода — хорунжий Чебенев), я часто заходил поговорить к своему приятелю — хорунжему Алексею Соколу, незадолго до этого ставшего адъютантом командира дивизиона. Однажды Сокол предложил мне пройтись с ним и навестить командира 2-й сотни.

«Пойдем, Виктора проведаем, — сказал он, — говорят что он в последнее время запил крепко, что-то с ним творится неладное».

Мы пошли. Сотник Виктор Григорьев, командир 2-й сотни,

был лет двадцати пяти, высок и строен как тополь, с белым чубом и такими же усами и бровями. Среди офицеров полка он отличался исключительной храбростью и отличным знанием своего дела. Природный донской казак он, в чине лейтенанта Красной армии, попал в плен к немцам, а из лагеря военнопленных добровольцем пошел служить к Кононову. Начав службу рядовым, он вскоре стал одним из лучших командиров сотни полка.

Казаки 2-й сотни его беззаветно любили и готовы были за ним идти в огонь и воду.

Сложившаяся для Освободительного Движения трагическая обстановка тревожила и угнетала многих, а с ними и Григорьева, начавшего заливать охватившее его предчувствие катастрофы водкой. Радостно встретив нас, он сразу же приказал своему вестовому подать на стол. Говорил с нами, пил стаканами, но не пьянел, а только бледнел и временами тяжело вздыхал.

«Брось, Виктор, пить! — сказал ему Сокол, — Батько узнает — будет неприятность. Ведь сотней командуешь».

«Ах все равно, братцы, жизнь наша пропащая… Предчувствует мое сердце, что будет нам всем решка. Продали нас б… немцы!» — безнадежно махнув рукой сказал Григорьев и опять налил себе полный стакан.

Посидев у него еще немного мы ушли.

Ночью, приоткрыв дверь в комнату, где прямо на полу на соломе спал весь взвод, командир дивизиона коротко приказал: «В сотню!»

Подойдя к расположению сотни мы увидели что не только наша сотня, но и все другие поспешно строились, готовясь к выступлению.

Уже совсем рассветало, когда наша сотня тронулась.

Проходя по улицам, на углу одной из них при выходе из города мы увидели начальника штаба дивизиона сотника Гюнтер. Он стоял с группой офицеров штаба дивизиона. В это время подошла 2-я сотня.

Высокий выше всех на голову шел впереди сотни Григорьев. Он шел твердой прямой походкой, но было видно, что он пьян.

«Куда мне, Юрка… куда мне?…» — пьяным голосом спросил он Гюнтера.

Тот, закусив губу, со злобной печалью смотрел в сторону и ничего не ответил. А потом подозвав Григорьева к себе, тихо, так чтобы не слышали казаки приказал пойти выспаться.

Казаки с тревогой и печалью смотрели вслед все так же твердо и прямо, уходившему от них их любимому командиру.

Пройдя несколько километров от Джурджевац, мы подошли к

селу Калиновац, где только что находились титовцы, выбитые после небольшого боя подошедшим раньше нас вторым дивизионом. Мы вошли в село.

Через полчаса поступил приказ, — нашей и 5-й сотням дивизиона остаться в Калиновац, а всем другим вернуться в Джурджевац.

Калиновац обстреливался беспокоящим артиллерийским огнем. По звуку мы определили, что бьет «наша».

Уже начинало темнеть, когда меня вызвал Пащенко. Так как Чебенев был отозван в другую сотню а я его замещал, то Пащенко дал мне ряд указаний.

«Будь осторожен… присматривайся!» — провожая меня сказал он.

Около полуночи, обойдя оборону, я пришел во 2-е отделение, окопавшееся у моста через большой ручей протекавший через село. У самого моста в канаве стоял дозорный, а в нескольких метрах за хатой в которой расположилось 2-е отделение, находилось пулеметное гнездо. Командир отделения, урядник Заруба, доложил мне, что у него все в порядке.

Я вошел в хату. На полу вповалку спали утомленные казаки, а у печи сидела хозяйка и вздрагивала при каждом разрыве прилетавших откуда-то издалека снарядов. Заруба предложил мне поесть. Набегавшись за целый день, утомленный заботами я устало ел поданную хозяйкой жареную картошку. Вдруг в хату стремительно влетел дозорный у моста казак и доложил, что за мостом слышен разговор. Еще днем я удалил из их «куч» («куча» по-сербски — дом) всех жителей по ту сторону моста и никак не могло быть, чтобы жители посмели ночью вернуться в свои дома.

Схватив автомат я направился к мосту. Всматриваясь а темноту и прислушиваясь, я подошел к нему. Никаких подозрительных звуков с другой стороны не было слышно, только журчал ручей. Простояв минут десять у моста я приказал дозорному, в случае какого-либо движения на той стороне, открыть огонь и вернулся в «кучу».

С четверть часа я просидел за столом, доедая остывшую картошку. Напротив меня сидя спал Заруба. Какое-то предчувствие опасности заставило меня встать и вновь направиться к мосту.

Не дойдя до моста 15–20 метров я увидел силуэт стоявшего дозорного казака и уже было успокоился, как вдруг раздался резкий крик «Юриш!» (призыв в атаку). Оглушительные разрывы гранат и автоматный огонь заставили меня «приземлиться». Упав на землю, я открыл огонь из автомата. Сразу же затем последовавшие несколько наших пулеметных очередей сразили

первые ряды атакующих титовцев и отбросили их назад.

Через несколько минут титовцы возобновили атаку, стремясь прорваться через мост. Как только они с криком «Юриш!» поднялись, я немедленно дал осветительную ракету, а наши меткие пулеметчики скосили всех оказавшихся в полосе света. Так повторялось несколько раз. И каждый раз осветительная ракета заставляла титовцев немедленно ложиться, а выскакивающих смельчаков косили наши пулеметчики.

Держа в руке наготове ракетницу, я послал казака к пулеметчикам с приказанием зажечь трассирующими пулями стог сена на той стороне во дворе дома. Через несколько минут поднялось пламя и осветило подступ к мосту. Титовцы поспешили убраться подальше.

Пока все это происходило ко мне по канаве у дороги подполз Пащенко. Я доложил ему обо всем. Приказав мне держаться до последнего патрона, он поспешил на другой конец нашей круговой обороны, так как там также уже начались атаки титовцев. Они охватив нас плотным кольцом нащупывали слабое место. На другом конце села, где стояла 5-я сотня тоже началась перестрелка. Оказалось, что телефонная связь прервана.

При нашей сотне находился один взвод 4-й тяжелой сотни. Взвод был под командой храброго молодого командира Николая Баркова, за несколько дней до этого произведенного в хорунжие. Явившись он сказал что Пащенко прислал его ко мне на помощь с одним минометом и одним тяжелым пулеметом.

Пулемет мы немедленно поставили прямо у моста, а из миномета, поставив его за хатой, стали бить по титовцам. Однако минометный огонь, видимо, мало беспокоил их. Какие-то смельчаки из титовцев отвечали вам на взрывы мин смехом и свистом, а один сорви голова откуда-то из-за ручья, совсем близко от нашей обороны хохотал, кукурекал по-петушиному, посылал отборную ругань, какая только есть на югославском языке, сопровождая все это очередями из автомата. Я думаю, что это он сразил вестового комсотни и двух казаков из моего взвода.

Крайне обозленный я ползал у самого ручья и старался разглядеть откуда этот сорви-голова угрожает нам, чтобы «шарахнуть» туда пару мин и успокоить его. Наконец я заметил, что в одном доме, освещенном горящим сеном, у самой земли находится окошко погреба. Там, кроме «героя» было еще несколько титовцев, так как по временам оттуда велся и беглый ружейный огонь. Я подозвал Баркова и указал ему логово титовцев. Подумав немного, Барков сказал мне, что не стоит тратить мины, так как погреб наверное цементирован, а дом каменный. Лучше ударить в него противотанковым «кулаком». Я

согласился. Послали казака и он через пару минут притащил два «кулака».

«Сейчас я этих ребят оттуда выкурю! — сказал Барков. — Бейте по окошку пока я подберусь поближе».

Барков уполз и через короткое время последовал оглушительный взрыв, разворотивший дом и превративший его в груду камней.

«Откукурекались!» — обминая обгоревший от выстрела из «кулака» мундир, сказал Барков.

Казаки смеялись и просили меня разрешить им перебраться через ручей, чтобы посмотреть, как «кукурекают» под завалившимся домом титовцы. Я не разрешил и сказал, что с этим успеется. Титовцы больше атаки не возобновляли. Перестрелка постепенно стала стихать. Стало светать и стрельба окончательно прекратилась.

Вероятно, титовцы решили еще до полного рассвета убраться восвояси. Как только стало совсем светло, была восстановлена телефонная связь с 5-й сотней и со штабом дивизиона.

Вскоре подошел Пащенко.

«Ну как, славные, не дали нам поспать эту ночь сукины сыны!» — сказал он смеясь. Огляделся кругом припухшими от усталости глазами и приказал сейчас же снарядить подводу и отправить трех убитых казаков в Джурджевац, а убитых титовцев похоронить здесь же.

Справившись с этим делом, мы поспешили улечься спать, но не успел я еще как следует уснуть, как меня стал будить вестовой, докладывая что меня вызывает Пащенко.

Пащенко сказал мне, что только-что звонил Бондаренко и приказал выслать разведку в направлении села Клоштарь, чтобы установить обороняется ли это село.

Напротив села Калиновац, в нескольких километрах, через поля виднелся густой лес и где-то за ним находилось село Клоштарь. Оборона противника предполагалась у леса.

«Ты иди и заставь их открыть огонь, а я влезу на хату и буду наблюдать, откуда они стреляют», — сказал мне Пащенко.

Жаль было будить усталых казаков, но это было нужно. С трудом поднялись они и я, объяснив им задачу, повел их.

Мы двигались напрямик через поле к лесу. На поле повсюду стояли не убранные копны соломы и кукурузных бобылей. Я знал, что противник нас видит и приказал казакам передвигаться осторожно. Один за другим, перебегал и прячась за копны, мы придвигались к противнику. Титовцы безусловно нас видели и, очевидно, поджидали, когда мы настолько придвинемся, что нам будет отрезан отход.

Началась игра в «кошки-мышки». Я был уверен, что титовцы не откроют огонь и будут ждать пока мы влезем в ловушку, и этого не хотел допустить. Чутье, выработанное за четыре года службы в разведке, подсказало мне, что пора остановиться.

Остановив взвод, я приказал уряднику Склярову продвинуться с пулеметным расчетом до отдельной копны, сделать вид, что заметили противника, открыть огонь по лесу и поспешно отходить.

Едва только прозвучала очередь из пулемета и весь взвод качал отход, как титовцы открыли по нам беглый огонь с флангов. Оказалось что мы уже прошли часть их обороны, расположенной справа от нас. Не беда, что били вдогонку, но беда, что с фланга, стараясь отрезать нам отход, перебегали титовцы. «Поднажав» мы успели приблизиться настолько к своей обороне, что она смогла открыть огонь по титовцам не рискуя сразить нас. Титовцы прекратили преследование. Но двое из них продолжали двигаться к нам. Заметив этих героев, я приказал двум казакам спрятаться в копну соломы и взять одного из титовцев живьем. Не ожидая засады, титовцы, ободренные тем, что мы не отстреливаясь «убегали», быстро продвигались вперед, но едва они поравнялись с копной соломы, как сразу же один из них был убит, а другой схвачен.

Пащенко с биноклем сидел на крыше и все это наблюдал.

«Ну, и бегаете вы здорово, словно козлы дикие скачете», — сказал он смеясь, встречая нас у крайних хат села.

«А ну-ка давайте сюда этого героя…»

«Здраво, братко! — шутя обратился Пащенко к пленному титовцу. — Так-что, значит, за колхоз имени Сталина воюешь?»

Такой вопрос нас развеселил и мы захохотали, а смущенный титовец боязливо заулыбался.

Опросив пленного, Пащенко отправил его в штаб дивизиона, а нам приказал идти и выспаться до наступления ночи, так как из слов пленного можно было заключить, что ночью мы вновь будем атакованы.

Уже стало темнеть, когда командир 2-го взвода хорунжий Рокитин разбудил меня и сообщил, что комсотни вызывает всех комвзводов к себе. Мы пошли. Пащенко сказал собравшимся, что в штабе дивизиона предполагают, что сегодня ночью мы непременно будем вновь атакованы; что в случае не выдержки наша сотня должна будет отступить к 7-й сотне, сменившей 5-ю, где уже сейчас роются для нас окопы; что здесь мы должны удержаться или все погибнуть.

«Первая моя светящая ракета — приготовиться; вторая — повзводно отходим через кладбище к 7-й сотне. Сейчас же всех

людей на оборону и быть начеку», — приказал нам Пащенко.

Однако через некоторое время из штаба дивизиона поступил новый приказ:

«Обнаружив наступление противника, не оказывая сопротивления отойти к 7-й сотне, где и оказать сопротивление до последнего патрона».

Около 22.00, высланные в сторону противника казачьи пикеты, один за другим, прибыли с донесением: «Идут!»

Еще не прогремел ни один выстрел, как с визгом взвилась в воздух ракета, а через две-три минуты — другая.

По окопам по цепи стала передаваться приглушенными голосами команда: «Отходить»… В темноте слышался топот отходящих взводов.

Находясь у моста с одним отделением своего взвода я ожидал очереди отходить, как вдруг, где-то совсем близко за мостом протрещала короткая автоматная очередь. Мой пулеметчик припал к пулемету, но я, схватив его за руку, приказал не издавать ни звука. Титовцы осторожно приближались к нашей обороне и, очевидно, кто-то из них по глупости или просто нечаянно выстрелил.

Тихонько, крадучись, мы оставили свою линию обороны у моста и двинулись вслед за другими взводами.

Но едва мы достигли кладбища, через которое нам был самый короткий путь к обороне 7-й сотни, как титовцы открыли по нам ураганный минометный огонь.

Обнаружив, что мы оставили свою линию обороны и, по всей вероятности, сообразив в каком направлении мы двинулись, титовцы обозленные тем, что их план окружения нашей сотни сорвался, не жалели мин.

С треском рвались мины врезаясь в каменные плиты памятников, выл дождь смертоносных осколков.

Счастье наше, что мы вовремя рванулись в сторону и буквально бегом выскочили из места, которое могло действительно стать кладбищем для всей нашей сотни.

Наконец мы достигли обороны 7-й сотни. Нас встретил ее молодой командир, сотник Воронов. В темноте послышался его повелительный голос:

«Какой взвод?»

«Третий», — отозвался я.

«Сюда, вот ваши окопы, быстро!»

Оказалось, что приготовленные окопы были уже распределены повзводно.

Буквально за несколько минут вся наша сотня влилась в кольцо обороны, из которой веером во все стороны смотрели в

темноту 28 пулеметов. Два взвода батальонных минометов, под командованием хорунжего Баркова, готовы были также в любой момент начать действовать.

Пащенко принял командование обороной. Командир дивизиона, есаул Бондаренко, и нач. штаба, сотник Гюнтер, переговаривались с ним по телефону, каждые несколько минут осведомляясь, как обстоят дела. Но противник, очевидно располагая большими силами, шел уверенно и, не начиная боя, плотно окружал нас со всех сторон. Разговор со штабом дивизиона был неожиданно прерван на полуслове и через несколько секунд с нами стали говорить уже титовцы. Кто-то из них, по всей вероятности начальник, стал предлагать нам сдаться без боя, угрожая, в противном случае уничтожить нас всех до единого.

«Катись к… матери!» — ответил Пащенко и бросил трубку.

Находясь со взводом на краю села, у дороги которая шла на Джурджевац, я получил приказ выслать двоих казаков вперед по дороге в пикет. Но не прошло и пяти минут, как посланные вернулись.

«Идут!» — сообщили они прыгая в окоп. Прошла минута, может быть две, а может быть и десять: трудно определить время, когда нервы напряжены до отказа в ожидании смертельной схватки с врагом. Последовавший огонь титовцев оглушил нас засыпав сотнями мин кольцо нашей обороны. Загорелись скирды, хаты и все, что только могло гореть и наша оборона оказалась в кольце пламени.

Противник, очевидно, имел приказ сломить наше сопротивление во что бы то ни стало и для этого сосредоточил против нас большое количество минометов.

В небольшом окопе у самой дороги, обняв прижавшегося к стенке окопа пулеметчика, я почувствовал, как мелкой дрожью дрожит его тело, как сильно бьется его молодое, жаждущее жизни сердце.

Сколько раз мне, за несколько лет проведенных в бесчисленных жестоких боях, приходилось чувствовать такое же напряжение в первые минуты боя, — чувство и страха ожидания, и желания чтобы это ожидаемое не томило и пришло скорей. И как много раз я видел, что даже самые трусливые в начале боя, когда он был в разгаре и это «ожидаемое» уже было тут, переставали бояться.

Подавляя свои чувства, стараясь быть спокойным и говорить ровным голосом, обращаюсь к прижавшемуся к втянутому в окоп пулемету 17-летнему пулеметчику Николаю Ходыч:

«Ходыч, сейчас, как только перестанут бить минометы, будет

атака…»

«Я знаю», — дрожа всем телом, но напряженно спокойным голосом ответил он.

После получасового минного шквала внезапно наступило затишье прерванное криком титовцев «Юришь». Началась атака.

С нашей стороны взвились в черное небо, осветив далеко впереди степь и ряды рвущихся вперед титовцев, осветительные ракеты. И почти одновременно застрочили наши пулеметы, кося ряды титовцев. Вместо «Юриш» послышались крики и стоны падающих. Титовцы замешкались. «Напрэд! Комсомол, напрэд!» — слышалось в темноте и атака возобновилась. И вновь при свете ракет наши милые нам тогда особенно «МГ-42» напряженно заговорили и скосили вторую волну титовцев. Но теперь уже убитые и тяжело раненые титовцы лежали гораздо ближе от наших окопов, чем те, которые остались лежать после первой атаки.

Огонь пожара за нашими спинами освещал место где лежали раненные титовцы и поэтому их товарищи не могли их вынести.

Атака захлебнулась и титовцы вновь открыли минометный огонь. На этот раз они около часа беспрерывно били по уже и без того почти до тла сгоревшим скирдам и крестьянским хатам.

Сжавшись в окопах мы выжидали конца минометной подготовки, чтобы вновь выбросить наверх свои пулеметы и вновь скосить ряды атакующих.

Третья атака была долгой и упорной. Казалось, противник задавит падающими телами, в конце концов, нашу оборону. За скошенными огнем рядами следовали новые и крики «Юриш!» и «Напрэд!» не умолкали ни на минуту.

В самый разгар атаки заел наш пулемет. Втянув его в окоп, Ходыч, разбивая в кровь пальцы, спеша и волнуясь старался вынуть застрявший замок и ключ. Ведя огонь из автомата я старался успокоить Ходыча, требовал устранять задержку не торопясь и не волнуясь, спокойно заверяя его, что я и с автоматом управлюсь с титовцами. Но едва они заметили, что огонь в нашем окопе ослабел, как сразу же стали наседать на нас, подобрались ближе и стали бросать ручные гранаты. Осколками меня ранило в руку, а третий номер пулеметного расчета — в голову. Я сгоряча не почувствовал боли, но вскоре автомат выпал из моих рук. К счастью, как раз в этот момент, Ходычу удалось устранить задержку и смельчакам, подобравшимся к нашему окопу, пришлось расстаться с жизнью. Ходыч, в экстазе остервенело матерясь и приговаривая, безостановочно строчил из пулемета.

Вдруг пулемет умолк.

«Ленту!» — протягивая руку крикнул Ходыч.

В волнении мы лихорадочно щупали патронные коробки, но увы… все были пусты. Справа от нашего окопа, в 8-10 метрах через дорогу на углу улицы стоял дом. За домом укрывались подводы с боеприпасами и сотенная походная кухня. Горевший дом освещал раненных минами лошадей в упряжке. Несчастные животные, обливаясь кровью, бились в предсмертных судорогах. Подводы и кухня были также разбиты в пух и прах. Под стеной дома был окоп и было видно, как бьют из пулемета и суетятся в нем казаки. Противник засыпал огнем их небольшой освещенный пожаром окоп, но безуспешно. Там оборонялся пулеметный расчет второго отделения моего взвода. Первый номер — лихой бесшабашный храбрец Александр Медков, был лучшим пулеметчиком сотни. Его пулемет поражал цель с любого положения. Стреляя в наседающих титовцев в упор, Медков вряд ли давал промахи и уже какой по счету титовец, вскинув руки, свалился сраженный насмерть, так и не добежав до казачьего окопа.

Оставшись без патронов я растерялся на секунду, но сразу же взял себя в руки и приказал второму номеру переползти через дорогу к окопу 2-го отделения и взять у них ящик с патронами. Но едва он сунулся из окопа на дорогу, как сразу же был ранен и скатился в придорожную канаву. Сжимая рану на руке я попытался сам переползти через дорогу, но каждый раз как я показывался на ней стая пуль врезалась в землю около меня и мне приходилось скатываться назад в окоп. Тогда, стараясь обратить на себя внимание казаков 2-го отделения, я стал жестикулировать и кричать прося у них патронов. Они лихорадочно вели огонь, но все-таки заметили мои жесты, хотя и не могли толком понять, чего я хочу.

В это время из темноты кто-то змеей подполз к их окопу и вкатился в него, отстранил Медкова от пулемета и сам начал строчить. Присмотревшись я узнал Чебенева. Он временно находился в 7-й сотне и в этот вечер должен был вернуться к нам.

«Значит, — мелькнуло у меня в голове, — узнал где мы и пришел». В этот же момент у меня мелькнула удачная мысль. Собрав все силы я схватил здоровой рукой пустую патронную коробку и изо всех сил бросил ее Чебеневу. Коробка не долетела и упала рядом с его окопом. Чебенев смог взять ее и несколько секунд непонимающе глядел на мои жестикуляции и старался понять, что я кричу. Затем, догадавшись, выпрыгнул из окопа с полной патронной коробкой в руках и пополз к нашему окопу. Но едва он выполз на дорогу, как зацокали и запели вокруг него пули. Стремительно скатившись в кювет, он, изловчившись, бросил нам коробку. Она не долетела и упала прямо на дорогу.

Тогда стремительно выскочив из кювета Чебенев покатился через дорогу и скатился в ее кювет с с нашей стороны. Дорогу засыпали пули и я подумал, что он убит, но велика была наша радость, когда Чебенев спрыгнул к нам в окоп с полной коробкой патронов, которую он подобрал на ходу, катясь по дороге.

Смотря на меня своими бесстрашными глазами, смеясь и шутя он сказал:

«Заяц не любит трепаться!» — и демонстративно закрутил свои жидкие, едва пробившиеся усы.

Однажды я рассказал ему очень сильный анекдот про лисицу и зайца, в котором, между прочим, говорится, как заяц, одержав победу над лисицей, демонстративно закрутив перед нею усы, с пафосом заявил: «Заяц не любит трепаться!» Этот анекдот Чебеневу очень понравился и он часто шутил и разыгрывал «зайца». Не забыл он этого сделать и теперь, в минуту игры со смертью.

Спасительная коробка позволила вновь привести в действие наш пулемет и мы, ободрившись и даже обнаглев, стали кричать титовцам всяческое и слать им отборный русский «мат».

В это время к вам подполз вестовой, посланный Пащенко. Он полз вдоль обороны и ободряюще кричал казакам: «Братцы! держитесь! По радио передали: к нам на помощь вышла шестая сотня».

Впоследствии оказалось, что это было выдумано Пащенко, чтобы поднять наш дух. И он не ошибся, тем более, что это ободряющее сообщение пришло в момент, когда нам уже казалось, что противник выдыхается. В действительности же никто не шел к нам на помощь, так как весь наш полк был так же окружен титовцами в Джурджевац, и там кипел сильный бой.

Наконец и третья атака титовцев окончательно захлебнулась и Пащенко передал по цепи приказ «Прекратить огонь!», так многие казаки били уже впустую, а патроны нужно было экономить.

Вскоре стрельба прекратилась и из темноты послышался шепот, скрип подвод и вскрики раненых. Очевидно, противник подбирал своих раненых и убитых.

При первых брызгах рассвета наступила полная тишина. Противник, понеся значительные потери, ушел ни с чем, оставив вокруг нашей обороны лежавших в освещенной пожаром стороне убитых и раненых.

Только утром мы узнали, что титовцам все-таки удалось побывать в некоторых наших окопах, в которых прямым попаданием мин были побиты казаки, но каждый раз их немедленно выбивали контр-атакой. Пащенко имел для этого

один взвод в резерве.

Утром, когда отправив своих убитых и раненых в Джурджевац мы принялись укреплять оборону на дороге, со стороны Джурджевац показалась легковая машина.

«Батько едет», — сказал Пащенко, смотря в бинокль.

Мы бросили работу и смотрели на быстро приближающуюся машину.

Машина подошла, остановилась и Кононов, выйдя из нее, подошел к Пащенко, обнял его и расцеловал. По усталому лицу Кононова мы видели, что он, наш Батько, минувшей ночью также не смыкал глаз. Однако он старался быть бодрым и веселым. А мы, смертельно уставшие, грязные, с лицами почерневшими от дыма смотрели на него и, казалось, его бодрость вливалась в нас.

«Мои славные герои! — сказал Кононов, обводя нас своим соколиным взглядом. — Противник еще раз убедился, что вы сила, с которой ему справиться не по плечу. Вы же уже в который раз убедились, что можете выдержать бой против любого врага, даже численно во много раз превосходящего вас. Это, прежде всего, результат успешной учебы, вашей смелости, находчивости и упорства в бою.

Да, конечно, страшно идти на врага, а еще страшнее поджидать его, но надо помнить, что противнику тоже не меньше вашего страшно. Но чем меньше вы будете его бояться, тем больше он будет бояться вас. Этого, мои сыночки, вы никогда не забывайте и ведите себя так, чтобы внушить противнику, что вы его нисколько не боитесь. Тогда он и вашего духу бояться будет.

Последней ночью вы это хорошо продемонстрировали. И тот, кто из них до вчерашнего боя еще не знал, каково воевать с казаками и не страшился вас, сегодня он уже при одном вашем появлении в штаны наложит. Это точно!» — с уверенностью закончил Кононов.

При его последних словах на лицах казаков появились улыбки и за несколько минут разговора с Батькой мы уже забыли о минувшей битве и усталости.

Кононов, осматривая нашу оборону все время шутил с казаками и одновременно указывал, где и как получше устроить укрепления.

К вечеру наша оборона превратилась в достаточно прочное укрепление с дзотами и проволочным заграждением.

«Ну, теперь пускай наступают, хоть целой армией!» — уверенно говорили, любуясь своими сооружениями, казаки.

И, действительно, выдержав сильный напор противника в небольших открытых окопах, можно было вполне уверенно себя чувствовать в дзотах.

Но противник больше не решался на нас нападать и лишь время от времени издалека обстреливал нас из дальнобойных орудий.

Будучи легко раненым, я отказался от отправки в госпиталь и остался при сотне, нося руку на подвязке. Так уж было заведено в нашем полку, что никто из казаков, а в особенности — из командиров, при легком ранении строй не покидал.

Кажется, на третий или четвертый день после этого боя, рано утром в Калиновац пришло несколько сотен нашей бригады. Нам сообщили, что сотни идут в наступление на село Клоштарь.

Нашей сотне было приказано остаться на месте и охранять пришедшие в Калиновац несколько батарей артиллерийского полка.

В 9 утра завязался ожесточенный бой за село Клоштарь.

Уже с самого начала боя было видно, что он принимает затяжной характер. Сотни первого дивизиона, наступавшие с левого фланга, вязли в жидкой болотистой почве. Минометы, при приведение их в действие, проваливались в грязь. Сильно укрепленный противник уверенно и успешно оборонялся и несколько предпринятых атак оказались безрезультатными.

Уже стало вечереть, когда командир 5-го Донского полка майор Борисов, руководивший этим боем, донес Кононову, что сломить противника сегодня, очевидно, не удастся. В ответ был получен приказ: «Взять Клоштарь!»

Борисов вновь бросил сотни в атаку. Несколько раз атакующие сотни откатывались назад и вновь бросались вперед. Казалось, что успеха не будет. Тогда командир второй сотни, сотник Григорьев, решил прорвать оборону любой ценой и собрав свою сотню в кулак бросился на оборону противника.

Стремительным броском Григорьеву с сотней удалось достичь обороны противника, но в двух шагах от нее он упал сраженный насмерть.

Увидев своего любимого командира убитым, казаки обезумев от горя и гнева ворвались в оборону противника и с остервенением стали избивать обалдевших от неожиданности и страха титовцев.

В сделанный прорыв немедленно ворвались другие сотни. Противник дрогнул и в панике побежал, что привело к массовому его уничтожению.

В этом бою титовцы дорого заплатили за жизнь Григорьева.

Было уже совсем темно, когда сотни участвовавшие в этом бою возвращались через Калиновац в Джурджевац.

Смертельно уставшие и измученные, медленно проходили они мимо нас. В нашей сотне еще никто не знал, что Григорьев

убит и, лишь когда 8-я сотня проходила мимо нас, мы узнали об этой огромной для всех кононовцев потере.

Командир 8-й сотни, хорунжий Василий Сидак, увидев меня приостановился и глядя куда-то в сторону, как бы в раздумье, с глубокой печалью сказал мне:

«Виктора убили…» — и низко опустив голову, пошел дальше, а за ним, с таким же видом, вся его сотня.

Через некоторое время подошла и осиротевшая 2-я сотня. Некоторые казаки рассказали нам о подробностях гибели их командира.

В бункере, — рассказывали казаки, — из которого был убит Григорьев, ворвавшиеся казаки второй сотни руками передушили всех находившихся там титовцев. А потом, вестовой Григорьева, весь забрызганный их кровью, как безумный безудержно рыдал над телом своего командира, не видя и не слыша ничего вокруг. А тот, с растрепанным белесым чубом, весь изрешеченный пулями непривычно безмолвно и безучастно лежал на земле.

Позже рассказывали, что когда Кононову сообщили о гибели Григорьева, он закрыв лицо руками долго сидел не проронив ни слова.

Через несколько дней после этого боя зима взяла свои права и выпал снег. Наша сотня продолжала стоять в Калиноваце, беспрерывно ведя повзводно разведку во всех направлениях.

И.Н. Кононов в форме генерал-майора ВС КОНР, апрель 1945 г.

КОНЕЦ II ТОМА

СОДЕРЖАНИЕ III ТОМА

1. Разгром Кононовым советской 133 гвардейской трижды краснознаменной имени Сталина стрелковой дивизии 25.12.1944 г. у Питомача на р. Драва.

2. Разгром казачьим корпусом советской группировки войск маршала Толбухина в районе Веровитица. Наступательные и оборонительные бои казачьего корпуса с советскими войсками.

3. Встреча Кононова с Походным Атаманом Казачьего стана ген. Домановым.

4. Великие события на верхах Освободительного Движения. Генерал А. А. Власов — главнокомандующий Вооруженными силами КОНР.

5. Организация Кононовым Всеказачьего Съезда казаков-фронтовиков и прибытие его с декларацией Съезда в ставку ген. Власова.

6. Производство Кононова в генерал-майоры и назначение его командиром 15-го кавалерийского корпуса. Выступление ген. Кононова перед делегатами 1-й дивизии РОА с декларацией Всеказачьего Съезда. Речь ген. А. А. Власова к делегатам 1-й дивизии РОА.

7. Вхождение Казачьего Национального Совета под председательством Донского Атамана ген. Татарника в состав КОНР и официальное присоединение Казачьего Освободительного Движения к Общероссийскому Освободительному Движению.

8. Прибытие ген. Кононова и Терского Походного Атамана полковника Кулакова к Походному Атаману Казачьего Стана ген. Доманову. Их планы совместных действий.

9. Встреча ген. Кононова с ген. Красновым. Отказ ген. Краснова присоединиться к Общероссийскому Освободительному Движению.

10. Возвращение ген. Кононова на Балканы. Авантюра гитлеровцев. Спор с немецким командованием. Позиция ген. фон Панвица.

11. Председатель КОНР и главнокомандующий его Вооруженными Силами ген. А. А. Власов срочно вызывает в ставку ген. Кононова. Назначение ген. Кононова Походным Атаманом всех Казачьих Войск и командующим всеми казачьими войсками.

12. Великое предательство гитлеровцами Освободительного Движения Народов России. Совещание генерала Власова с генералом Кононовым и генералом Буняченко. Поход 1-й дивизии РОА на Прагу. Планы и последние надежды ген. А. А. Власова.

13. Последний разговор ген. Кононова с вождем Освободительного Движения Народов России генералом А. А. Власовым.

14. В стане союзников Сталина. Духовное банкротство правителей Запада. Подлый обман и насильственная выдача.

15. Послесловие.

Иллюстрации и ряд фотокопий исторических документов.

В третьем томе описаны исключительно важные события в Освободительном Движении, подтверждаемые прилагаемыми историческими документами. Третий том в книжных магазинах продаваться не будет.

notes

Примечания

1

Югославы называли казаков черкесами.

2

Я сильно смягчаю настоящее выражение Кононова.

3

В скане книге отсутствуют страницы 134–135 (автор fb2)

4

В скане книге отсутствуют страницы 134–135 (автор fb2)